

ПЕТРАРКА

ПАМЯТНИКИ
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПАМ'ЯТНИКИ МІРОВОЇ ЛІТЕРАТУРИ

ПИСАТЕЛИ ЗАПАДА. ІТАЛІЯ

ПЕТРАРКА

АВТОБІОГРАФІЯ. ІСПОВІДЬ

СОНЕТИ

ПЕТРАРКА

АВТОБІОГРАФІЯ. ИСПОВѢДЬ
СОНЕТЫ

ПЕРЕВОДЪ

М. ГЕРШЕНЗОНА и ВЯЧ. ИВАНОВА

МОСКВА

ИЗДАНИЕ М. И С. САБАШНИКОВЫХЪ

1915

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва—1915.

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА.

СЪ ПОРТРЕТА, ПИСАННАГО ВСКОРЪ ПОСЛЪ ЕГО СМЕРТИ, НЕ ПОЗЖЕ
1379 г., ДЯ ОДНОГО ИЗЪ ЕГО ДРУЗЕЙ, ФРАНЧЕСКО ДА КАРРАРА.

Фронтисписъ въ копіи сочиненія Петrarки:

De viris illustribus.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Латинскій языкъ Петрарки—концентрированный продуктъ романскаго духа: стилистика Цицерона, осложненная итальянскимъ ходомъ мышленія; поэтому онъ необычайно труденъ для перевода на всякій не-романскій языкъ. Трудность еще усугубляется тѣмъ, что въ лапидарную рѣчь классической эпохи Петраркѣ приходилось втискивать выраженіе чувства и мысли безконечно утонченныхъ и изощренныхъ. Его мастерство изумительно: въ борьбѣ съ непокорностью словъ онъ, мнится, сворачиваетъ въ узелъ стальные полосы, вздергиваетъ на дыбы горячихъ коней; но подчасъ силы и измѣняются ему. Переводчикъ всюду находится между двухъ опасностей: онъ рискуетъ поминутно впасть либо въ банальную модернизацию, либо въ плоскую наивность. Я прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы сохранить и вѣрность слову, и вѣрность тону подлинника; но знаю,—ибо всякая добродѣтель ревнива,—что мнѣ далеко не вездѣ удалось совмѣстить то и другое.

Я обязанъ искренней благодарностью Вяч. И. Иванову, который дружески согласился перевести какъ выбранные мною сонеты Петрарки, такъ и стихотворныя цитаты въ бесѣдахъ „О презрѣніи къ міру“. Вступительный очеркъ, уже раньше напечатанный (въ извѣстномъ сборникѣ статей по исторіи среднихъ вѣковъ, подъ ред. П. Г. Виноградова), здѣсь мною значительно дополненъ. Тѣмъ пониманіемъ Петрарки, которое изложено въ

этомъ очеркѣ, опредѣленъ и выборъ произведеній, предлагаемыхъ здѣсь въ переводѣ. Впрочемъ, это замѣчаніе касается преимущественно сонетовъ; относительно того, что бесѣды „О презрѣніи къ міру“ наилучше освѣщаютъ душевную жизнь Петрарки и его историческую роль, между знающими нѣтъ двухъ мнѣній.

М. Г.

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА. 1304—1374.

Петрарка жилъ за шесть вѣковъ до насъ; шесть вѣковъ— немалый срокъ. На протяженіи этихъ шести столѣтій его имя было извѣстно всякому образованному человѣку въ Европѣ и непрерывно на разныхъ языкахъ печатались и читались книги о немъ. Память человѣчества экономна: изъ великаго обилія возникающихъ образовъ, именъ и дѣяній она хранитъ позднѣе лишь тѣ, которые еще содержатъ въ себѣ нѣчто живое и потребное для жизни; она отбираетъ увѣренно, по какому-то безошибочному чутью, крѣпко храня нужное, пока оно нужно, и сметая все остальное, какъ соръ, въ быстро уносящую рѣку забвенія. Высшая задача историка, вѣнецъ его усилій— понять и показать, что еще уцѣлѣло въ явленіи прошлаго, чѣмъ оно еще живо и нужно. Оболочка за оболочкой онъ снимаетъ съ явленія его историческія опредѣленія, пока обнажится живое ядро,— и тѣмъ самымъ историкъ становится въ рядъ важнѣйшихъ дѣятелей настоящаго. Ибо это ядро, скрытое въ отмершей шелухѣ, надо не только благоговѣнно хранить, какъ дѣластъ толпа въ своемъ смутномъ чаяніи: надо вылущить его и сдѣлать зримымъ, чтобы люди познали его питательную силу. Естественно, что люди больше двадцати вѣковъ помнятъ имя Эсхила и больше шести— имя Данте, потому что и Эсхиль, и Данте имъ еще нужны; но тотъ оказываетъ своему обществу истинную услугу, кто умѣетъ раскрыть предъ нимъ творчество того и другого и прямо или чрезъ историческій анализъ ввести ихъ въ самый круговоротъ животрепещущей дѣйствительности.

Изъ великихъ людей прошлаго немногіе такъ осязательно-современны, такъ кровно-родственны намъ, какъ Петрарка. Пусть ученые доказываютъ, что онъ былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени и геніальнымъ писателемъ, что онъ положилъ начало свѣтской учености въ Европѣ и гуманизму въ Италиі: все это относится къ прошлому и насъ непосредственно не волнуетъ. Научныя знанія и методы Петрарки кажутся теперь дѣтскимъ лепетомъ, его латинскихъ трактатовъ никто не читаетъ, и если бы онъ былъ только тѣмъ, за что обычно выдаютъ его историки, — родоначальникомъ итальянскаго Возрожденія, — ему и подобало бы мѣсто только въ исторіи той эпохи. Даже его итальянскіе сонеты, читаемые донинѣ, сами по себѣ, внѣ связи съ его личностью, не оправдали бы его славы, потому что, несмотря на всю ихъ формальную прелесть, они оставляютъ насъ холодными. Петрарка-дѣятель принадлежитъ исторіи, чуждъ намъ также Петрарка-поэтъ, но стоить кому-нибудь изучить его дѣятельность и его поэзію и чрезъ то воскресить его живой образъ, — мы съ удивленіемъ видимъ, что въ этомъ лицѣ есть черты поразительнаго сходства съ нами, такъ что почти не вѣрится, что онъ отдѣленъ отъ насъ такимъ огромнымъ промежуткомъ времени; и тогда живымъ смысломъ наполняются для насъ его писанія.

Съ первыхъ дней своей зрѣлости и до конца Петрарка жилъ одинъ, какъ въ пустынѣ, наслаждаясь бесѣдами съ самимъ собою. Многіе годы онъ дѣйствительно жилъ въ полномъ уединеніи, но и при дворахъ князей онъ оставался одинокимъ. Ему никогда не бывало скучно въ одиночествѣ. Онъ точно первый изъ людей открылъ глаза на всю природу, — на себя, на людей, на міръ, — больше всего на себя самого. Онъ анализировалъ все, но еще не въ такой степени, какъ мы: онъ умѣлъ еще заодно и видѣть вещи, а видѣть — значитъ наслаждаться. Средневѣковый человѣкъ былъ очень зорокъ, но зоркостью какъ-бы машинальной, потому что религія внѣдрила въ него принципіальное рав-

нодушіе къ реальнымъ вещамъ и ихъ формамъ; теперь гипнозъ ослабѣлъ, и Петрарка—точно проснувшійся: онъ смотритъ жадно и наслаждается созерцаніемъ; какъ никто до него, онъ различаетъ уже индивидуальности бытія, четкіе контуры явленій, и эти контуры радуютъ его своимъ своеобразиемъ и своею четкостью; и образъ каждой вещи, отпечатлѣвшійся въ немъ самомъ, становится для него затѣмъ новой вещью и, стало быть, новымъ источникомъ наслажденія, потому что, опять-таки, какъ никто раньше, онъ почти осязательно ощущаетъ въ себѣ присутствіе каждаго своего чувства и каждой мысли.

Итакъ, онъ жилъ еще столько же внѣ себя, сколько въ себѣ самомъ, тогда какъ мы уже очень мало живемъ внѣ себя, т.-е. въ непосредственномъ созерцаніи вещей. Но онъ уже много жилъ мыслью и самосознаніемъ. Въ немъ, мы сказали бы теперь, уже сильно развита рефлексія, и первобытная гармонія въ немъ нарушена. Вотъ вѣрнѣйшій признакъ: цѣльный человѣкъ, древній или средневѣковый, безсознательно постигалъ необъяснимость ирраціональнаго и не посягалъ на нее; напротивъ, Петрарка склоненъ ко всему ирраціональному въ себѣ и въ мірѣ подходитъ съ мѣриломъ разсудка, онъ логически разбираетъ всѣ нравственныя явленія и, живя на дѣлѣ, разумѣется, ирраціонально, т.-е. повинуюсь всѣмъ своимъ страстямъ, неустанно повѣряетъ разумомъ свою страсть, чтобы раскрытіемъ ея смысла оправдать ее или обнаруженіемъ ея безсмысленности истребить ее. Первое удается ему плохо, второе не удается совсѣмъ, но потребность анализа—владыка надъ нимъ; онъ снова и снова разбираетъ, ищетъ новыя стороны въ явленіи и находитъ новые аргументы, то истощаясь въ усиліяхъ, то наслаждаясь обиліемъ или остроуміемъ своихъ мыслей, — два типичныхъ чувства, попеременно сопутствующихъ сухой и эгоистической работѣ разсудочнаго мышленія. Онъ могъ искренно вѣрить, что въ немъ горитъ святая жажда улучшить нравственно самого себя и усовершенствовать своихъ ближнихъ:

мы этого не видимъ, напротивъ, намъ кажется, что будь у него власть, онъ все, начиная съ собственной грѣховности, оставилъ бы какъ оно есть, чтобы и впредь имѣть предметъ для рационализированія — и еще потому, что онъ все это любитъ. Но его снѣдаетъ демонъ рефлексіи.

О Петраркѣ вѣрно сказали, что онъ былъ зеркаломъ самого себя. Его взоръ какъ бы поминутно обращается внутрь. Онъ безсознательно любуется игрой своихъ чувствъ и мыслей, и ни одинъ оттѣнокъ въ нихъ не ускользаетъ отъ его вниманія. Въ то время, какъ большинству людей ихъ внутренній міръ представляется лишь смутно, точно подернутымъ дымкою, Петрарка съ любознательностью истиннаго психолога изучилъ самыя отдаленныя закоулки своей души. Здѣсь онъ чувствуетъ себя въ своей сферѣ, здѣсь ему все знакомо и мило; онъ знаетъ каждую свою мысль и каждое чувство, какъ библиоманъ свои книги, и, какъ онъ же, знаетъ цѣну каждой изъ нихъ, имѣетъ между ними своихъ любимцевъ, но ни съ одною не можетъ разстаться и всѣ равно ставитъ на полку—однѣ выше, другія ниже. Онъ не знаетъ ни общихъ чувствъ, ни слитныхъ настроеній—они расчленяются предъ его умственнымъ взоромъ. Эта способность чувствовать каждую свою эмоцію, какъ недѣлимое, сдѣлала его неподражаемымъ лирикомъ, потому что каждый его сонетъ есть законченное изображеніе одного едва уловимаго движенія души изъ сплошнаго потока многихъ такихъ же, составлявшихъ однообразную исторію его любви къ Лаурѣ; это какъ бы моментальныя фотографіи его сердца. Мюссе вѣрно сказалъ о немъ: „Онъ одинъ умѣлъ схватывать на лету мгновенныя біенія сердца; получилъ въ даръ улыбку, онъ чертилъ ея образъ остріемъ золотого рѣзца на чистомъ алмазѣ“.

Петрарка написалъ огромное количество писемъ на латинскомъ языкѣ, чрезвычайно пространныхъ и подробныхъ; они тогда же распространялись въ копіяхъ, и на нихъ въ значительной степени

была основана его прижизненная слава; онъ самъ дорожилъ имн: подь старость онъ тщательно собралъ ихъ, расположивъ въ хронологическомъ порядкѣ. Эти письма — моментальные снимки съ его ума; они носятъ совершенно тотъ же характеръ, какъ его сонеты: едва ли еще гдѣ можно найти въ мировой литературѣ такое гармоническое сочетаніе непосредственности съ самосознаніемъ, глубокой плавности духа, мягко клубящагося въ неудержимомъ движеніи, съ четкой бисерностью отдѣльныхъ состояній. Такова бываетъ игра гениальныхъ музыкантовъ, и душевная жизнь Петрарки дѣйствительно въ высшей степени музыкальна. Онъ былъ гениальный артистъ и первый же, самый счастливый свой слушатель. Онъ наслаждался богатствомъ своего духа, зналъ себя какъ единственнаго, прекраснаго, царственно-богатаго, и былъ поэтому такъ тщеславенъ, что нѣкоторымъ біографамъ отвращеніе къ его тщеславію мѣшало оцѣнить по справедливости его подлинное величіе.

Эта живость воспріятій и, еще больше, это обиліе и красочность внутреннихъ переживаній опредѣлили и внѣшнюю жизнь Петрарки. Она сложилась въ формы безпримѣрныя не только въ ту эпоху, но и на нѣсколько вѣковъ впередъ, зато очень обычныя въ наше время. Онъ захотѣлъ и сумѣлъ прожить одинъ, внѣ корпораціи и внѣ традиціонныхъ профессій, независимымъ человекомъ и свободнымъ художникомъ, въ такое время, когда никто не жилъ одинъ, но всякій съ юныхъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ формально, становился подь защиту корпораціи. Петрарка также былъ каноникомъ, и даже усердно выпрашивалъ бенефиціи,— иначе ему нечѣмъ было бы жить,— но его служба была чистой синекурою. Онъ много путешествовалъ по Италіи и Франціи и часто подолгу, по два и по три года, жилъ въ полномъ одиночествѣ, только со своими мыслями и книгами, въ крохотной усадьбѣ недалеко отъ Авиньона. Это сельское уединеніе уже прославленнаго писателя, продолжавшееся съ перерывами 16 лѣтъ. наполненное бодрымъ и

неустаннымъ творчествомъ, болѣе всего поражаетъ въ біографіи Петрарки. Только пять и шесть вѣковъ спустя, и то лишь рѣдко, можно встрѣтить другіе примѣры такого властнаго самоутвержденія, такой совершенной способности удовлетворяться самимъ собою: Петрарка въ Воклюзѣ, Вольтеръ въ Фернеѣ, Левъ Толстой въ Ясной Полянѣ—ихъ только три подобнаго калибра за все новое время. Незнатный и бѣдный каноникъ, только человекъ пера, Петрарка крѣпко стоитъ на своихъ ногахъ, идетъ одинъ, безъ опоръ, своимъ особымъ путемъ, въ твердой увѣренности, что самая его жизнь есть высокая цѣнность, что люди не могутъ не восхищаться ею и не слушать благоговѣнно, что онъ имѣетъ имъ сказать. Онъ неустанно говоритъ имъ о себѣ, какъ онъ живетъ, что чувствуетъ поминутно,—онъ проникнуть почти торжественнымъ чувствомъ значительности своей духовной жизни,—и люди дѣйствительно смотрятъ на него съ восторженнымъ удивленіемъ, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ — власть имущій, посмѣвшій вполне быть самимъ собой. Слава Петрарки при его жизни была такъ же безпримѣрна, какъ его жизнь: простые люди предъ нимъ благоговѣли, образованные преклонялись предъ нимъ съ глубокимъ почтеніемъ, короли и владыки ласкали его. А онъ любилъ славу больше всѣхъ благъ, и не скрывалъ этого, хотя хорошо зналъ, что надо искать не мірской славы, а спасенія своей души.

Это противорѣчіе — одно изъ многихъ въ немъ: онъ весь сотканъ изъ противорѣчій. Прекрасны эти противорѣчивыя натуры и увлекательно наблюдать богатство ихъ внутренней жизни и ихъ душевныя муки, залогъ восхожденія по крутымъ ступенямъ. Петрарка презиралъ зависимость придворной жизни, любилъ досугъ и свободу, — и однако годы цѣлые жилъ при дворахъ итальянскихъ князей; онъ исповѣдывалъ христіанское смиреніе, — и былъ нестерпимо тщеславенъ; двадцать лѣтъ воспѣвалъ Лауру, — и имѣлъ двухъ дѣтей отъ неизвѣстной женщины; считалъ грѣхами и любовь, и стяжаніе, и жажду славы, — и однако жаждалъ

всего, что осуждалъ, и всю жизнь грѣшилъ, грѣшилъ и каялся. Эта раздвоенность личности есть слѣдствіе ея неустойчиваго положенія на рубежѣ двухъ эпохъ.

Чтобы обнаружить вѣчное ядро въ историческомъ явленіи, надо изучить послѣднее въ его родной обстановкѣ, а чтобы понять человѣка въ его времени, надо предварительно узнать характеръ этого человѣка. Съ характера Петрарки мы и начнемъ.

I.

За исключеніемъ Лауры, Петрарка во всю свою долгую жизнь искренно любилъ только себя самого; онъ жилъ только для себя, только для себя учился и писалъ, одного себя изучалъ и одному себѣ удивлялся. Онъ не сдѣлался, но родился эгоистомъ. Ему было только 22 года, когда умерла его мать, оставивъ его и брата круглыми сиротами. Петрарка уже въ то время писалъ отличные стихи на латинскомъ языкѣ; и вотъ онъ рѣшилъ почтить память матери стихотвореніемъ ровно въ 38 гекзаметровъ, по количеству лѣтъ, которыя она прожила: неудивительно, что плодомъ этой выдумки явились 38 стиховъ блестящихъ и холодныхъ, какъ сталь. Въ своей обширной перепискѣ, гдѣ онъ часто говоритъ о себѣ, Петрарка только два раза мимоходомъ упоминаетъ о матери, а если имя отца и встрѣчается чаще, то лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Петрарка не можетъ обойти его при разсказѣ о какомъ-нибудь случаѣ изъ своей собственной жизни. Своему единственному и, какъ онъ часто говоритъ, любимому брату онъ за 40 лѣтъ, которыя обнимаетъ его переписка, написалъ только 8 писемъ и, несмотря на свои постоянные переѣзды, посѣтилъ его въ монастырѣ только два раза, въ послѣдній разъ — за 21 годъ до своей смерти. У него былъ сынъ, котораго родила одна женщина изъ Авиньона и котораго онъ съ дѣтства держалъ

при себѣ. При такомъ отцѣ сынъ не могъ получить хорошаго воспитанія; въ 1359 году 22-лѣтній Джованни вмѣстѣ съ слугами отца обокралъ его домъ въ Миланѣ и за это былъ прогнанъ отцомъ. Позже они примирились, но когда въ 1361 году Джованни умеръ отъ чумы, Петрарка не скрывалъ своей радости. „Благодареніе Богу“, писалъ онъ, „который, хотя и не безъ боли, избавилъ меня отъ продолжительнаго страданія“.

У Петрарки было много друзей, повидимому искренно преданныхъ ему и во всякомъ случаѣ глубоко преклонявшихъ предъ его гениемъ. Онъ часто и охотно изслѣдуетъ природу и условія дружбы, еще чаще описываетъ свои чувства по отношенію къ друзьямъ; но всѣ эти разсужденія не идутъ далѣе риторическихъ фигуръ и обнаруживаютъ болѣе начитанность въ классикахъ, нежели глубину и искренность чувства. Друзья нужны были Петраркѣ, прежде всего, какъ адресаты для писемъ. Одержимый неодолимою страстью излагать на бумагѣ свои мысли и чувства, онъ нашель въ античной формѣ эпистолографіи тотъ удобный родъ литературы, который не стѣснялъ его опредѣленностью сюжета, а напротивъ, давалъ полный просторъ его перу и фантазіи. Но въ то время, какъ всякое другое произведеніе обращается непосредственно къ публикѣ, письмо требуетъ опредѣленнаго адресата. Петраркѣ необходимо было найти нѣсколько человѣкъ, достаточно наивныхъ и благоговѣющихъ передъ нимъ, чтобы получать, читать и отвѣчать на письма, обращенныя къ адресату стороной, а лицомъ къ публикѣ, письма, наполненныя преимущественно разказами о самомъ авторѣ ихъ и, въ лучшемъ случаѣ, морально-философскими разсужденіями величиною нерѣдко въ цѣлый трактатъ. Такими наивными адресатами и были его друзья, и поэтому насъ не должно удивлять, что между ними, за исключеніемъ Боккаччіо, не было ни одного изъ выдающихся умовъ того времени. Къ этому присоединялось еще другое обстоятельство. По примѣру Цицерона, своего главнаго литературнаго учителя и

образца, Петрарка считалъ дружбу необходимою принадлежностью всякаго философа-моралиста, какимъ и самъ хотѣлъ быть. По образу Цицерона онъ создаетъ себѣ культъ дружбы, называетъ друзей своихъ Леліемъ и Сократомъ, изслѣдуетъ природу и основанія дружбы и въ изящныхъ выраженіяхъ описываетъ одушевляющія его чувства. Но эти чувства, какъ уже сказано, не идутъ далѣе словъ. Онъ охотно принимаетъ подарки и услуги отъ друзей, но отплачиваетъ имъ обыкновенно только письмами и увѣреніями въ своей дружбѣ. Едва ли можно найти болѣе преданнаго и самоотверженнаго друга, чѣмъ какимъ былъ для Петрарки Боккаччіо. Онъ не разъ предпринималъ далекія путешествія, чтобы посѣтить Петрарку, подолгу жилъ у него, писалъ въ его защиту, добился во Флоренціи того, что Петраркѣ возвратили гражданскія права и имѣніе, отнятое у его отца, время отъ времени дѣлалъ ему дорогіе по тому времени подарки, вродѣ сочиненій Цицерона, Варрона, Августина, или собственноручно переписаннаго имъ для Петрарки экземпляра „Божественной Комедіи“. А Петрарка послѣ каждой новой услуги съ новымъ жаромъ брался за перо и, наслаждаясь богатствомъ своихъ мыслей и изяществомъ своего слога, писалъ новую вариацию на неистощимую тему о дружбѣ. Чуждый зависти, скромный и искренній Боккаччіо благоговѣлъ предъ нимъ, въ письмахъ и на дѣлѣ выражалъ ему свою любовь и удивленіе, а Петрарка нашель случай—не прочитавъ, а просмотрѣвъ „Декамеронъ“ только въ 1373 году, т.-е. по крайней мѣрѣ спустя 20 лѣтъ послѣ того, какъ послѣдній былъ изданъ.

Въ молодости Петрарка прожилъ въ домѣ Стефана Колонна, какъ родной сынъ, нѣсколько счастливыхъ лѣтъ. Когда въ 1348 году умеръ послѣдній изъ семи сыновей Стефана, нѣкогда ближайшій другъ Петрарки, приличіе требовало, чтобы Петрарка выразилъ участіе къ великому горю старика. И вотъ, спустя цѣлый годъ послѣ смерти младшаго Колонна, онъ пишетъ Стефану письмо, полное риторическихъ похвалъ и утѣшеній, примѣровъ изъ

древней исторіи и цитатъ, но лишенное малѣйшихъ признаковъ чувства. Съ безсердечіемъ, доходящимъ до жестокости, онъ ради риторическаго эффекта противопоставляетъ горе, постигшее старца, его прежнему счастью и безжалостно терзаетъ его сердце подробнымъ перечисленіемъ его отдѣльныхъ потерь. Чувство Петрарки точно до краевъ наполнено его собственнымъ „я“, и въ немъ уже не остается мѣста ни для чего другого.

Точно такъ же его мысль всецѣло поглощена его собственною личностью. Большая часть написаннаго имъ, притомъ его лучшія произведенія: его сонеты, большинство латинскихъ поэмъ, книга „О презрѣніи къ міру“, „Письмо къ потомкамъ“, наполнены этимъ содержаніемъ. Какъ влюбленный, который не имѣетъ причины скрывать свою любовь, онъ говоритъ о самомъ себѣ по всякому поводу, рассказываетъ самые мелкіе факты изъ своей жизни, забывая, что эти подробности могутъ нисколько не интересовать или, наконецъ, надоѣсть его читателямъ. Въ своемъ увлеченіи онъ иногда пренебрегаетъ элементарными требованіями приличія, прерывая серьезный разговоръ пустымъ замѣчаніемъ все о томъ же предметѣ своей любви, какъ, напримѣръ, въ томъ мѣстѣ своихъ „Книгъ о замѣчательныхъ предметахъ“, гдѣ онъ самодовольно сообщаетъ читателю, что пишетъ эту страницу отвратительнымъ перомъ, которое уже три раза принужденъ былъ „уक्रощать желѣзомъ“. Онъ не разъ выражалъ намѣреніе устранять изъ своихъ писемъ всякіе личные и случайные элементы, посвящать ихъ исключительно разсмотрѣнію философскихъ вопросовъ,—и въ отношеніи своихъ корреспондентовъ онъ строго соблюдалъ это рѣшеніе: въ его обширной перепискѣ, обнимающей болѣе 500 писемъ, едва ли найдется сотня строкъ, непосредственно касающаяся какихъ-либо событій изъ жизни его друзей. Но о себѣ онъ и здѣсь говоритъ часто и съ любовью, даже, пожалуй, чаще и охотнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Можно было бы составить большой томъ изъ писемъ, въ которыхъ онъ описываетъ свое

настроение, свой образъ жизни и свои впечатлѣнія по различнымъ поводамъ; онъ подробно и многократно рассказываетъ о своемъ пребываніи въ томъ или другомъ городѣ, о неудобствахъ или опасностяхъ, которымъ подвергся во время того или другого путешествія, о своихъ чувствахъ къ тому или другому другу, о своихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ; въ пяти письмахъ онъ описываетъ свое коронованіе, въ двухъ—ушибъ ноги, причиненный паденіемъ съ полки тома цинцеровскихъ сочиненій, въ цѣломъ рядѣ другихъ—то какую-нибудь встрѣчу, то хлопоты съ прислугой, то ужинъ, то пріобрѣтеніе собаки, то мелкія непріятности въ родѣ того, что затерялось какое-нибудь изъ его писемъ, или что, пріѣхавъ въ Парму, онъ не засталъ тамъ своего друга. Но и во всѣхъ остальныхъ письмахъ, трактующихъ о серьезныхъ философскихъ или литературныхъ вопросахъ, поминутно, при малѣйшей возможности, снова появляются на сцену его собственная персона, его личныя наблюденія, впечатлѣнія и привычки. Съ любовью изучая ежедневную жизнь своего духа, онъ радуется какъ ребенокъ, подмѣтивъ въ немъ малѣйшее движеніе, и не можетъ устоять противъ искушенія сообщить о немъ другимъ. Поэтому онъ пишетъ всю жизнь, торопливо и съ наслажденіемъ занося на бумагу не только послѣдовательный рядъ своихъ идей, но и всякую побочную и случайную мысль, возникающую въ его мозгу; если бы у него отняли возможность писать, онъ умеръ бы: „жить и писать, — говоритъ онъ,—я перестану сразу“. Именно эта потребность заставила его обратиться къ формѣ письма.

Петрарка еще въ сравнительно молодые годы достигъ необыкновенной славы, и по временамъ можетъ казаться, что онъ считалъ эту славу естественною данью своему генію, что онъ дѣйствительно былъ проникнутъ сознаніемъ своего величія. Въ его поэмѣ „Африка“ сначала старшій Сципіонъ, потомъ Энній предсказываютъ, что въ отдаленномъ поколѣніи явится юноша именемъ Францискъ, который вернетъ музъ изъ изгнанія, воспоетъ подвиги

младшаго Сципіона, возстановитъ славу великихъ мужей Рима и вѣнчается лавровымъ вѣнкомъ. Въ другихъ мѣстахъ онъ ставитъ себя на одну доску съ Гораціемъ, Цицерономъ и Вергиліемъ; онъ обѣщаетъ предать безсмертію имя Карла IV, и въ благодарность за благодарія, оказанныя ему Франческо Каррарскимъ, пишетъ послѣднему письмо. Казалось бы, какое гордое самосознаніе генія! Но это впечатлѣніе обманчиво. Стоитъ какому-нибудь критику указать метрическую погрѣшность въ одномъ изъ его латинскихъ стиховъ,—онъ разразится цѣлымъ стихотворнымъ посланіемъ, полнымъ ярости и грубой брани, гдѣ дерзкій критикъ приравнивается къ бѣшеной собакѣ, къ обезьянѣ, дразнящей тигровъ, къ пауку, соперничающему съ Минервой въ ткацкомъ искусствѣ. Когда нѣкто, кого онъ считалъ своимъ другомъ, осмѣлился усомниться въ его правахъ на лавровый вѣнокъ, онъ поражаетъ его двумя стихотворными посланіями, гдѣ обливаетъ грязью своего „врага“, ссылается на короля Роберта, который будто бы, забывая о снѣ и пищѣ, цѣлыя ночи проводилъ за чтеніемъ его стиховъ, и хвастаетъ своею извѣстностью: „мои стихи знаютъ и хвалятъ на Тибрѣ, въ Неаполѣ, на родинѣ Назона, Флакка и Цицерона, во Франціи и на Ронѣ“. Онъ не разъ увѣряетъ, что „лай собакъ не тревожитъ его“, что онъ „не боится словъ“, что презираетъ рукоплесканія толпы; онъ называетъ своихъ враговъ пьяницами, собаками, черными воронами, старающимися найти пятна на лебедяхъ, жужжащими насѣкомыми и болтливыми сороками; но достаточно кому-нибудь задѣтъ его единымъ словомъ,—и онъ выходитъ изъ себя и нѣтъ предѣла его ненависти и гнѣву, брани и жалобамъ; достаточно булавочнаго укола, чтобы онъ потерялъ самообладаніе и въ припадкѣ ярости сталъ попирать ногами тѣ нравственные идеалы, которыхъ онъ такъ охотно выставляетъ себя носителемъ. Когда въ Венеціи четверо молодыхъ аверроистовъ осмѣлились признать его „хорошимъ, но невѣжественнымъ человѣкомъ“, онъ издаетъ противъ нихъ обширный трактатъ,

гдѣ, прикрывшись лицемѣрнымъ смиреніемъ и доброжелательностью, тайкомъ жалить и осыпаетъ инсинуаціями своихъ „друзей“; хуже того, онъ спускается до роли доносчика, явно стараясь выставить ихъ безбожниками, врагами вѣры и Христа; онъ былъ бы, кажется, не прочь навлечь на дерзкихъ страшную кару церковнаго суда. Какой-то кардиналъ, бывшій раньше его другомъ, рѣзко отозвался о немъ въ кругу прочихъ кардиналовъ; онъ упрекалъ Петрарку въ невѣжество, утверждалъ, что все лучшее украдено имъ у древнихъ, обвинялъ его въ томъ, что онъ вѣчно домогается церковныхъ мѣстъ, и въ томъ, что живетъ при дворахъ тирановъ, которые питаются потомъ и кровью нищихъ и вдовъ. Когда объ этомъ отзывѣ сообщили Петраркѣ, онъ разразился, конечно, цѣлымъ потокомъ ругательствъ и жалобъ, и еще черезъ годъ, уже незадолго до смерти, издалъ противъ прежняго друга страстную инвективу, гдѣ выставялъ его вмѣстилищемъ всѣхъ возможныхъ пороковъ, извергомъ, достигшимъ кардинальской шапки лишь благодаря знатности своей семьи и путемъ симоніи. Куда дѣвалось недоступное величіе *vates*, раздающаго безсмертіе? Петрарка дрожитъ за свою славу, точно боится, что ее отнимутъ у него; въ каждой нападкѣ онъ видитъ злостное желаніе умалить свои заслуги, ему страшень каждый противникъ хотя бы самый ничтожный. *Alma sdegnosa* Данте, его неуязвимая, гордость чужды Петраркѣ; его тщеславіе трусливо и подозрительно.

Между тѣмъ онъ любитъ рядиться въ тогу стойка. Несчетное число разъ онъ увѣщаетъ друзей гордо и спокойно переносить несчастія, противопоставлять ударамъ судьбы мужество и терпѣніе, не плакать и не жаловаться. Это одна изъ его любимыхъ темъ; онъ написалъ даже цѣлый трактатъ „О средствахъ противъ счастья и несчастья“, гдѣ доказываетъ, что человѣкъ не долженъ обольщаться счастіемъ и падать духомъ при невзгодахъ. Самъ онъ будто-бы размышленіями и наукой закалилъ свой духъ. Жизнь научила его выносить житейскія битвы. Ударамъ судьбы онъ противо-

поставляетъ уже не жалобы и слезы, какъ нѣкогда, а силы духа, закаленного въ страданіяхъ, и твердо стоитъ на ногахъ, неустрашенный, непобѣдимый. Мудрый человѣкъ, говоритъ онъ, долженъ изгонять изъ своего сердца или, по крайней мѣрѣ, умѣрять свою скорбь, и во всякомъ случаѣ долженъ держать ее втайнѣ. „Если хочешь плакать, плачь, но одинъ, или лучше познай разъ навсегда, что человѣкъ долженъ мириться съ превратностями человѣческой судьбы“.—Въ дѣйствительности онъ ноетъ и жалуется безпрестанно; онъ самъ стыдитъ себя за это и оправдываетъ себя словами: „чувствую, что если не облегчу себя слезами и жалобами, то умру“. Въ немъ нѣтъ и слѣда той душевной твердости, того стоицизма, котораго онъ требуетъ отъ философа; напротивъ, онъ до крайности слабыхарактеренъ и нетерпѣливъ. Мы видѣли, что малѣйшій уколъ критики лишаетъ его самообладанія; точно такъ же достаточно самага ничтожнаго житейскаго огорченія или разочарованія, чтобы онъ впалъ въ отчаяніе и сталъ горько жаловаться на судьбу, на людей, на весь міръ. Епископъ Аччайуоли обѣщалъ навѣстить его въ опредѣленный часъ, но запоздалъ; внѣ себя, Петрарка садится писать письмо своему другу Симониду: „Нѣтъ болѣе вѣрности на землѣ, сказалъ Вергилій, и чѣмъ болѣе я думаю объ этихъ словахъ, тѣмъ глубже понимаю ихъ, и съ теченіемъ лѣтъ нахожу ихъ все болѣе справедливыми. Кто могъ бы повѣрить, чтобы флорентійскій епископъ, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ на землѣ, хотѣлъ обмануть меня? Но такова моя доля—быть обманываемымъ всѣми“. Затѣмъ, подробно изложивъ обстоятельства дѣла, онъ восклицаетъ: „Быть можетъ, онъ погнушался отобѣдать у поэта и счелъ унижительнымъ для себя почтить своимъ присутствіемъ тѣ мѣста, которыя посѣтилъ нѣкогда король Робертъ сицилійскій и вслѣдъ за нимъ столько кардиналовъ и князей“, и т. д. Не успѣлъ онъ еще дописать письма, какъ прибылъ епископъ; мгновенно успокоившись, поэтъ съ неподражаемою наивностью продолжаетъ: „Я написалъ до этихъ

поръ и хотѣлъ продолжать въ томъ же тонѣ, когда шумъ у воротъ возвѣстилъ мнѣ, что епископъ прибылъ. Такъ не проходитъ дня, чтобы я не узналъ на опытѣ, насколько пусты и суетны жалобы и заботы людей“. Тѣмъ не менѣе онъ отправляетъ письмо, какъ онъ говоритъ, въ назиданіе другу. Это одинъ примѣръ изъ многихъ; самый зоркій глазъ не откроетъ въ Петраркѣ ни слѣда самообладанія, твердости или выносливости. Онъ боится молніи и землетрясеній, очень нетерпѣливъ въ болѣзняхъ, бѣжитъ отъ чумы. Перенеся однажды бурю на морѣ, онъ даетъ клятвенный зарокъ никогда, ни подъ какимъ видомъ, ни по приказанію папы, ни даже если бы всталъ изъ могилы его отецъ, не ввѣрять свою жизнь произволу вѣтровъ и волнъ. Ночь, проведенная имъ подъ дождемъ въ открытомъ полѣ, кажется ему „адскою ночью“. Рассказавъ о томъ, какъ онъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью, онъ прибавляетъ: *et nunc horresco referens* (полустышіе Вергилія); разумѣется, это происшествіе описано съ величайшею подробностью и въ самыхъ яркихъ краскахъ.

Съ какимъ жаромъ, съ какимъ краснорѣчіемъ умѣетъ онъ говорить о независимости „твердаго духа“, о безсиліи матеріальныхъ условій надъ душой философа! Сколько разъ онъ доказываетъ, что слѣдуетъ презирать богатство, что любостяжаніе есть грѣхъ и глупость, что бѣденъ только тотъ, кто многого желаетъ, а потребности растутъ съ богатствомъ! Это тоже одна изъ его любимыхъ темъ; но его жизнь мало соотвѣтствуетъ этимъ правиламъ. Съ 1335 года, когда онъ получилъ первую свою церковную синекуру—каноникатъ въ Ломбезѣ, не проходитъ трехъ-четыреухъ лѣтъ, чтобы онъ лично или черезъ друзей не ходатайствовалъ у папы о новыхъ приходахъ, притомъ весьма назойливо. Нерѣдкія неудачи вызываютъ въ немъ сильнѣйшее раздраженіе противъ авиньонской куріи, и тогда онъ принимается громить Авиньонъ, папу, курію и, прежде всего, враждебныхъ ему кардиналовъ. Но пройдетъ нѣкоторое время, и мы снова видимъ его

въ развратномъ, ненавистномъ ему Авиньонѣ. „Ты спросишь, что привело меня сюда? Единственно лишь сила дружбы. Ибо что касается до меня самого, то я не имѣю болѣе почти никакихъ желаній, и стремлюсь уже не собирать дары фортуны, а покидать и раздавать ихъ“. Это его обычный припѣвъ; въ дѣйствительности дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. На этотъ разъ онъ пріѣхалъ въ Авиньонъ потому, что два дружественныхъ кардинала посовѣтовали ему выступить кандидатомъ на свободную должность папскаго секретаря. Къ сожалѣнію, его хлопоты оказались безуспѣшными—онъ получилъ отказъ, который, впрочемъ, въ его изображеніи оказывается настоящей побѣдой. Ибо, рассказываетъ онъ, болѣе всего дорожа своей свободой, онъ долго и упорно отказывался отъ предлагаемой должности; но такъ какъ друзья продолжали настаивать на своемъ предложеніи, то онъ согласился подвергнуться требуемому испытанію - написать какую-нибудь официальную бумагу; и тутъ-то онъ будто бы съ умысломъ „развернулъ крылья своего духа и постарался взвиться такъ высоко, чтобы исчезнуть изъ глазъ своихъ преслѣдователей“, т.-е. постарался доказать, что совершенно неспособенъ писать „варварскимъ, низкимъ и безсодержательнымъ“ слогомъ папской канцеляріи; только этой уловкѣ онъ и обязанъ своимъ спасеніемъ. Подобными письмами онъ усыплялъ подозрѣнія своихъ друзей. Уже въ старости, незадолго до смерти, онъ все еще продолжаетъ кланчить. Въ 1372 году онъ проситъ своего друга, апостольскаго секретаря Франческо Бруни, походатайствовать за него у папы. „Если бы святой отецъ пожелалъ оказать мнѣ нѣкоторую поддержку и тѣмъ обезпечить мнѣ покойную старость, то пусть не удерживаетъ его мысль о томъ, что я недостойнъ этой милости, ибо онъ намѣстникъ Того, Кто ежедневно благодѣтельствуетъ недостойнымъ. Если онъ искренно хочетъ этого, то онъ можетъ осуществить это единымъ словомъ, ибо нѣтъ монарха на землѣ, который такъ легко могъ бы оказывать благодѣянія другимъ, какъ римскій пер-

восвященникъ“, и т. д. Онъ не знаетъ, чего собственно просить, потому что никогда не думалъ о такихъ вещахъ; притомъ, если онъ попроситъ чего-нибудь опредѣленнаго, то можетъ случиться, что прежде, чѣмъ его просьба дойдетъ до ушей папы, кто-нибудь другой уже успѣетъ выпросить эту же вещь. Онъ хочетъ указать еще только на одно обстоятельство: что бы ни далъ ему папа, онъ вскорѣ сможетъ передать это другому, ибо онъ, Петрарка, старъ и немощенъ.

Такъ этотъ мнимый стоикъ унижается и хитритъ ради презрѣнныхъ даровъ фортуны. Онъ такъ же слабъ предъ соблазнами жизни, какъ предъ ея испытаніями; онъ самъ однажды признается, что научился лишь уважать, но не переносить бѣдность. И еще болѣе, чѣмъ корысть, терзаетъ его душу жажда почестей; но почести и доходы не даются даромъ,—и онъ добивается ихъ и платитъ за нихъ сильнымъ міра самой беззащитной лестью. Когда въ 1338 году король неаполитанскій Робертъ прислалъ ему составленную имъ самимъ, королемъ, надгробную надпись для его внучки, прося дать отзывъ объ этой эпитафіи, вотъ что отвѣчалъ ему осчастливленный поэтъ: „Небывалый блескъ ослѣпилъ мои глаза! Счастливо перо, написавшее эти строки! Не знаю, чему удивляться болѣе: изумительной ли сжатости языка, возвышенности ли мыслей, или божественному изяществу слога! Никогда, о славный царь, я не повѣрилъ бы, что столь высокій сюжетъ можетъ быть выраженъ въ столь краткихъ, важныхъ и прекрасныхъ словахъ; такого совершенства я не могъ ждать отъ человѣческаго ума“. Въ этомъ тонѣ написано все письмо; въ концѣ поэтъ выражаетъ увѣренность, что многіе люди согласились бы умереть преждевременною смертію, если бы могли этой цѣною купить себѣ подобную эпитафію. Такихъ образчиковъ немало въ перепискѣ Петрарки.

Въ 1353 году, уступая просьбамъ Джованни Висконти, Петрарка поселился въ его столицѣ Миланѣ; онъ остался здѣсь также

послѣ смерти Джованни, когда власть перешла къ Бернабо и Галеаццо. Восемь лѣтъ прожилъ онъ при дворѣ самыхъ жестокихъ тирановъ, какихъ знаетъ европейская исторія, и только страхъ передъ чумой заставилъ его удалиться изъ ихъ разбойничьяго гнѣзда. Онъ такъ часто и съ такимъ паѳосомъ изображалъ безпокойство и безнравственность городской жизни, такъ восторженно говорилъ о прелестяхъ сельскаго уединенія,—что же побуждало его теперь жить въ шумномъ Миланѣ, одномъ изъ крупнѣйшихъ торговыхъ центровъ тогдашней Италіи? Что заставило его пожертвовать своею личною свободой, которую онъ называлъ высшимъ изъ благъ, и промѣнять независимую жизнь философа-анахорета на некрасивую роль придворнаго оратора? И, прежде всего, какъ могъ онъ, глашатай свободы, стать слугою тирана, такъ тяжело угнетавшаго часть той самой Италіи, чьи страданія онъ воспѣлъ съ такою поразительной силой? Когда Боккаччіо узналъ о позорномъ поступкѣ друга, онъ „возопилъ къ небу“. На его упреки и на вопросы остальныхъ друзей Петрарка отвѣчала цѣлымъ потокомъ безсодержательной реторики, ясно выдающей его смущеніе; самый сильный его аргументъ состоитъ въ томъ, что онъ не могъ устоять передъ просьбами „величайшаго изъ итальянцевъ“: „Но что окончательно сломило во мнѣ всякое сопротивленіе, —говоритъ онъ, —объ этомъ я хочу рассказать тебѣ, хотя скромность велитъ мнѣ молчать: хорошо зная себя, зная, что неспособенъ быть слугою, я откровенно спросилъ, чего онъ требуетъ отъ меня, и онъ отвѣтилъ: „ничего, кромѣ твоего присутствія, котораго одного достаточно, чтобы почтить меня и мое государство“. Эта гуманность обезоружила меня; я покраснѣлъ, замолчалъ и молчаніемъ изъясилъ или далъ поводъ думать, что изъясляю согласіе“. Этой басней онъ пытается замаскировать свои истинныя побужденія; онъ стыдится признать, что не устоялъ предъ соблазномъ. Дѣйствительно, онъ прожилъ въ Миланѣ счастливые годы; комфортъ, почести, блескъ двора и полная свобода отъ матеріаль-

ныхъ заботъ надолго прикрѣпили его къ Висконти. Но за эти блага надо было платить услугами и лестью. И вотъ мы видимъ его у купели сына Бернабо Висконти, въ поэтической эпистолѣ прославляющимъ новорожденного и его семью; передъ нами и другая его эпистола, гдѣ онъ превозноситъ Галеаццо, какъ величайшаго и благороднѣйшаго изъ князей Италіи, постигшаго тайну римскаго правительственнаго искусства: *parcere subjectis et debellare superbos*; мы видимъ его на площади въ Миланѣ въ напыщенной рѣчи возвѣщающимъ народу о переходѣ власти къ Маттео, Бернабо и Галеаццо и восхваляющимъ покойнаго тирана, Джованни Висконти, чья смерть есть гораздо бѣльшая потеря, чѣмъ смерть Платона, „ибо можно ли сравнить сотню или двѣ сотни учениковъ съ тѣмъ множествомъ могущественныхъ гражданъ, странъ и народовъ, которые всѣ жили въ мирѣ и правосудіи подъ властью нашего господина и которымъ, когда онъ умеръ, несомнѣнно показалось, что солнце упало съ неба?“ Время отъ времени онъ исполняетъ и болѣе трудныя порученія: его отправляютъ посломъ то въ Венецію, то въ Новару, то въ Прагу, то въ Парижъ, и онъ проводитъ въ пути иногда цѣлые мѣсяцы, вдали отъ своихъ книгъ и работъ, терпя всѣ неудобства путешествія.

Сколько ненужныхъ лишеній, трудовъ и заботъ! И какія непримиримыя противорѣчія въ этомъ характерѣ! Потребность въ уединеніи и покоѣ была несомнѣнно однимъ изъ самыхъ глубокихъ и прочныхъ чувствъ Петрарки. Онъ много разъ говорилъ, что выше всѣхъ земныхъ благъ цѣнить свободу, уединеніе и покой, что предпочитаетъ страдать отъ голода въ поляхъ, чѣмъ въ городѣ наслаждаться изобиліемъ и богатствомъ: „возьми у меня все, что я имѣю, — пишетъ онъ, — оставь меня нагимъ, какъ я рожденъ, но дай моей душѣ миръ и спокойствіе, и я буду считать себя богатѣйшимъ изъ смертныхъ“. Онъ называетъ сельскую жизнь блаженствомъ, онъ завидуетъ тѣмъ, кто слышитъ лишь мычаніе

воловъ, журчанье водъ и пѣнье птицъ, кто можетъ бродить по холмамъ и лугамъ, по зеленѣющимъ берегамъ рѣкъ, въ тѣнистыхъ рощахъ и садахъ. Въ 1337 году онъ приобрѣлъ въ долинѣ Воклюзъ у источниковъ Сорги небольшой участокъ земли съ скромнымъ домикомъ. Здѣсь онъ провелъ свои счастливейшіе годы, здѣсь написалъ или задумалъ свои лучшія произведенія. Онъ встаетъ съ постели задолго до наступленія дня и съ разсвѣтомъ выходитъ изъ дому, но и въ поляхъ, какъ дома, размышляетъ, читаетъ и пишетъ. Одинъ, въ сопровожденіи вѣрнаго пса, бродитъ онъ по горамъ и долинамъ; тѣнистый гротъ служить ему убѣжищемъ отъ полуденнаго солнца, обработка сада и уженье—отдыхомъ отъ занятій. Единственное женское лицо, которое онъ видитъ здѣсь,—лицо его экономки, сухое и выжженное солнцемъ, подобно ливійской пустынѣ; она, управитель да двое слугъ дѣлятъ съ нимъ уединеніе. „Здѣсь,—говоритъ онъ,—нѣтъ ни самовластныхъ князей, ни надменныхъ горожанъ, ни злоязычія клеветы, на партійныхъ страстей, ни гражданскихъ раздоровъ, ни криковъ, ни шума, ни скупости, ни зависти, ни необходимости обивать пороги заносчивыхъ вельможъ; напротивъ, здѣсь есть миръ, радость, сельская простота и непринужденность, здѣсь воздухъ мягокъ, вѣтеръ нѣженъ, поля озарены солнцемъ, ручьи прозрачны, лѣсъ тѣнистъ“. Въ парижской національной библіотекѣ хранится рукопись Плинія, принадлежавшая Петраркѣ; здѣсь на одной изъ страницъ находится рисунокъ перомъ, изображающій источникъ Сорги: сзади видна скала, изъ нѣдръ которой бьетъ Сорга, и на вершинѣ скалы—теперь давно уже исчезнувшая часовня св. Виктора; впереди стоитъ цапля, пожирающая небольшую рыбу; подъ рисункомъ—дышащая нѣжностью подпись: *Transalpina solitudo mea iocundissima*.

Въ этой идиллической обстановкѣ онъ на минуту чувствуетъ себя совершенно счастливымъ. Но его покой непроченъ. Онъ бѣжалъ въ уединеніе, потому что „ненавидитъ грѣхи людскіе и пре-

имущественно свои, а также заботы и печальныя тревоги, которыя живутъ среди людей“; но онъ и въ уединеніе принесъ свои страсти и свою слабость предъ искушеніемъ, а житейскіе соблазны настаиваютъ его и въ тихомъ Воклюзѣ. Позднѣе онъ съ грустью вспоминаетъ объ этихъ счастливыхъ годахъ.

„Помнишь ли, — говоритъ онъ самъ себѣ устами бл. Августина, — какъ ты нѣкогда наслаждался своей бродячей жизнью въ отдаленной усадьбѣ? То, прилегли на мураву луговъ, ты внималъ ворчливому журчанью потока; то, сидя на открытомъ холмѣ, измѣрялъ свободнымъ взглядомъ простертую подъ тобою равнину; то въ тѣни, среди палимой солнцемъ долины, одолѣвалъ тебя сладкій сонъ, и ты наслаждался желанной тишиною; и никогда не былъ празденъ твой умъ, но всегда занятъ какою-нибудь высокою мыслью, и сопутствуемый однѣми Музами, ты никогда не былъ одинъ; наконецъ, когда съ заходомъ солнца ты возвращался въ свое тѣсное жилище, довольный своимъ достояніемъ, развѣ тогда ты не считалъ себя безъ сравненія самымъ богатымъ и самымъ счастливымъ изъ смертныхъ?“ — Увы, отвѣчаетъ Петрарка, — теперь я увѣренъ въ этомъ и, вспоминая то время, вздыхаю. — „О чемъ ты вздыхаешь, и кто безумный свергъ тебя въ эту скорбь?.. Ненасытная алчность снова бросила тебя въ шумный водоворотъ городовъ...“

Его толкала, прежде всего, жажда славы. Онъ поселился въ Воклюзѣ осенью 1337 года, а уже въ концѣ 1338-го упомянутое выше письмо короля Роберта нарушило его душевный миръ: оно раздражило его ненасытное честолюбіе, и съ этой минуты онъ уже не найдетъ покоя, пока не добьется лавроваго вѣнка. Два года онъ неустанно хлопочетъ, раскидывая сѣть лжи и лести, и, наконецъ, успѣхъ вѣнчаетъ его усилія; тогда онъ надолго покидаетъ свой тихій Воклюзъ: моремъ изъ Марсели онъ переправляется въ Неаполь, гдѣ король и поэтъ разыгрываютъ комедію испытанія на степень лауреата, оттуда ѣдетъ въ Римъ, произно-

силь рѣчь на Капитоліи и принимаетъ вѣнецъ, спустя нѣсколько дней оставляетъ Римъ, на пути попадаетъ въ руки разбойниковъ, ѣдетъ въ Пизу, оттуда—въ лагерь Корреджіо, и вмѣстѣ съ ними вступаетъ въ только-что отнятую ими у Скалигеровъ Парму, гдѣ, „уступая ихъ любезной просьбѣ“, остается цѣлый годъ. Затѣмъ мы опять находимъ его въ Воклюзѣ, но онъ часто наѣзжаетъ въ ненавистный ему Авиньонъ, разумѣется—съ цѣлью добыть новый приходъ, въ чемъ и успѣваетъ. Въ слѣдующемъ, 1343-мъ году, онъ отправляется посломъ отъ папы въ Римъ и Неаполь, оттуда переѣзжаетъ въ Парму и здѣсь покупаетъ себѣ домъ, но уже спустя годъ, въ февралѣ 1345 года, бѣжитъ изъ осажденной Пармы и отправляется въ Скандіано, оттуда въ Модену, Болонью и Верону, затѣмъ въ Авиньонъ и Воклюзъ. Сначала онъ искалъ славы, теперь слава преслѣдуетъ его: папа, императоръ, короли сицилійскій и французскій, Висконти, Корреджіо, Гонзага, Малатеста—всѣ наперерывъ зовутъ его къ себѣ, всѣ сулятъ ему почести и жизнь въ довольствѣ; какъ устоять противъ этихъ соблазновъ? И вотъ онъ предпринимаетъ далекія путешествія и цѣлые годы проводитъ въ шумныхъ городахъ, — и въ то же время вѣчно жалуется на то, что осужденъ воевать съ потомъ и пылью, и не перестаетъ тосковать по Воклюзу.

II.

Два существа жили въ сердцѣ Петрарки, всю жизнь оспаривая другъ у друга власть. Одно есть глубоко коренившаяся въ его эгоистической натурѣ любовь къ жизни, жажда всѣхъ земныхъ утѣхъ, и, какъ неизбѣжный спутникъ этой жажды, —вѣчный страхъ потерь и страданій. Этотъ Петрарка дрожитъ при мысли о смерти и страстно жаждетъ безсмертія своего имени; все, чѣмъ искушаетъ насъ жизнь,—слава, почести, богатство, знатность, женская любовь—неудержимо манитъ его, и онъ мечется всю жизнь,

осаждаемый тысячью желаній, тысячью заботъ и тревогъ. Другой Петрарка сурово осуждаетъ перваго за грѣховность и суетность его жизни, призываетъ его подумать о спасеніи души, требуетъ, чтобы онъ возненавидѣлъ жизнь, возлюбилъ смерть и отказался отъ всѣхъ земныхъ желаній. Этотъ споръ двухъ душъ составляетъ содержаніе „Исповѣди“ Петрарки.

Только въ добродѣтели счастье, говоритъ второй голосъ, только грѣхъ удаляетъ отъ счастья. Чтобы достигнуть истиннаго блаженства, надо всецѣло сосредоточиться на пламенномъ желаніи усовершенствованія, и для этого необходимо отказаться отъ всѣхъ другихъ желаній, умертвить свои страсти, подчинить свои чувства разуму. Это первая и труднѣйшая ступень къ спасенію. Къ ней ведетъ одинъ испытанный путь — непрестанная мысль о смерти. Ты долженъ думать о смерти какъ можно чаще, ты долженъ стараться представить себѣ ее во всѣхъ реальныхъ подробностяхъ, долженъ вызывать въ своей памяти яркую картину агоніи — судороги членовъ, гаснущій взоръ, смертельную блѣдность, заостренный носъ, хрипъ и стоны. Ты долженъ думать о смерти такъ часто и упорно, чтобы мысль о ней мгновенно повергала тебя въ трепетъ и вызывала холодный потъ на твоемъ челѣ, чтобы тебѣ казалось, что агонія уже владѣетъ тобою и что твой духъ долженъ тотчасъ покинуть тѣло и предстать передъ неподкупнымъ Судьей съ отчетомъ за всю предшествующую жизнь, за всѣ слова и поступки, при чемъ ему не помогутъ ни тѣлесная красота, ни мірская слава, ни краснорѣчіе, ни богатство, ни могущество; и чтобы мгновенно пронзала тебя мысль объ ужасахъ ада, о стопахъ и зубовномъ скрежетѣ, о потокахъ сѣры, о мракѣ, о карающихъ фурияхъ, и — что превосходитъ всѣ эти муки — объ ихъ безпредѣльной длительности, о вѣчности Божьяго гнѣва. И если всѣ эти представленія будутъ возникать въ твоемъ умѣ не вызванныя волею, а естественно, и не какъ возможность, а какъ необходимость, которая неизбѣжно должна наступить и почти

уже наступила, и если среди этих терзаний не овладеет тобою отчаяние, но сохранишь и жажду исцеления, и надежду на милосердие Божие, и останешься твердъ и спокоенъ,—только тогда откроются предъ тобою врата спасения.

Но онъ слабъ; онъ не можетъ не страшиться смерти, потому что слишкомъ любитъ жизнь,— и вотъ суровый голосъ принимается обличать его грѣхи. Ты весь погруженъ въ суету міра. Ты кичишься своимъ разумомъ, своею начитанностью и краснорѣчіемъ, красотой своего тѣла; ты жадно копишь земныя богатства, хотя уже давно обеспеченъ противъ нужды; ты честолюбивъ, ты жаждешь знатности и могущества, и только изъ страха предъ тягостями службы не добиваешься высокихъ должностей; ты чувственъ и не въ силахъ смирить волнение крови; ты столько лѣтъ, съ такой тратою душевныхъ силъ, любишь смертную женщину; ты видишь высшее счастье въ земной славѣ, и всѣ твои труды—приобрѣтеніе знаній и литературная дѣятельность—имѣютъ ее единственною цѣлью. И каждая изъ этихъ страстей рождаетъ въ тебѣ тысячу желаній и страховъ; твой слабый духъ, подавленный такимъ множествомъ разнообразныхъ, неустанно борющихся между собою заботъ, не въ состояніи рѣшить, какую изъ нихъ ему первую принять, какую питать, какую отвергнуть,—и на все это тебѣ не хватаетъ ни силъ, ни времени, отмѣренного скупой рукою. Ты подобенъ тѣмъ, кто на маломъ клочкѣ земли сѣетъ слишкомъ густо, такъ что жатва сама себѣ мѣшаетъ расти; въ твоемъ чрезмѣрно занятомъ духѣ ничто не можетъ пустить глубокихъ корней, и ты, какъ челнъ безъ руля на бурномъ морѣ, кидаешься отъ одного къ другому.

И вотъ начинается упорная борьба—борьба между любовью къ жизни и страхомъ вѣчныхъ мукъ, между натурою человѣка и его идеаломъ. Эта борьба не можетъ быть рѣшена, потому что рѣшить ее можетъ только воля, а она парализуетъ волю. Петрарка знаетъ, что первое условіе спасенія—страстное желаніе и стараніе испра-

виться (*desiderium vehemens studiumque surgendi*), и чувствуя безсиліе своей воли, употребляетъ всѣ средства, чтобы подстрекнуть, прищипорить ее. Онъ хочетъ увѣрить себя, что все, чѣмъ искушаетъ его жизнь, суетно и ничтожно. Какая польза отъ прочитанныхъ тобою книгъ, когда твои знанія-- ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чего ты не знаешь? Ты гордишься своимъ краснорѣчіемъ--но не безуміе ли тратить трудъ и время на изученіе словъ? и какъ часто ты оказываешься не въ силахъ выразить точно даже простую и ясную мысль? Ты гордишься красотой и силою твоего тѣла--но развѣ ты не знаешь, что дуновение вѣтра, уколъ насѣкомаго могутъ сокрушить его силу, что время разрушить его красоту? Ты копишь богатства-- не для того ли, чтобы умереть на пурпурной подушкѣ, быть погребеннымъ въ мраморномъ гробу и оставить на слѣдникамъ процессъ о наслѣдствѣ? не безуміе ли копить на старость, которой ты, можетъ быть, не достигнешь? Ты ищешь славы--но что слава? Летучее дыханіе, молва, живущая въ устахъ толпы, которую ты презираешь.--Такъ онъ разлагаетъ умомъ всѣ земныя блага, и видитъ ихъ пустоту и ничтожность,--но все напрасно: онъ не въ силахъ вырвать изъ своего сердца неудержимое влеченіе къ нимъ. Онъ рассказываетъ намъ о часахъ смятенія и ужаса, когда мысль о грозящей гибели овладѣваетъ имъ съ неодолимою силой: онъ проливаетъ обильныя слезы, моля Господа помочь ему выйти на правый путь,--но слезы льются, а духъ остается инертнымъ: *Mens immota manet, lacrymae voluntur inanes*. Чтобы научиться презирать жизнь, онъ обращается къ самому дѣйствительному средству, которое изобрѣла для этого практика аскетизма, -- къ мысли о смерти. Въ ночную пору онъ ложится на одръ и, напрягая воображеніе, старается тщательно представить себѣ всѣ подробности агоніи и смерти; и такъ ярки эти образы, что ему кажется, будто уже наступилъ его послѣдній часъ: онъ ощущаетъ смертельныя судороги въ своихъ членахъ, ему уже мерещится адъ; тогда онъ въ ужасѣ вскакиваетъ съ постели и, какъ безумный,

взываетъ къ Христу: „Спаси меня отъ этихъ мукъ, протяни мнѣ руку помощи, чтобы я хоть въ смерти нашелъ покой!“ и имъ овладѣваетъ отчаяніе, что онъ не можетъ думать о смерти съ радостью, что мысль о ней неизмѣнно повергаетъ его въ страхъ. Онъ молить Господа въ такихъ словахъ: „Пусть лучше будетъ мнѣ чистилищемъ ложе мое, пусть лучше мое тѣло томится на немъ среди слезъ и терзаній, чѣмъ чтобы смерть привела меня въ преисподнюю“. Онъ встаетъ каждую полночь, чтобы прочитать молитву, каждый день отправляетъ божественную службу, по пятницамъ питается водой и хлѣбомъ. Онъ хочетъ увѣрить самого себя, что больше любитъ Христа, чѣмъ Цицерона; онъ требуетъ, чтобы знаніе всегда подчинялось вѣрѣ, чтобы мнѣнія Платона, Аристотеля, Варрона, Цицерона были отвергаемы, если они противорѣчатъ истинной и святой вѣрѣ; чтобы быть истиннымъ философомъ, говоритъ онъ, достаточно любить Христа, чтобы быть ученымъ и счастливымъ, достаточно изучать Евангеліе. Его любовь къ человѣческому знанію, къ любимымъ авторамъ порою кажется ему преступленіемъ, и онъ рѣшается вырвать ее изъ своего сердца. „Признаюсь, пишетъ онъ, велика была моя любовь къ Цицерону и Вергилію, къ Платону и Гомеру. Но пора подумать о болѣе важномъ, пора позаботиться болѣе о своемъ спасеніи, чѣмъ о краснорѣчии; доннѣ я искалъ въ чтеніи удовольствія, теперь ищу пользы. Теперь мои любимые ораторы—Амвросій, Августинъ, Иеронимъ, Григорій, мой любимый философъ—Павель, мой поэтъ—Давидъ“. Но такъ сильна въ немъ грѣшная страсть, что она прорывается даже въ самую минуту спасительнаго рѣшенія: тутъ же, въ этомъ самомъ письмѣ, только что оттолкнувъ Цицерона и Вергилія, онъ уже снова тоскуетъ по нимъ и снова привлекаетъ ихъ къ себѣ: „я постараюсь соединить любовь къ этимъ писателямъ съ любовью къ тѣмъ; въ тѣхъ буду изучать стиль, въ этихъ содержаніе“. Начавъ свою „Африку“ обычнымъ обращеніемъ къ музамъ, онъ вдругъ вспоминаетъ о Христѣ и, точно желая искупить грѣховность сво-

его свѣтскаго сюжета, обѣщаетъ Господу воспѣть, по возвращеніи съ вершины Парнаса, много благочестивыхъ пѣсень:

... tibi multa revertens
Vertice Parnassi referam pia carmina...

И во всемъ, всю жизнь—тѣ же колебанія, та же непрекращающаяся борьба. Двадцать одинъ годъ длилась его любовь къ Лаурѣ, но есть ли хоть одна минута, когда бы онъ считалъ свою любовь оправданною передъ небомъ? Какъ онъ бичуетъ себя за нее въ своей исповѣди! Она, твоя Лаура, отдалила тебя отъ Господа; нѣтъ большаго препятствія къ спасенію, какъ плотская любовь. Она отвлекла твою любовь отъ Творца на твореніе; когда смерть закроетъ ея глаза, когда ты увидишь ея лицо, искаженное послѣднею мукой, и блѣдные члены,—какъ будетъ стыдиться твой безсмертный духъ, что онъ былъ привязанъ къ брэнному тѣлу!--И онъ пытается оправдаться: я люблю не тѣло ея, а душу, далекую отъ всего земнаго, горящую небеснымъ пламенемъ; она отвлекла мой духъ отъ всего низкаго и научила смотрѣть вверхъ, ей я обязанъ всѣмъ лучшимъ, что есть во мнѣ. --Это самообманъ, возражаетъ совѣсть. Ты любишь ея тѣло, ибо развѣ ты полюбилъ бы эту душу, если бы она была заключена въ уродливомъ тѣлѣ? То, что ты есть, дано тебѣ природой, но чѣмъ ты могъ бы быть, тѣмъ ты не сталъ благодаря твоей любви; если она удержала тебя отъ многихъ дурныхъ поступковъ, то лишь затѣмъ, чтобы ввергнуть въ самый тяжкій грѣхъ; она исцѣлила тебя отъ мелкихъ ранъ, но вонзила ножъ въ твое сердце. Признайся, ты не былъ свободенъ отъ плотской страсти, ты порой желалъ дурнаго (*turpe aliquid interdum voluisti*)?—Да, но тогда меня побуждали къ этому молодость и страсть; теперь это болѣе не повторится, теперь я знаю, чего долженъ желать. —Не обольщай себя, говорить совѣсть; ты остался такимъ же, какъ былъ; твое пламя, быть можетъ, стало слабѣе, но оно не угасло. --То же колебаніе проходитъ красною

нитью въ сонетахъ. То онъ поеть о тѣлесной красѣ Лауры и молить судьбу дать ему провести съ нею „только одну ночь, но ночь безъ разсвѣта“ (*Sol una notte, e mai non fosse l'alba*), вѣчную ночь, гдѣ бы ихъ не видѣлъ никто, кромѣ звѣздъ, и говоритъ о „слѣпомъ желаніи“, которое крушитъ его сердце, и о стѣнѣ, отдѣляющей жадную руку отъ колоса, и жалуется: „надежда шатка, а желаніе растеть“ (*La speme incerta, el desir monta e cresce*). То обольщаетъ себя мечтой, что любовь къ ней возноситъ его духъ къ высшему благу и заставляетъ его презирать то, къ чему стремится каждый влюбленный. То въ страхъ вѣчныхъ мукъ молить Господа помочь ему вступить на иной, на лучшій путь, благодарить судьбу за то, что тотъ день, котораго онъ ждалъ столько лѣтъ, никогда не насталъ, горько упрекаетъ себя за то, что любить смертное существо съ такою вѣрой, съ какою подобаетъ любить одного Бога, благодарить Бога за смерть Лауры, освободившую его плѣненный духъ. Сегодня онъ благословляетъ всѣ звуки, въ которыхъ онъ воспѣлъ ея имя, всѣ свои слезы, вздохи, желанія и мысли, которыхъ она одна была госпожей, а завтра онъ былъ бы радъ отречься отъ этихъ „пустыхъ пѣсенокъ“, *santiunculae inanes*, наполненныхъ *falsis et obscoenis muliercularum laudibus*. И онъ самъ ясно сознаетъ происходящую въ немъ борьбу; вотъ сонеть, написанный имъ въ Римѣ, вѣроятно въ 1337 году: „Священный видъ этихъ мѣстъ заставляетъ меня проливать слезы о моемъ дурномъ прошломъ, взывая ко мнѣ: встань, несчастный, что ты дѣлаешь? и указываетъ мнѣ путь, ведущій на небо. Но съ этою мыслью борется другая, и говоритъ мнѣ: зачѣмъ ты бѣжишь? или ты забылъ, что уже давно пора вернуться, чтобы увидѣть возлюбленную? И внявъ этой рѣчи, я леденѣю мгновенно, какъ чело-вѣкъ, внезапно услышавшій печальную вѣсть; но затѣмъ возвращается первая мысль, и вторая уходитъ. Которая изъ нихъ побѣдитъ, я не знаю; но донинѣ онѣ уже не разъ вступали въ бой между собою“.

Изъ нихъ не побѣдила ни одна. Борьба между землей и небомъ, между жаждой счастья и жаждой спасенія, между Мадонной и Лаурой, Цицерономъ и Христомъ продолжалась въ Петраркѣ до смерти. По мѣрѣ приближенія къ старости онъ становился все благочестивѣе, и произведенія его послѣднихъ лѣтъ— „О средствахъ противъ счастья и несчастія“, „Объ уединенной жизни“, „О досугѣ монаховъ“— въ сильной степени проникнуты аскетическимъ духомъ. Но жизнь его до конца текла въ старомъ руслѣ. Осудивъ въ исповѣди свою чувственность, сребролюбіе, жажду славы, любовь къ Лаурѣ, онъ и послѣ написанія своей исповѣди (1342-- 3 г.) остался тѣмъ, чѣмъ былъ до нея: онъ еще много лѣтъ продолжалъ воспѣвать Лауру, до самой смерти продолжалъ добиваться новыхъ приходовъ, а жажда славы только возрастала въ немъ съ годами; второй его незаконный ребенокъ, дочь Франциска, родился спустя годъ послѣ написанія исповѣди; бѣлая часть его путешествій и восьмилѣтнее пребываніе у Висконти въ Миланѣ приходятся на вторую половину его жизни.

Но если онъ не сумѣлъ переломить своей природы и жизнь его не соотвѣтствовала его идеалу,— онъ дорого платилъ за эту слабость. Глубокій душевный расколъ отравилъ ему лучшіе годы, онъ былъ боленъ— такъ онъ самъ говоритъ въ своей исповѣди — тѣмъ внутреннимъ раздвоеніемъ, „тѣмъ безпокойствомъ гнѣвающейся на самое себя души, когда она съ отвращеніемъ смотритъ на свою грязь—и не смываетъ ея, видитъ свои кривые пути — и не покидаетъ ихъ, страшится грозящей опасности— и не ищетъ избѣгнуть ея“. Онъ завидуетъ тѣмъ, которые никогда не задумывались надъ вопросомъ о спасеніи, о грѣховности земной жизни: они, по крайней мѣрѣ, вполне наслаждаются радостями данной минуты, не отравляя ихъ себѣ страхомъ за будущее, тогда какъ онъ не знаетъ счастья въ настоящемъ, но не можетъ рассчитывать и на блаженство въ будущемъ. Долгая надежда и страхъ, говорить онъ, вѣчно оспариваютъ другъ у друга власть надъ его

духомъ; онъ постоянно чувствуетъ въ своемъ сердцѣ какую-то неудовлетворенность (*sentio inexpletum quoddam In praecordiis meis semper*); его душа и тѣло находятся въ вѣчной борьбѣ между собою; онъ не хочетъ того, что можетъ, не можетъ того, чего хочетъ, и вѣчно ищетъ того, чего и хотѣлъ бы и могъ бы, но не находитъ; онъ ни живъ, ни здоровъ, ни мертвъ, ни боленъ,—жизнь и здоровье онъ пріобрѣтетъ лишь тогда, когда достигнетъ выхода изъ лабиринта земной жизни. Бываютъ минуты,—разсказываетъ онъ,—когда я чувствую себя подобно человѣку, который окруженъ безчисленными врагами и не видитъ выхода нигдѣ; тогда мнѣ все кажется противнымъ, жалкимъ и страшнымъ,—врата отчаянія открыты предо мною. Порой эта чума держитъ меня въ своихъ тискахъ цѣлые дни и ночи, и это время кажется мнѣ не свѣтомъ и жизнью, а адскою ночью и горчайшею смертью. Въ эти минуты онъ прокликаетъ судьбу, жизнь, весь міръ; эта короткая жизнь, говоритъ онъ, есть долгая смерть, мрачная тюрьма, жилище скорби, неисходный лабиринтъ заблуждений; ложе этой жизни для него жестко и покрыто терніями; судьба неустанно преслѣдуетъ его и наноситъ ему глубокія раны. Въ одномъ поэтическомъ письмѣ, обращенномъ имъ къ себѣ самому, онъ говоритъ: „Вспомни: съ тѣхъ поръ, какъ, нагой и безпомощный, ты покинулъ чрево матери, зналъ ли ты хоть одинъ отраднѣйшій день, когда бы горе, слезы, стоны и печальныя заботы не тѣснили твою грудь, когда бы умолкли твои безпрестанныя жалобы!“ Онъ жаждетъ покоя и мира, но враждебный рокъ отказываетъ ему въ нихъ. „Если бы я нашелъ на землѣ какое-нибудь мѣсто, не говорю --хорошее, но не дурное, или, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ дурное,—я никогда не покинулъ бы его“; но онъ не находитъ такого мѣста. Все раздражаетъ его больной духъ. Онъ не можетъ жить безъ слугъ, и вѣчно жалуется на нихъ, называетъ ихъ подлыми тиранами, ненасытными собаками, ядомъ, чумой; тотъ ему слишкомъ молодъ, этотъ слишкомъ старъ, одинъ

слишкомъ поспѣшенъ, другой слишкомъ вялъ. Онъ не находитъ словъ, чтобы выразить отвращеніе, которое возбуждаютъ въ немъ вонь улицъ, собаки и свиньи, бродящія стадами, отталкивающей видъ нищихъ, грохотъ экипажей и гулъ голосовъ, надменность счастливыхъ и скорбь несчастныхъ. Онъ утверждаетъ, что нѣтъ подъ звѣздами мѣста, гдѣ бы благородный духъ не утомляли тысячи неудобствъ, такъ что нѣтъ человѣка столь счастливаго и столь привязаннаго къ жизни, чтобы его не охватывали порой ненависть къ жизни и жажда смерти. И такъ какъ на землѣ нѣтъ такого мѣста, то онъ, „подобно человѣку, принужденному лежать на жесткомъ ложѣ, поворачивается то на одинъ бокъ, то на другой“, то-есть кочуетъ съ мѣста на мѣсто. Онъ стремился въ Италію; пріѣхавъ туда, онъ начинаетъ тосковать по Воклюзу: „воспоминаніе объ этихъ мѣстахъ охватило мой духъ съ такою силой, что я не могъ устоять противъ желанія вернуться“,—и онъ возвращается; но не проходитъ года, и его уже томить скука, онъ ненавидитъ и прокликаетъ эти мѣста и ищетъ предлога покинуть ихъ: и Италія ему слишкомъ далека, и Авиньонъ съ развратною куріей слишкомъ близки, и прочее; прожить въ Воклюзѣ лишнюю недѣлю кажется ему невыносимымъ,—онъ пускается въ путь, но, застигнутый ливнемъ, возвращается и остается тамъ цѣлыхъ полгода.

Въ одной изъ своихъ канцонъ (*I' vo pensando*) Петрарка говоритъ, что порой, когда онъ размышляетъ о своихъ душевныхъ мукахъ, имъ овладѣваетъ такая глубокая жалость къ себѣ самому, что онъ готовъ плакать надъ собою. Мы знаемъ, что онъ любилъ свое „я“ во всѣхъ его проявленіяхъ; а за мучительную борьбу, за раскаяніе и томленіе онъ любилъ себя еще съ удвоенной нѣжностью, какъ мать—больное дитя. Быть можетъ, къ этому чувству присоединялось и другое — тщеславное сознаніе, что въ его сердце вмѣстилась вся безпредѣльная скорбь міра, что такихъ мукъ, какъ онъ, не знаетъ ни одинъ человѣкъ. Отсюда та „сладость страданія“, *dolendi quaedam voluptas*, о которой онъ

говорить въ своей исповѣди, то болѣзненное сладострастіе, съ которымъ человѣкъ бередить свои раны: „я такъ упиваюсь своими страданіями и муками—говорить онъ — (*sic laboribus et doloribus pascor*), что извлекаю изъ нихъ нѣкое наслажденіе и расстаюсь съ ними лишь противъ воли“.

III.

Въ первой половинѣ XIV вѣка, когда складывались характеръ и міросозерцаніе Петрарки, формально еще въ полной силѣ царилъ аскетическій взглядъ на жизнь. Исходная точка его ясно формулирована въ словахъ Екатерины Сиенской: „Богъ противоположенъ міру и міръ противоположенъ Богу“. Оба начала по существу исключаютъ другъ друга, и человѣкъ долженъ выбрать одно изъ нихъ—міръ или Бога: одновременное служеніе обоимъ невозможно. Христосъ своею смертію доставилъ людямъ право выбора: искупивъ первородный грѣхъ, онъ примирилъ ихъ съ Богомъ и снова далъ имъ возможность пріобрѣтать блаженство вѣчной жизни. Въ силу противоположности между міромъ и Богомъ достигнуть вѣчной жизни можно только путемъ полного отреченія отъ міра. Всѣ утѣхи и радости земной жизни суть сѣти, которыми дьяволъ старается опутать человѣка; всѣ мысли и стремленія, обращенныя на мірское, грѣховны. Главный источникъ соблазновъ, отвлекающихъ духъ отъ служенія Богу, есть плоть; поэтому умерщвленіе плоти должно быть главною задачей человѣка въ его земной жизни. Тотъ, кто хочетъ посвятить себя Богу, долженъ обезличиться, отречься отъ своей воли, потому что она можетъ увлечь его на ложный путь: одинъ изъ главныхъ обѣтовъ монашества—обѣтъ повиновенія.

Таковы были главныя черты этой системы. Это былъ идеалъ, теоретическая формула, которую средневѣковый человѣкъ считалъ должнымъ выполнить въ своей жизни и которую онъ, еже-

минутно нарушая, ни на минуту не переставала считать закономерною.

Мы видѣли, что она сохранила такое же значеніе и для Петрарки: отреченіе отъ міра, умерщвленіе своей плоти остается и для него непреложнымъ идеаломъ; тотъ второй, карающій голосъ, который звучитъ въ его исповѣди, есть голосъ аскетизма, и борьба, которая происходитъ въ немъ, есть борьба между стремленіями его чувственной природы и аскетическимъ идеаломъ. Въ этомъ смыслѣ Петрарка—вполнѣ средневѣковый человѣкъ. Но въ его отношеніи къ аскетическому принципу есть черта, совершенно чуждая предшествующей эпохѣ.

Та борьба, которую переживала Петрарка, не представляла ничего необычнаго для среднихъ вѣковъ. Какъ ни была сильна жажда вѣчнаго блаженства,—человѣку трудно было обуздать свою чувственность, подавить въ себѣ плотскія страсти. Жизнеописанія святыхъ полны разказовъ объ искушеніяхъ, которыми дьяволь старался вовлечь ихъ въ грѣхъ, о видѣніяхъ, въ которыхъ святому представлялись то прекрасная женщина, то столъ, уставленный роскошными яствами, то самъ отецъ зла, суля богатства и могущество. Біографъ Екатерины Сиенской, Раймундъ Капуанскій, рассказываетъ, что однажды, когда она ослабѣла отъ тяжкихъ истязаній, въ ней заговорилъ голосъ плоти: „Зачѣмъ ты напрасно терзаешь себя? Такою жизнью ты неизбѣжно убьешь себя. Лучше оставь эту глупость, пока не поздно. Еще есть время насладиться жизнью. Ты молода, твое тѣло скоро окрѣпнетъ. Живи, какъ прочія женщины, выйди замужъ и рождай дѣтей, чтобы умножить родъ человѣческой. Развѣ и святые жены не были замужемъ? Взгляни на Сару, Ревекку, Лію, Рахиль. Зачѣмъ ты хочешь вести необычный образъ жизни, который тебѣ все-таки не по силамъ?“ Даже Францискъ Ассизскій не былъ свободенъ отъ такихъ наважденій; и онъ однажды въ тишинѣ ночи сказалъ себѣ: „Францискъ, ты молодъ и еще успѣешь покаяться въ грѣхахъ,

зачѣмъ же ты до срока изнуряешь себя бдѣніемъ и молитвами?“ До насъ дошло отъ среднихъ вѣковъ множество стихотворныхъ діалоговъ между душою и тѣломъ, гдѣ душа послѣ смерти горько упрекаетъ тѣло за то, что оно своею слабостью обрекло ее на вѣчныя муки.

Но Францискъ Ассизскій, услышавъ совѣтъ дьявола, сорвалъ съ себя одежды и въ холодную январскую ночь бросился вонъ и забился въ густой терновникъ, который изодралъ его тѣло въ кровь. Въ Петраркѣ эта борьба ограничивается областью мысли; аскетическій идеаль сохранилъ еще власть надъ его умомъ, но не надъ волею. Мы видѣли, какія усилія онъ употребляетъ, чтобы заставить себя чувствовать такъ, какъ предписывалъ чувствовать аскетизмъ, --- какъ онъ мучительнымъ напряженіемъ мысли возбуждаетъ свое воображеніе, доводитъ себя до галлюцинацій, до слезъ, и какъ все это оказывается напраснымъ: придя въ себя послѣ галлюцинацій, онъ съ ужасомъ замѣчаетъ, что остался тѣмъ же человѣкомъ, какимъ былъ раньше, что страшныя картины агоніи и послѣдняго суда прошли въ его воображеніи, не оставивъ слѣда въ его душѣ, что его слезы бесплодны: *mens immota manet, lacrymae volvuntur inanes*. Аскетизмъ въ немъ уже не жизненный принципъ, не активное начало, а унаслѣдованный отъ предковъ и еще священный для него формальный законъ, который противорѣчитъ всѣмъ его склонностямъ и стремленіямъ. Отсюда его пессимизмъ, его душевная болѣзнь - *acedia*: идеаль, которому онъ считаетъ нужнымъ служить, мертвъ для него, а замѣнить его другимъ онъ не въ силахъ. Старое міровоззрѣніе уже не можетъ служить противовѣсомъ противъ мірскихъ стремленій и потребностей, которыя дѣйствуютъ въ Петраркѣ, но оно мертвымъ балластомъ еще тяготѣетъ надъ нимъ; онъ сынъ переходной эпохи.

Среди этого безвыходнаго томленія, среди „гражданской войны своихъ заботъ“ Петрарка инстинктивно нашель учителя и друга, который помогаль ему уяснить себѣ смутныя стремленія, возни-

кавшія въ немъ, и услаждалъ ему тяжелыя минуты жизни: это была классическая литература.

Поэтъ отъ природы, Петрарка былъ одаренъ незауряднымъ эстетическимъ чутьемъ и тонкимъ музыкальнымъ слухомъ; за красоту формы онъ первоначально и полюбилъ римскихъ классиковъ. Еще ребенкомъ, въ родительскомъ домѣ, онъ прочиталъ нѣсколько произведеній Цицерона, и они произвели на него неизгладимое впечатлѣніе. „Еще не понимая ихъ содержанія,—разсказывалъ онъ позднѣе,—я не могъ оторваться отъ нихъ, пораженный сладостью и мелодичностью самыхъ словъ, и все другое, что мнѣ случалось читать или слышать, казалось мнѣ уже грубымъ и неблагозвучнымъ“. Съ этихъ поръ чтеніе римскихъ классиковъ сдѣлалось его страстью. Онъ не оставилъ ихъ и тогда, когда отецъ, самъ юристъ, желавшій и сына сдѣлать юристомъ, отправилъ его въ Монпелье изучать право (1319); Петрарка и здѣсь продолжалъ съ увлеченіемъ изучать римскую литературу, тщательно скрывая свои занятія отъ отца. Онъ разсказываетъ, какъ однажды отецъ, пріѣхавъ по дѣламъ въ Монпелье и найдя у него нѣсколько классическихъ сочиненій, разсердился и бросилъ ихъ въ огонь, чтобы они не отвлекали юношу отъ его университетскихъ занятій. „Увидя это,—разсказываетъ Петрарка,—я разразился горькимъ рыданіемъ, какъ если бы огонь жегъ мое собственное тѣло; и я хорошо помню, какъ отецъ, тронутый моими слезами, вынулъ изъ пламени двѣ уже полуобожженные книги—одною рукой Вергилія, другою—риторику Цицерона,—и, протягивая ихъ мнѣ, съ улыбкой сказалъ: „Возьми ихъ! сохрани эту для развлеченія въ рѣдкія минуты, а эту—какъ пособіе для твоихъ занятій правомъ“. Четыре года спустя отецъ перевелъ молодого Петрарку, для завершения юридическаго образованія, въ Болонью; отдаленность этого города отъ Авиньона, гдѣ жили родители, избавила его отъ стѣснительнаго надзора, и онъ могъ съ большей свободой предаваться изученію классиковъ, а спустя еще 3 года, въ 1326 г.,

старикъ Петракко умеръ ¹⁾. „Сдѣлавшись господиномъ надъ самимъ собою,—говоритъ Петрарка, — я немедленно отправилъ въ изгнаніе всѣ юридическія книги и вернулся къ моимъ любимымъ занятіямъ; чѣмъ мучительнѣе была для меня разлука съ ними, тѣмъ съ большимъ жаромъ я снова принялся за нихъ“.

Эту страстную привязанность къ латинскимъ авторамъ (греческаго языка онъ не зналъ) Петрарка сохранилъ до конца жизни. Высшее его наслажденіе—чтеніе классиковъ; онъ неистощимъ въ похвалахъ ихъ мудрости и краснорѣчію. Цицеронъ для него величайшій писатель всѣхъ временъ и народовъ, геніальный и неподражаемый прозаикъ, который можетъ не нравиться только тѣмъ, „кто либо не знаетъ, что есть истинное и совершенное краснорѣчіе, либо ненавидитъ его“. Его второй любимецъ—Вергилій. Еще въ молодости онъ списалъ себѣ Вергилія вмѣстѣ съ комментаріями Сервія, и эта книга всю жизнь была его неразлучнымъ спутникомъ, исключая нѣсколькихъ лѣтъ, когда она была украдена у него; онъ записалъ въ ней день кражи и день, когда она была возвращена ему, дни смерти сына, Лауры и друга Сократа. Цицеронъ и Вергилій для него—оба глаза латинской рѣчи. „О, великій творецъ римскаго краснорѣчія,—пишетъ онъ Цицерону—не я одинъ, но мы всѣ, украшающіе себя цвѣтами латинской рѣчи, обязаны тебѣ благодарностью, потому что изъ твоихъ источниковъ мы орошаемъ наши поля. Мы должны откровенно сознаться, что, руководимые тобою, на тебя опираясь и озаряемые блескомъ твоего имени, мы подъ твоимъ же покровительствомъ дошли до нашего искусства въ писаніи. Но у насъ есть и другой вождь на поприщѣ поэзіи: судьба хотѣла, чтобы мы имѣли, за кѣмъ слѣдовать и вольнымъ, и стѣсненнымъ шагомъ, чтобы у насъ было кому удивляться и въ плавной рѣчи, и въ

¹⁾ Поэтъ ради благозвучности измѣнилъ фамильное имя Петракко въ Петрарку.

пѣннѣ“. За Цицерономъ и Вергиліемъ слѣдуютъ Ливій, Плиній, Сенека, Варронъ, Квинтиліанъ и другіе, это его лучшіе друзья, въ ихъ кругу онъ чувствуетъ себя счастливымъ. Онъ пишетъ имъ дружескія письма, то упрекая ихъ въ непостоянствѣ и слабости, то осыпая похвалами, то выражая сожалѣніе объ утратѣ ихъ произведеній. Самъ онъ всю жизнь, не щадя трудовъ и издержекъ, собираетъ уцѣлѣвшіе обломки античной литературы. Онъ неустанно поощряетъ своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ къ розыскамъ, сообщаетъ необходимыя свѣдѣнія о сочиненіяхъ, которыя хотѣлъ бы получить, и посылаетъ деньги на переписку ихъ. Во время своихъ частыхъ путешествій онъ не упускаетъ случая порыться въ монастырскихъ книгохранилищахъ, и когда его поиски увѣнчиваются успѣхомъ, радость его безгранична. Эту радость онъ испыталъ дважды — найдя въ Люттихѣ двѣ неизвѣстныя рѣчи Цицерона, и въ Веронѣ— полуистлѣвшую рукопись его писемъ. Зато онъ не могъ простить себѣ пропажи Варроновскихъ „Древностей“, которыя когда-то были у него, и былъ безутѣшенъ, когда узналъ, что его старый учитель, Конвеневоле да Прато, внезапно скрылся, заложивъ или продавъ ссуженный ему Петраркою трактатъ Цицерона „О славѣ“.

О томъ, какъ хорошо Петрарка зналъ своихъ классиковъ, свидѣтельствуется каждая страница его латинскихъ сочиненій и писемъ. Если вспомнить, что у него не было подъ рукою никакихъ пособій въ родѣ нашихъ указателей и реальныхъ энциклопедій, то объемъ его классической эрудиціи покажется удивительнымъ. Нѣтъ, кажется, такого случая или положенія, котораго онъ не могъ бы пояснить дюжиной примѣровъ изъ древней исторіи или цитатъ изъ римскихъ авторовъ. Онъ безъ запинки можетъ перечислить всѣ значенія, въ какихъ эпитетъ „золотой“ встрѣчается у того или другого изъ древнихъ писателей. Желая показать, какъ ничтожна роль зубовъ въ жизни человѣка, онъ безъ труда находитъ въ древней исторіи нѣсколько убѣдительныхъ примѣ-

ровъ: дочь Митридата имѣла вверху и внизу двойной рядъ зубовъ, сынъ виѳинскаго царя Прузія имѣлъ въ нижней челюсти, вмѣсто зубовъ, сплошную кость, а зубы царицы Зиновіи были подобны жемчужинамъ,—и тѣмъ не менѣе всѣ трое умерли. Поздравляя жену Карла IV съ рожденіемъ дочери, онъ припоминаетъ Изиду, Сафо, Сибиллу, Пентезилею, Клеопатру, Зиновію, Лукрецію, Клелію, Корнелію и Марцію; призывая Карла IV въ Италію, цитируетъ стихи Горация, Вергилія, Лукана, Стація и Ювенала.

Римскихъ классиковъ усердно читали и хорошо знали и въ средніе вѣка. Ошибочно думать, что они были открыты въ эпоху Возрожденія. Большинство рукописей, по которымъ изучали ихъ гуманисты, восходитъ къ среднимъ вѣкамъ, и количество классическихъ произведеній, дѣйствительно извлеченныхъ гуманистами изъ забвенія, сравнительно ничтожно. Но средніе вѣка видѣли въ произведеніяхъ латинскихъ авторовъ лишь собранія всевозможныхъ матеріаловъ — историческихъ, географическихъ, естественно-научныхъ и проч., и были далеки отъ мысли искать за частностями руководящихъ идей, стараться понять произведеніе въ цѣломъ. Результатомъ такого отношенія къ древней литературѣ было чисто-дѣтское представленіе о древнемъ мірѣ, полное отсутствіе исторической перспективы, полная неспособность понять своеобразие древняго быта и проникнуть въ психологію древняго человѣка.

Петрарка полюбилъ римскую литературу за красоту формы и музыкальность языка, но съ теченіемъ лѣтъ, по мѣрѣ того, какъ онъ самъ развивался и лучше узнавалъ ее, между нимъ и ею устанавливалась и другая, болѣе глубокая связь. Онъ нашелъ въ ней яркое выраженіе и поэтической апоѳеозъ тѣхъ чувствъ и стремленій, которыя смутно бродили въ немъ самомъ. Его натура неудержимо влекла его вонъ изъ міра трансцендентальныхъ представленій въ міръ реальныхъ вещей, и онъ уже наполовину жилъ въ этомъ реальномъ мірѣ,—а въ древнихъ авторахъ онъ нашелъ

именно изображеніе человѣческаго духа въ его взаимодействіи съ реальнымъ міромъ; поэтому онъ такъ страстно полюбилъ этихъ авторовъ, и поэтому же онъ первый сумѣлъ понять ихъ. Они научили его формулировать то, чего до него никто не выражалъ; все безконечное разнообразіе чувствъ и идей, возбуждаемыхъ въ человѣкѣ соприкосновеніемъ съ реальною обстановкой, онъ нашель у нихъ уже отчеканенными, вылитыми въ сжатую и изящную форму. Отсюда его манія цитировать классиковъ. Его письма и трактаты кишатъ цитатами; онъ цитируетъ по всякому поводу, часто безъ всякой нужды; желая выразить нетерпѣніе, съ которымъ онъ ждетъ присылки одного изъ сочиненій Августина, онъ цитируетъ Овидія:

Septima pox agitur, spatium mihi longius anno.

Но каждая изъ этихъ цитатъ есть частица новаго міра, который открываетъ Петрарка, каждая изъ нихъ заставляла сильнѣе биться его сердце. Его любовь къ античной литературѣ и способность понять ее лучше всего свидѣтельствуютъ о томъ, какая глубокая пропасть отдѣляетъ его отъ среднихъ вѣковъ.

Мы сказали выше, что онъ наполовину жилъ уже въ мірѣ реальныхъ вещей. Во всякомъ случаѣ, трансцендентальная точка зрѣнія на міръ, на жизнь, на науку ему уже въ значительной степени чужда; онъ инстинктивно ищетъ и любитъ во всемъ реальное. Этимъ опредѣляется его отношеніе къ современной ему наукѣ. Онъ неистощимъ въ насмѣшкахъ надъ схоластиками, этой „новой породой чудовищъ, вооруженныхъ двулезвейной энтимемой“; онъ не можетъ повѣрить, чтобы эта игра словами доставляла кому-нибудь удовольствіе, и убѣжденъ, что ею занимаются только ради денегъ; университеты онъ называетъ разсадниками высокомѣрнаго невѣжества. Точно такъ же онъ презираетъ и всѣ отрасли средневѣковой науки -- астрологію, медицину, алхимию, грамматику. Онъ и себя называетъ философомъ, но философія,

которой онъ слѣдуетъ, „живетъ не только въ книгахъ, но въ душахъ, и основана не на словахъ, а на вещахъ“.

Достойнымъ изученія ему кажется только то, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ человѣку. Богословіе для него—наука о самопознаніи; ученіе о божественномъ исключается изъ богословія. „На что слѣдуетъ надѣяться въ божественныхъ дѣлахъ,—говоритъ онъ,—этотъ вопросъ предоставимъ ангеламъ, изъ которыхъ даже наивысшіе пали подъ его тяжестью. Конечно, небожители должны обсуждать небесное, мы же—человѣческое, и, можетъ быть, было бы разумнѣе совѣмъ не вступать на этотъ путь, крутой и опасный, чѣмъ останавливаться на серединѣ его“. Всѣ науки должны имѣть одну цѣль—содѣйствовать усовершенствованію человѣка, самопознанію; поэтому онъ жестоко нападаетъ на представителей схоластической философіи и науки: первые играютъ пустыми словами и проводятъ время въ безплодныхъ преніяхъ, вторые изслѣдуютъ тысячи ненужныхъ вещей, и всѣ одинаково забываютъ о человѣкѣ. О томъ, съ какимъ вниманіемъ самъ Петрарка изучалъ реальную жизнь, свидѣлствуютъ многочисленныя и мѣткія наблюденія, разсѣянныя по всѣмъ его сочиненіямъ. Одно изъ нихъ—трактатъ „О средствахъ противъ счастья и несчастья“—есть какъ бы энциклопедія такихъ наблюденій; стараясь доказать суетность всякой радости и всякаго горя, онъ перебираетъ всевозможныя положенія, въ какія попадаетъ человѣкъ, и при этомъ обнаруживаетъ чрезвычайно близкое знакомство съ условіями жизни и дѣятельности человѣка, со свойствами и потребностями его физической и духовной природы. Онъ путешествуетъ, чтобы видѣть новыя мѣста, и всюду интересуется слѣдами прошлаго. Въ Неаполѣ онъ посѣщаетъ мѣста, описанныя Вергиліемъ, на Британскомъ морѣ ищетъ островъ Туле, о которомъ читалъ у Вергилія и Сенеки, въ Ахенѣ посѣщаетъ мнимую гробницу Карла Великаго; для одного изъ своихъ друзей, желавшаго предпринять путешествіе къ Св. Гробу, онъ составилъ толковый путеводитель, въ которомъ

отмѣтилъ всѣ историческія достопримѣчательности и красоты природы на пути отъ Генуи до Палестины и обратно черезъ Египетъ въ Италію. „Недавно,—пишетъ онъ,—я объѣхалъ Францію, не по дѣламъ, а изъ любознательности; я достигъ Германіи и береговъ Рейна, повсюду наблюдая нравы людей, наслаждаясь созерцаніемъ незнакомыхъ странъ и сравнивая все видѣнное съ тѣмъ, что у насъ“.

Средневѣковый человѣкъ не зналъ путешествій въ современномъ смыслѣ: онъ ѣхалъ всегда по дѣлу—торговому или военному, религиозному (богомолье) или политическому (посольства). Петрарка, быть можетъ, первый туристъ новаго времени: онъ путешествуетъ ради самаго удовольствія путешествовать. Онъ любитъ природу и умѣетъ наблюдать и описывать ее. Мы видѣли, какъ восторженно онъ описываетъ красоты Воклюза; онъ первый въ литературѣ заговорилъ о красотѣ Ривьеры, и его описаніе Лигурійскаго залива можетъ сравниться съ лучшими изображеніями картинъ природы, какія представляетъ всемірная литература. Вообще онъ подробно описываетъ мѣста, по которымъ проѣхалъ. Все это было ново и странно для его современниковъ, и онъ многократно принимается объяснять своимъ друзьямъ, что побуждаетъ его путешествовать. Въ 1336 году онъ поднялся на гору Ванту съ единственною цѣлью полюбоваться открывающимся оттуда видомъ; рассказывая объ этомъ въ письмѣ къ одному изъ друзей, онъ оправдываетъ себя тѣмъ, что если Филиппъ Македонскій, уже въ старости посѣтившій одну гору въ Фессалии, не навлекъ этимъ на себя порицанія, то, конечно, такой поступокъ простятъ и ему, молодому и частному человѣку.

Онъ уже въ значительной степени обладаетъ тою духовною независимостью, отсутствіе которой составляетъ одну изъ главныхъ отличительныхъ чертъ средневѣковаго человѣка. Онъ во многихъ случаяхъ дѣлаетъ свой умъ критеріемъ истины и считаетъ свободу мысли неоспоримымъ правомъ каждаго. „Пусть каждый слѣдуетъ

своему убѣжденію,— говоритъ онъ,— ибо разнообразіе мнѣній безгранично и свобода сужденія безспорна“; „нѣтъ выше свободы, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,— чѣмъ свобода сужденія, и, признавая ее за другими, я требую ее и для себя“. Эта независимость мысли сдѣлала его отцомъ исторической критики. Онъ первый усомнился въ принадлежности нѣкоторымъ авторамъ (Овидію, Сенека, Амвросію и другимъ) сочиненій, которыя всѣми приписывались имъ. Въ 1355 году императоръ Карлъ IV прислалъ ему два письма Юлія Цезаря и Нерона, прося высказать мнѣніе о нихъ; эти письма подтверждали привилегіи Австріи. Петрарка мастерски доказалъ ихъ подложность. Цезарь въ своемъ письмѣ постоянно говоритъ о себѣ „мы“, чего онъ въ дѣйствительности никогда не дѣлалъ; онъ называетъ себя Августомъ, тогда какъ всякій школьникъ знаетъ, что этотъ титулъ впервые былъ принятъ Октавіаномъ; онъ упоминаетъ о своемъ дядѣ, котораго не знаетъ ни одинъ изъ древнихъ писателей; самое имя Австріи было въ употребленіи у народовъ, жившихъ къ западу отъ нея, а не у римлянъ, для которыхъ она была сѣверной страной; въ письмѣ названы годъ и день, когда оно написано, и пропущенъ мѣсяцъ, не указаны консулы того года. Такія же нелѣпости Петрарка указываетъ и въ письмѣ Нерона. Несмотря на свое восторженное отношеніе къ Цицерону, Сенека, Вергилію и другимъ классическимъ авторамъ, Петрарка и къ нимъ относится совершенно самостоятельно; первыхъ двухъ онъ не разъ упрекаетъ въ нравственной шаткости и податливости, въ Энеидѣ указываетъ хронологическія несообразности. Иногда его критика вторгается даже въ заповѣдную область вѣры. Одинъ изъ его противниковъ, доказывая преимущества Авиньона предъ Римомъ, привелъ, между прочимъ, отрывокъ изъ письма св. Бернарда къ папѣ Евгенію, содержащій чрезвычайно рѣзкій отзывъ о римлянахъ; Петрарка отвелъ этотъ доводъ такимъ разсужденіемъ: конечно, онъ не сомнѣвается въ томъ, что въ настоящее время Бернардъ—дѣйствительно святой, но въ то время, когда

написано разбираемое письмо, онъ былъ еще обыкновенный чело-вѣкъ, и, слѣдовательно, былъ подверженъ всѣмъ человѣческимъ страстямъ; очень возможно, что римляне чѣмъ-нибудь разгнѣвали его, и онъ въ припадкѣ раздраженія отозвался о нихъ презри-тельно. Въ другой разъ Петрарка рѣшился назвать поступокъ Брута достойнымъ удивленія, не стѣсняясь противоположнымъ от-зывомъ Орозія, который, по его мнѣнію, судилъ съ односторонней христіанской точки зрѣнія.

Въ противоположность средневѣковому писателю, которому по-нятіе писательской индивидуальности такъ же чуждо, какъ и по-нятіе литературной собственности, Петрарка сознательно стремится сохранить самостоятельность и въ творествѣ, и даже въ языкѣ. Въ предисловіи къ трактату объ уединеніи онъ пишетъ: „Въ этомъ изслѣдованіи я опирался преимущественно на собственный опытъ и не искалъ другого вожатая, да и не принялъ бы его, если бы онъ нашелся, потому что мои шаги свободнѣе, когда я слѣдую внушеніямъ моего собственнаго духа, чѣмъ когда иду по чужимъ слѣдамъ“. Онъ требуетъ отъ писателей, чтобы они, заимствуя чужое, перерабатывали его самостоятельно, какъ пчела перерабаты-ваетъ сокъ цвѣтовъ; но еще выше онъ ставитъ самостоятельное творчество шелковичныхъ червей. „Хочешь знать, какого мнѣнія я держусь?—пишетъ онъ Боккаччіо.—Я стараюсь идти по дорогѣ, проложенной нашими предками, но не хочу рабски ступать въ слѣды ихъ ногъ. Я хочу не такого вождя, который на цѣпи тащилъ бы меня за собою, а такого, который шелъ бы впереди меня, только указывая мнѣ путь; я никогда не соглашусь ради него отказаться отъ моихъ глазъ, свободы и сужденія; никогда никто не запретитъ мнѣ идти, куда мнѣ хочется, бѣжать того, что мнѣ не нравится, пробовать свои силы надъ тѣмъ, чего до сихъ поръ не касались, по произволу выбирать самую удобную или самую короткую тро-пинку, ускорять свои шаги или отдыхать, сворачивать съ дороги или возвращаться назадъ“. Онъ требуетъ, чтобы слогъ былъ хотя бы

грубъ и необработанъ, но оригиналенъ; писатель— не актеръ, которому идетъ всякое платье; „каждый долженъ выработать себѣ свой собственный слогъ, потому что каждый имѣетъ отъ природы нѣчто своеобразное и ему одному свойственное какъ въ лицѣ и манерахъ, такъ и въ голосѣ и рѣчи“. Онъ самъ дѣйствительно выработалъ себѣ совершенно индивидуальный слогъ, овладѣвъ латинскимъ языкомъ, какъ живою рѣчью. Онъ первый порвалъ съ условностью средневѣковой стилистики. Его слогъ капризенъ, гибокъ, неправиленъ; въ немъ нѣтъ и слѣда чопорности, шаблонности, безжизненности средневѣковой латыни. Но въ немъ нѣтъ и рабскаго цицероніанства позднѣйшихъ гуманистовъ; онъ облекаетъ свою мысль въ оригинальную форму, а не пригоняетъ ее къ готовымъ формуламъ классическаго языка.

Онъ умѣетъ уже не только мыслить и писать независимо, но, что болѣе всего замѣчательно,—онъ умѣетъ жить одинъ. Незамѣтно для самого себя, повинувшись внутреннему импульсу, онъ выступилъ изъ сословной организациі средневѣковаго общества; формально онъ—клирикъ, въ дѣйствительности онъ—вполнѣ независимый человѣкъ, литераторъ. Средневѣковый человѣкъ не умѣлъ жить внѣ рамокъ цеха или сословія, Петрарка боится этихъ рамокъ. Онъ не принадлежитъ ни къ какому духовному ордену, ни къ какой политической партіи, онъ упорно отказывается занять какую-либо должность, которая могла бы ограничить его свободу. Его индивидуальная свобода для него дороже богатствъ и почестей, и чтобы оградить ее, онъ удаляется въ уединеніе. Средневѣковый человѣкъ тоже нерѣдко бѣжалъ отъ міра въ тишину монастырской кельи, но онъ дѣлалъ это—по крайней мѣрѣ, въ теоріи—съ цѣлью умертвить свое личное „я“; Петрарка бѣжитъ изъ шумнаго города потому, „что это зрѣлище отталкиваетъ умъ, приученный къ возвышенному, лишаетъ покоя благородный духъ и дѣлаетъ невозможными серьезныя занятія“, т.-е. потому, что эта обстановка стѣсняетъ его индивидуальность и тормозитъ ея свободное развитіе.

Но высшимъ проявленіемъ личнаго самосознанія была въ Петраркѣ его страстная, безпредѣльная, пожирающая жажда славы. Мысль о томъ, что дѣйствіе его личности ограничено пространствомъ и временемъ, что оно прекратится съ концомъ его земной жизни, невыносима для него; какъ въ жизни онъ обособляется отъ толпы, такъ его влечетъ и въ исторіи стать особнякомъ отъ нея и надъ нею. Онъ самъ рассказываетъ, что мысль о славѣ владѣла имъ уже въ дѣтствѣ; „она,—говоритъ онъ,—заставила меня, еще неопереннаго, покинуть теплое гнѣздо и устремить свой полетъ къ далекому небу“. Знакомство съ древнею литературой и исторіей должно было разжечь въ немъ жажду славы: здѣсь онъ нашелъ и теоретическую формулировку, и яркое воплощеніе этого чувства, здѣсь же видѣлъ блестящіе примѣры его осуществленія—примѣры дѣйствительно достигнутаго безсмертія. Мысль поставить свое имя въ рядъ этихъ безсмертныхъ именъ, быть самому спустя столѣтія предметомъ поклоненія для потомковъ, какимъ Цицеронъ, Вергилій, Сенека были для него, эта мысль должна была опьянить его; и она дѣйствительно сдѣлалась его маніей.

Средневѣковому писателю была чужда мысль о славѣ: какую цѣну могла имѣть для него, презиравшаго все земное, земная слава, и какое право имѣлъ онъ присвоивать себѣ хвалу за то, что было внушено ему свыше? Онъ считалъ себя орудіемъ высшей воли, свой талантъ —даромъ Бога; поэтому онъ часто даже не выставялъ своего имени на сочиненіи: не все ли равно, чьими устами вѣщаетъ людямъ божественная мудрость? Онъ кончалъ свой трудъ обыкновенно молитвой о томъ, чтобы Спаситель или его патронъ-святой сжалились надъ его грѣшною душой, и просьбой къ читателямъ—молиться о ней. Петрарка кончаетъ предисловіе къ своимъ „Жизнеописаніямъ знаменитыхъ мужей“ такими словами: „Если мой трудъ удовлетворитъ твои ожиданія, то я не требую никакой другой награды, какъ только, чтобы ты любилъ меня, хотя бы я лично и не былъ тебѣ знакомъ, хотя бы я уже лежалъ въ могилѣ и обратился въ прахъ“.

Онъ несчетное число разъ, и во всѣ періоды своей жизни, даже въ глубокой старости, признаеть жажду славы своею сильнѣйшею страстью. Онъ знаетъ, что это стремленіе грѣховно и суетно, что оно враждебно добродѣтели и что ему слѣдуетъ съ корнемъ вырвать его изъ своего сердца, но онъ признаеться, что не въ силахъ сдѣлать это; „жажда славы,—говорить онъ въ одной канцонѣ,—убаюкивала меня въ колыбели, вмѣстѣ со мною росла изо дня въ день, и я боюсь, что насъ обоихъ приметъ одна могила“. Онъ многократно признаеться, что слава—единственная цѣль всѣхъ его ученыхъ занятій, всей его литературной дѣятельности: „цѣль моихъ трудовъ—почеть безсмертной извѣстности и славы“ (*est mihi famaе Immortalis honos et gloria meta laborum*). Въ своемъ лихорадочномъ нетерпѣніи онъ не довольствуется прямымъ путемъ, ведущимъ писателя къ славѣ; онъ хочеть еще при жизни увидѣть свой памятникъ, и самъ носить камни для него. Сколько бессонныхъ ночей, хлопотъ и тревогъ стоилъ ему лавровый вѣнокъ, сколько лжи и лести! Иногда онъ самъ протягиваетъ руку и просить награды, какъ въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ „Жизнеописаній знаменитыхъ мужей“. Онъ ревниво оберегаетъ свою славу отъ посягательствъ, онъ не терпитъ ни противорѣчія, ни соперничества, его хвастовство и тщеславіе, прикрытыя нерѣдко лицемернымъ самоуниженіемъ, не знаютъ границъ. Наконецъ, эта же ненасытная страсть подвигла его на поступокъ, неслыханный въ прежніе вѣка, —прямо, черезъ головы завистливыхъ и враждебныхъ современниковъ, снестись съ потомствомъ, самому повѣдать ему свое имя и свои заслуги.

И жизнь утолила его жажду до пресыщенія. Болѣе, чѣмъ Эразмъ въ XVI-мъ и Вольтеръ въ XVIII-мъ вѣкѣ, Петрарка былъ кумиромъ своихъ современниковъ. Императоръ, папы, князья, свѣтскіе и духовные вельможи наперерывъ искали его дружбы, ухаживали за нимъ, осыпали его почестями и подарками. Знатные и образованные люди пріѣзжали изъ Франціи и Италіи единственно

съ цѣлью увидѣть его, насладиться его бесѣдою. Когда онъ въ 1350 году проѣздомъ остановился въ своемъ родномъ городѣ Ареццо, граждане приготовили ему торжественную встрѣчу и съ триумфомъ провели его по улицамъ къ дому, гдѣ онъ родился; этотъ домъ еще раньше было постановлено сохранять неприкосновеннымъ, — онъ цѣль и понынѣ. Въ слѣдующемъ году Флоренція рѣшила основать для него кафедру свободныхъ наукъ и пригласила его переселиться въ городъ, „уважающій его такъ, какъ если бы въ немъ снова облеклись въ плоть духъ Вергилія и краснорѣчіе Цицерона“; при этомъ республика предлагала вернуть ему земли, конфискованныя у его отца. Венеціанскій сенатъ въ декретѣ, адресованномъ Петраркѣ, говоритъ о немъ, что слава его во всей вселенной такъ велика, что на памяти людей между христіанами не было и нынѣ нѣтъ философа или поэта, который могъ бы сравниться съ нимъ. Друзья и чужіе говорятъ о немъ въ тонѣ почти религіознаго благоговѣнія. Пармскій юристъ Дзаморео воспѣваетъ его въ гекзаметрахъ, какъ отца музъ, второго Гомера и Марона, чья слава, какъ солнце, затмеваетъ всѣ остальные свѣтила. Боккаччіо называетъ его хранилищемъ истины, красою и радостью добродѣтели, образцомъ христіанской святости. Послѣ его смерти Доменико изъ Ареццо пишетъ, что хотѣлъ бы многое рассказать о немъ, но лишь только вспомнить о немъ, изъ его глазъ текутъ слезы, и дрожащая рука отказывается писать. Въ 1341 году одинъ старый и слѣпой учитель изъ Понтремоли, нѣкогда самъ писавшій стихи, узнавъ, что Петрарка находится въ Неаполь, рѣшилъ отправиться туда, чтобы услышать его рѣчь и поцѣловать его руку. Когда онъ, опираясь на плечо своего единственнаго сына, прибылъ въ Неаполь, поэта уже не было тамъ; тщетно искалъ его старикъ и въ Римѣ; только въ Пармѣ удалось ему застать Петрарку, и онъ три дня не разлучался съ нимъ. Въ Бергамо жилъ ювелиръ по имени Энрико Капра, восторженный поклонникъ Петрарки; онъ долго искалъ случая познакомиться съ поэтомъ, и это

ему наконецъ удалось; тогда у него явилось честолюбивое желаніе увидѣть Петрарку гостемъ въ своемъ домѣ, и онъ такъ настойчиво просилъ, что поэтъ, наконецъ, согласился исполнить его пламенное желаніе. Когда онъ прибылъ въ Бергамо, у воротъ города его торжественно встрѣтили власти и почетныя лица коммуны, приглашая остановиться либо въ ратушѣ, либо въ домѣ одного изъ знатнѣйшихъ гражданъ города; ювелиръ съ трепетомъ ждалъ рѣшенія, но Петрарка остался вѣренъ данному слову. Угощеніе было царское; счастье ювелира было такъ велико, что родные опасались за его разсудокъ. Когда вышелъ трактатъ Петрарки объ уединеніи, одинъ старый камальдульскій пріоръ, не найдя въ числѣ поименованныхъ авторомъ святыхъ отшельниковъ Ромуальда, основателя своего ордена, послалъ Петраркѣ его житіе съ настойчивою просьбой исправить эту ошибку; когда сдѣлалось извѣстнымъ, что поэтъ исполнилъ желаніе пріора, другой знакомый Петрарки потребовалъ того же почета для Іоанна изъ Валломброзы. Одинъ врачъ изъ Сіены писалъ Петраркѣ, что многія мѣста этого трактата исторгли у него слезы, а кавальонскій епископъ заставлялъ братію читать за трапезой отдѣльныя главы его.

Петрарка не достигъ бы такой славы при жизни, если бы далеко опередилъ свой вѣкъ. Дѣйствительно, Боккаччіо, его современникъ, переживаетъ ту же душевную борьбу, что и онъ; увлеченіе древностью еще при Петраркѣ и въ значительной мѣрѣ независимо отъ его вліянія охватываетъ всю мыслящую Италію. Но въ немъ, какъ въ крупномъ художникѣ, кризисъ его времени совершался съ несравненно большею напряженностью и силой, чѣмъ въ остальныхъ его современникахъ; онъ первый, благодаря этой самой интенсивности своей духовной жизни и благодаря своему большому литературному дарованію, ярко и въ обаятельной формѣ выразилъ чувства и стремленія, волновавшія его поколѣніе; наконецъ, новыя

потребности, будучи въ немъ глубже и настойчивѣе, чѣмъ въ его современникахъ, заставили его первымъ въ различныхъ областяхъ жизни и мысли выступить изъ рамокъ традиціи. Такъ, кажется, можно опредѣлить историческую роль Петрарки.

Такъ же, какъ всѣ другіе большіе и малые герои челоѣчества, Петрарка сталъ историческимъ дѣятелемъ въ силу рѣдкаго совпаденія особенностей его личнаго характера съ коренными запросами его времени, и дѣятелемъ надолго, даже до насъ, потому что движеніе, въ немъ воплотившееся впервые, не только не истощилось со временемъ, но, напротивъ, идетъ, громадно возрастая, до насъ, и мы еще—въ самомъ разгарѣ его.

Родственность Петрарки съ нами заключается въ томъ, что онъ былъ первымъ (по крайней мѣрѣ—первымъ, сумѣвшимъ рассказать о себѣ) челоѣкомъ новаго времени, постигнутымъ тою болѣзнию внутренняго раздвоенія, которою съ тѣхъ поръ, чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще и глубже, болѣетъ культурное челоѣчество. Если подъ культурою слѣдуетъ понимать сознательное отношеніе къ себѣ и къ міру,—а иного опредѣленія, кажется, нельзя дать культурѣ,—то само собою ясно, что росту культуры неизбѣжно сопутствуетъ возрастающая гипертрофія сознательнаго начала въ каждой отдѣльной личности. Та золотая непосредственность, которая характеризуетъ утро единичной жизни и дѣтство челоѣчества, исчезаетъ; мысль разлагающая, взвѣшивающая, оцѣнивающая, ищущая причинъ и ставящая цѣли, мысль, не властная не быть собою, становящаяся мукою, какъ только она не находитъ причины или не видитъ цѣли, даже причины и цѣли самой себя,—мысль поработщаетъ себѣ чувство и волю. Не мышленіе философа, пролагающее дальнюю тропу; не мысль—озареніе, знакомая творческимъ умамъ; но тотъ вертлявый бѣсенокъ, который на лету успѣваетъ схватить, обнюхать и смять всякій цвѣтокъ, едва только сорванный челоѣкомъ,—это мелкое неугомонное самосознаніе всякаго чувствованія, всякаго движенія воли, оглядка и

взвѣшиваніе, гдѣ вся острота вкуса обращена на вопросъ о смыслѣ предмета, такъ что самое созерцаніе предмета, а слѣдовательно и любовь къ нему, за недосугомъ не могутъ возникнуть, — вотъ могучее походное орудіе культуры и тягчайшее проклятiе культурнаго человѣчества. Кто сознаётъ въ себѣ эту болѣзнь или умѣетъ наблюдать ее вокругъ себя, тому, если онъ знаетъ латинскій языкъ, я далъ бы въ руки тяжелый фоліантъ латинскихъ сочиненій Петрарки; онъ будетъ читать эту ветхую книгу съ горячимъ волненіемъ и участіемъ, какъ вѣсть отъ далекаго брата.

М. Гершензонъ.

Tercio strachor & lanu' dui' ceare' fandi
 tu' quid' tui' necesse' nisi' tu' ad' p'ad' ano
 qui' eu' enere' maxima' h'm' loca' p'ce'u
 ite'w' u'co'is' op'uz' r'de' qua' z' p'no'e
 d'ur' u'lu'mie' h'at' eu' in' d'it'it'ien'

} Transalpina solitudo mea iocundissima.

ИСТОЧНИКЪ СОРГА ВЪ ВОКЛЮЗЪ.

(УСАДЬБА ПЕТРАРКИ БЛИЗЪ АВИНЬОНА).

Собственноручный рисунокъ и автографъ Петрарки.

(См. стр. 22.)

ПИСЬМО КЪ ПОТОМКАМЪ

Незадолго до смерти Петрарка задумалъ написать свою біографію, съ единственной цѣлью—самому, безъ посредниковъ, представить потомству свою жизнь и свой характеръ; въ такомъ важномъ дѣлѣ онъ не хотѣлъ никому довѣрять. „Письмо къ потомкамъ“ писано, очевидно, послѣ 1370 года, такъ какъ въ немъ упоминается смерть Урбана V. Оно осталось неоконченнымъ: рассказъ доведенъ только до 1351 года. Петрарка самъ сознавалъ новизну и смѣлость своего замысла; говоря о немъ въ одномъ письмѣ, онъ прибавляетъ: „...чего до меня, думаю, никто не дѣлалъ“. Эта автобіографія-автопортретъ—дѣйствительно *unicum*; она не преслѣдуетъ никакой назидательной цѣли, не претендуетъ быть и памятникомъ эпохи: Петрарка хочетъ рассказать только о себѣ, въ полномъ сознаніи объективной цѣнности своего „я“ и его исторіи.

Переводъ сдѣланъ по изданію Fracassetti, *Epistolae de rebus familiaribus et variae*, vol. I, Florentiae, 1859.

Отъ Франциска Петрарки потомству привѣтъ.

Ты, можетъ быть, услышишь что-нибудь обо мнѣ (хотя и то сомнительно, чтобы мое малое и темное имя проникло далеко чрезъ пространство и время), и можетъ быть, ты пожелаешь узнать, что за человѣкъ я былъ и какова была судьба моихъ сочиненій, особенно тѣхъ, о которыхъ слухъ дошелъ до тебя или которыхъ бѣдное названіе ты слышалъ. И о первомъ сужденіи людей будутъ различны; ибо почти каждый говоритъ такъ, какъ внушаетъ ему не истина, а прихоть; и нѣтъ мѣры ни хвалѣ, ни хулѣ. Былъ же я одинъ изъ вашего стада, жалкій смертный человѣкъ, ни слишкомъ высокаго, ни низкаго происхожденія. Моя семья (какъ сказалъ о себѣ кесарь Августъ)—старинная. И по природѣ моя душа не была лишена ни прямоты, ни скромности, развѣ что ее испортила заразительная привычка. Юность обманула меня, молодость увлекла меня, но старость меня исправила и опытомъ убѣдила въ истинности того, что я читалъ уже задолго раньше, именно, что молодость и похоть—суета; вѣрнѣе, этому научилъ меня создатель всѣхъ возрастовъ и временъ, который иногда допускаетъ бѣдныхъ смертныхъ въ ихъ пустой гордынѣ сбиваться съ пути, дабы, понявъ, хотя бы поздно, свои грѣхи, они познали себя. Мое тѣло было въ юности не очень сильно, но чрезвычайно ловко, наружность не выдавалась красотой, но могла нравиться въ цвѣтушіе годы; цвѣтъ лица былъ свѣжъ, между бѣлымъ и смуглымъ, глаза живые и зрѣніе въ теченіе долгаго времени необыкновенно острое, но послѣ моего шестидесятаго года оно, противъ ожида-

нія, настолько ослабѣло, что я былъ вынужденъ, хотя и съ отвращеніемъ, прибѣгнуть къ помощи очковъ. Тѣло мое, во всю жизнь совершенно здоровое, осилила старость и осадила обычной ратью недуговъ.

Я родился отъ почтенныхъ, небогатыхъ или, чтобы сказать правду, почти бѣдныхъ родителей, флорентинцевъ родомъ, но изгнанныхъ изъ отчизны, въ Арещо, въ изгнаніи, въ годъ этой послѣдней эры, начавшейся рожденіемъ Христа, 1304-й, на разсвѣтъ въ понедѣльникъ 20-го іюля. Я всегда глубоко презиралъ богатство, не потому, чтобы не желалъ его, но изъ отвращенія къ трудамъ и заботамъ, его неразлучнымъ спутникамъ. Не искалъ я богатствомъ стяжать возможность роскошныхъ трапезъ, но, питаясь скудной пищей и простыми яствами, жилъ веселѣе, чѣмъ всѣ послѣдователи Апиція съ ихъ изысканными обѣдами. Такъ называемыя пирушки (а въ сущности попойки, враждебныя скромности и добрымъ нравамъ) всегда мнѣ не нравились; тягостнымъ и бесполезнымъ казалось мнѣ созывать для этой цѣли другихъ, и не менѣе самому принимать приглашенія. Но вкушать трапезу вмѣстѣ съ друзьями было мнѣ такъ пріятно, что никакая вещь не могла доставить мнѣ большаго удовольствія, нежели ихъ нечаянный пріѣздъ, и никогда безъ сотрапезника я не вкушалъ пищи съ охотою. Болѣе всего мнѣ была ненавистна пышность, не только потому, что она дурна и противна смиренію, но и потому, что она стѣснительна и враждебна покою.

Въ юности страдалъ я жгучей, но единой и пристойной любовью, и еще дольше страдалъ бы ею, если бы жестокая, но полезная смерть не погасила уже гаснущее пламя. Я хотѣлъ бы имѣть право сказать, что былъ вполне чуждъ плотскихъ страстей, но, сказавъ такъ, я солгалъ бы; одно скажу увѣренно, что, хотя пылъ молодости и темперамента увлекалъ меня къ этой низости,—въ душѣ я всегда проклиналъ ее. Притомъ, вскорѣ, приближаясь къ сороковому году, когда еще было во мнѣ и жара,

и силъ довольно, я совершенно отрѣшился не только отъ мерзкаго этого дѣла, но и отъ всякаго воспоминанія о немъ, такъ, какъ если бы никогда не глядѣлъ на женщину; и считаю это едва ли не величайшимъ моимъ счастіемъ, и благодарю Господа, который избавилъ меня, еще во цвѣтѣ здоровья и силъ, отъ столь презрѣннаго и всегда ненавистнаго мнѣ рабства. Но перехожу къ другимъ вещамъ.

Я зналъ гордость только въ другихъ, но не въ себѣ; какъ я ни былъ малъ, цѣнилъ я себя всегда еще ниже. Мой гнѣвъ очень часто вредилъ мнѣ самому, но никогда другимъ. Я былъ въ высшей степени жаденъ до благородной дружбы и лелѣялъ ее съ величайшей вѣрностью; смѣло хвалюсь этимъ, такъ какъ знаю, что говорю правду. Несмотря на крайнюю раздражительность моего нрава, я быстро забывалъ обиды и крѣпко помнилъ благодаренія. Благоволеніемъ князей и королей и дружбою знатныхъ я былъ почтенъ въ такой мѣрѣ, которая даже возбуждала зависть. Но такова печальная участь старѣющихъ, что имъ часто приходится оплакивать смерть своихъ друзей. Величайшіе вѣщеносцы моего времени любили и чтили меня, а почему—не знаю: сами то вѣдали; и съ нѣкоторыми изъ нихъ я держалъ себя почти такъ, какъ они со мною, вслѣдствіе чего ихъ высокое положеніе доставляло мнѣ только многія удобства, но ни малѣйшей доуки. Однако отъ многихъ изъ ихъ числа, очень любимыхъ мною, я удалился; столь сильная была мнѣ врождена любовь къ свободѣ, что я всѣми силами избѣгалъ тѣхъ, чье даже одно имя казалось мнѣ противнымъ этой свободѣ.

Я былъ одаренъ умомъ скорѣе равнымъ, чѣмъ пронизательнымъ, способнымъ на усвоеніе всякаго благого и спасительнаго знанія, но преимущественно склоннымъ къ нравственной философіи и поэзіи. Къ послѣдней я съ теченіемъ времени охладѣлъ, увлеченный священной наукою, въ которой почувствовалъ теперь тайную сладость, раньше пренебреженную мною, и поэзія оста-

лась для меня только средствомъ украшенія. Съ наибольшимъ рвеніемъ предавался я, среди многого другого, изученію древности, ибо время, въ которое я жилъ, было мнѣ всегда такъ не по душѣ, что если бы не препятствовала тому моя привязанность къ любимымъ мною, я всегда желалъ бы быть рожденнымъ въ любой другой вѣкъ, и чтобы забыть этотъ, постоянно старался жить душою въ иныхъ вѣкахъ. Поэтому я съ увлеченіемъ читалъ историковъ, хотя ихъ разногласія не мало смущали меня; въ сомнительныхъ случаяхъ я руководствовался либо вѣроятностью фактовъ, либо авторитетомъ повѣствователя. Моя рѣчь была, какъ утверждали нѣкоторые, ясна и сильна,—какъ мнѣ казалось, слаба и темна; да въ обыденной бесѣдѣ съ друзьями и знакомыми я и не заботился никогда о краснорѣчїи, и дивлюсь, что кесарь Августъ усвоилъ себѣ эту заботу. Но тамъ, гдѣ, какъ мнѣ казалось, самое дѣло, или мѣсто, или слушатель требовали иного, я дѣлалъ нѣкоторое усиліе,—съ какимъ успѣхомъ, не знаю: объ этомъ пусть судятъ тѣ, предъ кѣмъ я говорилъ. Только бы я хорошо жилъ, а тому, какъ я говорилъ, я придавалъ мало значенія. Пустое тщеславіе—домогаться славы однимъ блескомъ словъ.

Вотъ какъ частью судьба, частью моя воля распредѣлили мою жизнь донинѣ. Первый годъ жизни, и то не весь, я провелъ въ Ареццо, гдѣ природа вывела меня на свѣтъ, шесть слѣдующихъ—въ Анцизѣ, въ усадьбѣ отца, въ четырнадцати тысячахъ шаговъ надъ Флоренціей. По возвращеніи моей матери изъ изгнанія восьмой годъ я провелъ въ Пизѣ, девятый и дальнѣйшіе—въ заальпійской Галліи, на лѣвомъ берегу Роны; Авиньонъ—имя этому городу, гдѣ римскій первосвященникъ держитъ и долго держалъ въ позорномъ изгнаніи церковь Христову; правда, немного лѣтъ назадъ Урбанъ V, казалось, вернулъ ее на ея законное мѣсто; но это дѣло, какъ извѣстно, кончилось ничѣмъ,—и что мнѣ особенно больно,—еще при его жизни, точно онъ раскаялся въ этомъ добромъ дѣлѣ. Проживи онъ немного дольше, онъ безъ сомнѣнія

узналъ бы, что я думалъ объ его уходѣ. Уже я держалъ перо въ рукѣ, когда онъ внезапно покинулъ свой славный планъ вмѣстѣ съ жизнью—несчастный! потому что онъ могъ бы счастливо умереть предъ алтаремъ Пестра и въ собственномъ домѣ. Ибо одно изъ двухъ: или его преемники остались бы въ Римѣ, и тогда ему принадлежалъ бы починъ благого дѣла, или они ушли бы оттуда,—тогда его заслуга была бы тѣмъ виднѣе, чѣмъ разительнѣе была бы ихъ вина. Но эта жалоба слишкомъ пространна и не къ мѣсту здѣсь.

Итакъ, здѣсь, на берегу обуреваемой вѣтрами рѣки, провелъ я дѣтство подъ присмотромъ моихъ родителей, и затѣмъ всю юность подъ властью моей суетности,—впрочемъ, не безъ долгихъ отлучекъ. Ибо за это время я полныхъ четыре года прожилъ въ Карпентра, небольшомъ и ближайшемъ съ востока къ Авиньону городкѣ, и въ этихъ двухъ городахъ я усвоилъ начатки грамматики, діалектики и реторики, сколько позволялъ мой возрастъ или, вѣрнѣе, сколько обычно преподають въ школахъ,—что, какъ ты понимаешь, дорогой читатель, не много. Оттуда переѣхалъ я для изученія законовъ въ Монпелье, гдѣ провелъ другое четырехлѣтіе, потомъ въ Болонью, гдѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ прослушалъ весь *Corpus juris civilis*. Многіе думали, что, несмотря на свою молодость, я достигъ бы въ этомъ дѣлѣ большихъ успѣховъ, если бы продолжалъ начатое, но я совершенно оставилъ эти занятія, лишь только освободился отъ опеки родителей, не потому, чтобы власть законовъ была мнѣ не по душѣ—ибо ихъ значеніе несомнѣнно очень велико и они насыщены римской древностью, которой я восхищаюсь,—но потому, что ихъ примѣненіе искажается безчестностью людскою. Мнѣ претило углубляться въ изученіе того, чѣмъ безчестно пользоваться я не хотѣлъ, а честно не могъ бы, да если бы и хотѣлъ, чистота моихъ намѣреній неизбѣжно была бы приписана незнанію.

Итакъ, двадцати двухъ лѣтъ я вернулся домой, т.-е. въ Авиньон-

ское изгнаніе, гдѣ я жилъ съ конца моего дѣтства, ибо привычка имѣеть надъ нами власть сильнѣйшую послѣ природы. Тамъ я уже началъ приобрѣтать извѣстность, и видные люди начали искать моего знакомства,—почему, я признаюсь теперь, не знаю, и дивлюсь тому,—но тогда я не удивлялся этому, такъ какъ, по обычаю молодости, считалъ себя вполнѣ достойнымъ всякой почести. Особенно былъ я взысканъ славнымъ и благороднымъ семействомъ Колонна, которое тогда часто посѣщало, скажу лучше—украшало своимъ присутствіемъ, Римскую курію; они ласкали меня и оказывали мнѣ честь, какой врядъ ли и теперь, а тогда я безъ сомнѣнія не заслуживалъ. Знаменитый и несравненный Іаковъ Колонна, въ то время епископъ Ломбезскій, человѣкъ, равнаго которому я едва ли видѣлъ и едва ли увижу, увезъ меня въ Гасконь, гдѣ у подошвы Пиренеевъ, въ очаровательномъ обществѣ хозяина и его приближенныхъ, я провелъ почти небесное лѣто, такъ что и донынѣ безъ вздоха не могу вспомнить о томъ времени. По возвращеніи оттуда я прожилъ многіе годы у его брата, кардинала Іоанна Колонна, не какъ у господина, а какъ у отца, даже болѣе—какъ бы съ нѣжно любимымъ братомъ, вѣрнѣе—какъ бы съ самимъ собою и въ моемъ собственномъ домѣ. Въ это время обуяла меня юношеская страсть объѣхать Францію и Германію, и хотя я выставялъ другія причины, чтобы оправдать свой отъѣздъ въ глазахъ моихъ покровителей, но истинной причиной было страстное желаніе видѣть многое. Въ это путешествіе я впервые увидалъ Парижъ, и мнѣ было забавно изслѣдовать, что вѣрно и что ложно въ ходячихъ разсказахъ объ этомъ городѣ. Вернувшись оттуда, я отправился въ Римъ, видѣть который было съ дѣтства моимъ пламеннымъ желаніемъ, и здѣсь такъ полюбилъ великодушнаго главу той семьи, Стефана Колонна, равнаго любому изъ древнихъ, и былъ такъ ему милъ, что, казалось, не было никакой разницы между мною и любимымъ изъ его сыновей. Любовь и расположеніе этого превосходнаго человѣка ко мнѣ оста-

лись неизмѣнными до конца его дней; моя же любовь къ нему донинѣ живетъ во мнѣ и никогда не угаснетъ, пока я самъ не угасну. По возвращеніи оттуда, будучи не въ силахъ переносить долге искони-присущее моей душѣ отвращеніе и ненависть ко всему, особенно же къ этому гнуснѣйшему городу ¹⁾, я сталъ искать какого-нибудь убѣжища, какъ бы пристани, и нашелъ крошечную, но уединенную и уютную долину, которая зовется Запертою ²⁾, въ пятнадцать тысячахъ шаговъ отъ Авиньона, гдѣ рождается царица всѣхъ ключей Сорга. Очарованный прелестью этого мѣста, я переселился туда съ моими милыми книгами.

Мой рассказъ слишкомъ затянулся бы, если бы я сталъ излагать, что я дѣлалъ тамъ въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ. Коротко сказать, тамъ были либо написаны, либо начаты, либо задуманы почти всѣ сочиненьица, выпущенныя мною, — а ихъ было такъ много, что нѣкоторыя изъ нихъ еще и до сихъ поръ занимають и тревожатъ меня. Ибо мой духъ, какъ и мое тѣло, отличался скорѣе ловкостью, чѣмъ силою; поэтому многіе труды, которые въ замыслѣ казались мнѣ легкими, а въ исполненіи оказывались трудными, я оставилъ. Здѣсь самый характеръ мѣстности внушилъ мнѣ мысль сочинить Буколическую пѣснь, лѣсную поэму, равно какъ и двѣ книги Уединенной жизни, посвященныя Филиппу, мужу всегда великому, который тогда былъ малымъ епископомъ Кавальонскимъ, а теперь занимаетъ высокій постъ кардинала-епископа Сабинскаго; онъ одинъ еще въ живыхъ изъ всѣхъ моихъ старыхъ друзей, и онъ любилъ и любитъ меня не по долгу епископа, какъ Амвросій Августина, а братски. Однажды, бродя въ тѣхъ горахъ, въ пятницу Святой недѣли, я былъ охваченъ neodолимымъ желаніемъ написать поэму въ геронческомъ стилѣ о старшемъ Сципіонѣ

1) Авиньону.

2) Воклюзь (Vallis Clausa).

Африканскомъ, чье имя по непонятной причинѣ было мнѣ дорого съ самаго дѣтства. Начавъ тогда же этотъ трудъ съ большимъ увлеченіемъ, я вскорѣ отложилъ его въ сторону, отвлеченный другими заботами; тѣмъ не менѣе поэма, которую я, сообразно ея предмету, назвалъ „Африкою“, была многими любима еще прежде, нежели стала извѣстна. Не знаю, должно ли приписать это моему или ея счастію.

Въ то время, какъ я невозмутимо жилъ въ этихъ мѣстахъ, страннымъ образомъ получилъ я въ одинъ и тотъ же день два письма—отъ римскаго сената и отъ канцлера парижскаго университета, которыя наперерывъ приглашали меня, одно въ Римъ, другое въ Парижъ, для принятія поэтическаго вѣнца. Ликуя въ юношескомъ тщеславіи, взвѣсивая не свои заслуги, а чужія свидѣтельства, я счелъ себя достойнымъ того, чего достойнымъ признали меня столь выдающіеся люди, и только колебался короткое время, кому отдать предпочтеніе. Я письмомъ попросилъ совѣта объ этомъ у вышепомянутаго кардинала Іоанна Колонна, потому что онъ жилъ такъ близко, что, написавъ ему поздно вечеромъ, я могъ получить его отвѣтъ на слѣдующій день до трехъ часовъ пополудни. Слѣдуя его совѣту, я рѣшилъ предпочесть авторитетъ Рима всякому другому, и мои два письма къ нему, въ которыхъ я высказалъ свое согласіе съ его совѣтомъ, сохранились.

Итакъ, я пустился въ путь, и хотя я, по обычаю юношей, судилъ свои труды крайне снисходительнымъ судомъ, однако мнѣ было совѣстно опираться на мое собственное свидѣтельство о себѣ или на свидѣтельство тѣхъ, которые приглашали меня и которые, безъ сомнѣнія, не сдѣлали бы этого, если бы не считали меня достойнымъ предлагаемой почести. Поэтому я рѣшилъ отправиться сначала въ Неаполь и явился къ великому королю и философу Роберту, столь же славному своей ученостью, какъ и правленіемъ, дабы онъ, который одинъ между государями нашего вѣка можетъ быть названъ другомъ наукъ и добродѣтели, вы-

сказаль свое мнѣніе обо мнѣ. Понынѣ дивлюсь тому, сколь высокую онъ далъ мнѣ оцѣнку и сколь радушный оказалъ мнѣ пріемъ, да и ты, читатель, думаю, дивился бы, когда бы зналъ. Узнавъ о цѣли моего пріѣзда, онъ необыкновенно обрадовался, отчасти польщенный довѣріемъ молодого человѣка, отчасти, можетъ быть, въ расчетѣ на то, что почеть, которой я домогался, прибавить крупицу и къ его славѣ, такъ какъ я его одного изъ всѣхъ смертныхъ избралъ достойнымъ судьею. Словомъ, послѣ многочисленныхъ собесѣдованій о разныхъ предметахъ и послѣ того, какъ я показаль ему мою „Африку“, которая привела его въ такой восторгъ, что онъ, какъ великой награды, выпросиль себѣ посвященіе ея, въ чемъ я, разумѣется, не могъ и не хотѣлъ отказать ему, онъ наконецъ назначиль мнѣ опредѣленный день на предметъ того дѣла, ради котораго я пріѣхаль. Въ этотъ день онъ держаль меня съ полудня до вечера; но такъ какъ кругъ испытанія все расширялся и времени не хватило, то онъ продолжалъ то же еще два слѣдующихъ дня. Такъ онъ три дня изслѣдовалъ мое невѣжество и на третій день призналъ меня достойнымъ лавроваго вѣнка. Онъ предлагаль мнѣ его въ Неаполѣ и многими просьбами старался вынудить у меня согласіе. Но моя любовь къ Риму одержала верхъ надъ лестными настояніями великаго короля. Итакъ, видя мою непреклонную рѣшимость, онъ далъ мнѣ письмо и провожатыхъ къ римскому сенату, чрезъ посредство которыхъ изыяснялъ съ большимъ благоволеніемъ свое мнѣніе обо мнѣ. Эта царственная оцѣнка въ то время совпадала съ оцѣнкою многихъ и особенно съ моею собственной; нынѣ же я не одобряю ни его, ни моего сужденія, ни сужденія всѣхъ, кто такъ мыслить; имъ руководили не столько стремленіе соблюсти истину, сколько его любовь ко мнѣ и расположеніе ко мнѣ современниковъ. Все-таки я отправился въ Римъ, и тамъ, хотя недостойный, но твердо полагаясь на столь авторитетную оцѣнку, принялъ, еще несвѣдущій ученикъ, лавровый вѣнокъ поэта, среди

великаго ликованія римлянъ, которымъ довелось присутствовать при этой торжественной церемоніи. Объ этомъ событіи существуютъ и письма мои какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Лавровый вѣнокъ не далъ мнѣ знанія нисколько, но навлекъ на меня зависть многихъ; но и объ этомъ разсказъ былъ бы болѣе дологъ, нежели допускаетъ здѣсь мѣсто.

Итакъ, оттуда я отправился въ Парму, гдѣ нѣкоторое время прожилъ у господъ Корреджо, которые не ладили между собою, но ко мнѣ относились въ высшей степени милостиво и любезно. Такого правленія, какимъ пользовалось тогда это княжество подъ ихъ властью, оно никогда не знало на памяти людей и, полагаю, болѣе въ нашъ вѣкъ не узнаетъ. Я не забывалъ о чести, выпавшей мнѣ на долю, и безпокоился, какъ бы не стали думать, что она оказана недостойному. И вотъ, однажды, поднявшись въ горы, я чрезъ рѣчку Энцу невзначай дошелъ до Сельвапьяна въ округѣ Реджо, и здѣсь, пораженный необычайнымъ видомъ мѣстности, я снова принялся за прерванную „Африку“; угасшій, казалось, душевный пылъ снова разгорѣлся: я немного написалъ въ этотъ день, и въ слѣдовавшіе затѣмъ дни ежедневно писалъ понемногу, пока, вернувшись въ Парму и отыскавъ себѣ уединенный и покойный домъ, позднѣе купленный мною и до сихъ поръ принадлежащій мнѣ, въ короткое время съ такимъ жаромъ довелъ это произведеніе до конца, что и самъ нынѣ дивлюсь тому. Я долго пожилъ въ Пармѣ и Веронѣ и всюду, благодаря Бога, былъ любимъ гораздо болѣе, нежели заслуживалъ. Оттуда, уже перейдя мой тридцать четвертый годъ, я вернулся къ источнику Сорги, въ мое заальпійское уединеніе.

Долгое время спустя, благодаря молвѣ, разносившей мою славу, я стяжалъ благоволеніе Іакова Каррара младшаго, мужа рѣдкихъ достоинствъ, которому едва ли кто изъ государей его времени былъ подобенъ, скорѣе, я увѣренъ, никто. Присылая ко мнѣ пословъ и письма даже за Альпы, когда я жилъ тамъ, и всюду

въ Италію, гдѣ бы я ни былъ, онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ такъ утомилъ меня своими неотступными просьбами и предложеніями своей дружбы, что, хотя я ничего не ждалъ отъ счастливыхъ, я рѣшилъ наконецъ посѣтить его и посмотрѣть, что означаетъ эта необыкновенная настойчивость важнаго и незнакомаго человѣка. Итакъ, хотя и поздно, я отправился въ Падую, гдѣ этотъ славнѣйшей памяти мужъ принялъ меня не только человѣчески-радушно, но такъ, какъ въ небесахъ принимаютъ блаженные души, съ такою радостью, съ такой неоцѣнимой любовью и нѣжностью, что, не надѣясь вполнѣ изобразить ихъ словами, я принужденъ скрыть ихъ молчаніемъ. Между прочимъ, зная, что я съ ранней юности велъ жизнь церковнослужителя, онъ, чтобы тѣснѣе связать меня не только съ собою, но и со своей родиной, велѣлъ назначить меня каноникомъ Падуи; и вообще, если бы его жизнь продлилась, моимъ блужданіямъ и странствованіямъ былъ бы положенъ конецъ. Но увы! между смертными нѣтъ ничего длительного, и если случается что-нибудь сладостное, оно вскорѣ вѣнчается горькимъ концомъ. Неполныхъ два года оставивъ его мнѣ, отечеству и міру, Богъ отозвалъ его къ себѣ, потому что ни я, ни отечество, ни міръ — говорю это, не ослѣпляемый любовью не стоили его. И хотя ему наслѣдовалъ его сынъ, мужъ рѣдкаго ума и благородства, который, слѣдуя примѣру отца, всегда оказывалъ мнѣ любовь и почетъ, но я, потерявъ того, съ кѣмъ меня болѣе сближало особенно равенство лѣтъ, опять вернулся во Францію, не въ силахъ оставаться на одномъ мѣстѣ, не столько стремясь снова увидѣть то, что видѣлъ тысячи разъ, сколько съ цѣлью, по примѣру больныхъ, перемѣною мѣста утѣшить мою тоску...

О ПРЕЗРЪНИИ КЪ МИРУ

Въ годы полного расцвѣта своихъ силъ, тридцати восьми лѣтъ (1342—43), Петрарка написалъ по-латыни нижеслѣдующіе три діалога „О презрѣннѣ къ міру“. Историки обыкновенно сопоставляютъ это сочиненіе съ „Исповѣдью“ бл. Августина, и вполне справедливо. Но между этими книгами есть важное различіе: исповѣдь Августина изложена въ видѣ непрерывнаго разсказа, исповѣдь Петрарки—въ видѣ діалога; тамъ звучитъ одинъ голосъ—голосъ побѣдителя, потому что споръ уже рѣшенъ; здѣсь звучать два спорящихъ голоса: борьба совершается предъ нашими глазами.

Въ міровой литературѣ не много психологическихъ документовъ такой глубины и тонкости, какъ эти діалоги раздвоившейся души. Чуждые намъ по формѣ, они архаическимъ и наивнымъ языкомъ повѣствуютъ о чувствахъ, близко знакомыхъ намъ и глубоко-жизненныхъ. Удивительна отчетливость внутренняго зрѣнія Петрарки, но еще болѣе удивителенъ составъ самыхъ чувствованій, наблюдаемыхъ имъ въ себѣ. Эта книга—яркій автопортретъ человѣка, уже безвозвратно утратившаго непосредственность духа, но, въ отличіе отъ насъ, еще не оторвавшагося отъ природы. Онъ уже смотритъ извнѣ на свою и на міровую жизнь, и потому уже чувствуетъ ихъ призрачными, но это чувство еще не вошло въ его плоть и кровь, еще не пропитало и не парализуетъ его воли: его страсти еще полнокровны, здоровый аппетитъ на жизнь еще цѣлъ. Такъ онъ стоитъ предъ нами въ этой книгѣ человѣкомъ двухъ культуръ, послѣдышемъ старыхъ и предтечею новыхъ поколѣній. Намъ радостно слышать въ немъ живой отзвукъ того далекаго времени, когда люди еще крѣпко и безотчетно любили жизнь, и трогательно узнавать въ немъ за-

чатки *нашихъ* горестныхъ недоумѣній предъ тайнами судьбы и вѣчности.

Переводъ сдѣланъ по тексту базельскаго изданія сочиненій Петрарки 1581 года, съ незначительными поправками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ этотъ текстъ явно испорченъ.

ФРАНЦИСКА ПЕТРАРКИ КНИГА БЕСѢДЪ
О ПРЕЗРѢНІИ КЪ МІРУ,
КОТОРУЮ ОНЪ ОЗАГЛАВИЛЪ „СВОЕЙ ТАЙНОЙ“.

Предисловіе.

Часто и съ сокрушеніемъ я размышляю о томъ, какъ я вошелъ въ эту жизнь и какъ мнѣ придется уйти изъ нея. И вотъ случилось недавно, когда я лежалъ не объятый сномъ,—хотя обыкновенно больной духъ бываетъ внезапно охваченъ дремотой,—а томимый страхомъ и въ полномъ сознаніи, я увидалъ предъ собою женщину неопишуемаго сіянія и блеска. Ея наружность была такова, какую люди мало знаютъ, но ея одежда и лицо обличали въ ней дѣву. Она вошла невѣдомымъ путемъ, и между тѣмъ какъ я, ошеломленный необычнымъ свѣтомъ, не смѣлъ поднять глаза навстрѣчу лучамъ, которые струило солнце ея очей, она сказала такъ: „Не трепещи и пусть невиданное явленіе не смущаетъ тебя. Я сжалилась надъ твоимъ блужданіемъ и издалика сошла сюда, чтобы еще во-время подать тебѣ помощь. Довольно, слишкомъ довольно былъ донинѣ прикованъ къ землѣ твой отуманенный взоръ. Если эта смертная юдоль такъ сильно прельщаетъ твои глаза, что же, ты думаешь, будетъ, когда ты поднимешь ихъ на вѣчное?“ Выслушавъ эти слова, еще не оправившись отъ страха, я едва выговорилъ въ отвѣтъ дрожащимъ голосомъ стихъ Марона:

Какъ величать тебя, дѣва? Твой видъ не подобенъ обличью
Дщерей земли, ни твой голосъ—ихъ голосу...

„Я—та“, отвѣчала она, „которую ты съ изысканнымъ изяществомъ воспѣлъ въ нашей „Африкѣ“, кому ты, не уступая диркейскому Амфіону, съ удивительнымъ искусствомъ и руками истиннаго поэта воздвигъ лучезарное и прекрасное жилище на крайнемъ западѣ, на высшей вершинѣ Атласа. Итакъ, слушай спокойно и не страшись, видя ту лицомъ къ лицу, которая тебѣ давно коротко знакома, что ты доказалъ своей сладкогласною пѣснью“. Едва она кончила рѣчь, я, соображая всѣ признаки, сразу понялъ, что говорящая должна быть самой Истиной, ибо я вспомнилъ, что именно ея дворець на вершинѣ Атласа я описалъ. Но я не зналъ, изъ какой страны она явилась, однако былъ увѣренъ, что она могла придти только съ неба. Поэтому, горячо желая увидѣть ее, я поднялъ глаза; но увы! человѣческій взоръ не могъ вынести небеснаго свѣта, и я снова потупилъ глаза. Она, замѣтивъ это, послѣ краткаго молчанія начала опять и опять заговаривать со мною и ничтожными вопросами принудила меня къ долгой бесѣдѣ съ нею. Я понялъ, что это мнѣ вдвойнѣ полезно, такъ какъ, во-первыхъ, я становился немного болѣе свѣдущимъ, во-вторыхъ, самая бесѣда успокоивала меня, такъ что я постепенно получилъ возможность прямо смотрѣть на это лицо, которое вначалѣ устало меня своимъ чрезмѣрнымъ блескомъ и которое теперь я могъ созерцать безъ смятенія. Объятый дивнымъ очарованіемъ, я не сводилъ съ нея глазъ. Когда же я сталъ озираться, чтобы узнать, привела ли она кого-нибудь съ собою или совершенно одна проникла въ мое глухое уединеніе, я увидалъ рядомъ съ нею престарѣлаго и почтеннаго мужа величественной наружности. Не было надобности спрашивать его имя: его благочестивый видъ, скромное чело, серьезный взглядъ, размѣренный шагъ, священная одежда, и въ то же время римское краснорѣчіе, достаточно ясно обнаруживали въ немъ преславнаго отца Августина. Къ тому же въ его обликѣ было нѣчто столь чарующее и внушительное, чуждое всѣмъ другимъ людямъ, что я не

посмѣлъ разспрашивать. Однако я не остался бы безмолвнымъ, я подбиралъ уже слова вопроса и они уже готовы были сорваться съ моихъ губъ, какъ вдругъ я услыхалъ изъ устъ Истины то сладкозвучное для меня имя. Обернувшись къ нему и прерывая его глубокую задумчивость, она сказала: „Дорогой мнѣ изъ ты-сячъ Августинъ, ты знаешь, что этотъ человѣкъ тебѣ преданъ, и не тайна для тебя, сколь опасною и долгой болѣзнью онъ одержимъ, которая тѣмъ ближе къ смерти, чѣмъ менѣе самъ больной сознаетъ свой недугъ. Поэтому необходимо теперь принять мѣры къ сохраненію жизни этого полуживого, каковое дѣло благочестія никто изъ людей не можетъ исполнить лучше, чѣмъ ты. Ибо онъ всегда страстно любилъ твое имя, а всякая наука имѣетъ то свойство, что она гораздо легче вѣдряется въ душу слушателя любимымъ наставникомъ; и если нынѣшнее твое блаженство не заставило тебя забыть бѣдствія, пережитыя тобою въ то время, когда ты былъ заключенъ въ темницѣ плоти,—вѣдь и ты пере-несъ многое подобное тому, что онъ терпитъ; а если такъ, то ты—наилучшій цѣлитель извѣданныхъ тобою страстей. Поэтому, хотя безмолвное размышленіе пріятнѣе всѣхъ другихъ вещей, прошу тебя—прерви это молчаніе твоимъ святымъ, мнѣ необыкновенно пріятнымъ голосомъ, и попытайся, не удастся ли тебѣ какимъ-либо способомъ ослабить столь тяжкій недугъ“. На это онъ: „Ты—мой вождь, ты—моя совѣтница, утѣшительница, го-спожа и наставница; зачѣмъ же ты велишь мнѣ говорить, когда ты сама присутствуешь здѣсь?“ А она: „Пусть ухо смертнаго по-разить человѣческая рѣчь: ее онъ снесетъ спокойнѣе. Но дабы онъ считалъ сказаннымъ мною то, что отъ тебя услышитъ, я буду лично присутствовать“. — „Какъ любовь къ больному“, сказалъ онъ, „такъ и почтеніе къ повелѣвающей заставляютъ меня повиноваться“. И тутъ, ласково взглянувъ на меня и отечески обнявъ, онъ повелъ меня въ самую сокровенную часть дома, при чемъ Истина шла нѣсколько впереди. Тамъ мы всѣ трое сѣли, и

началась долгая бесѣда съ той и другой стороны, Истина же молча взвѣшивала наши слова и другихъ свидѣтелей не было. Такъ какъ предметъ разрастался, то бесѣда затянулась на три дня; и хотя въ ней было сказано многое противъ правовъ нашего вѣка и о грѣхахъ, общихъ всѣмъ смертнымъ, такъ что эти упреки были обращены, казалось, не столько ко мнѣ, сколько ко всему человѣческому роду, однако я глубже запечатлѣлъ въ своей памяти то, что являлось личнымъ призывомъ ко мнѣ. Эту столь задушевную бесѣду я рѣшилъ воспроизвести письменно, для того, чтобы она не исчезла, и ею-то наполнилъ эту книжку. Не то, чтобы я хотѣлъ умножить ею число моихъ сочиненій, или искалъ отъ нея славы, — нѣтъ, высшую цѣль лелѣеть мой умъ: хочу, чтобы ту сладость, которую я однажды вкусилъ въ бесѣдѣ, я могъ такъ часто вкушать при чтеніи, какъ только пожелаю. И потому ты, моя книжечка, должна избѣгать людскихъ сборищъ, и, вѣрная своему имени, довольствоваться моимъ обществомъ, ибо ты — моя тайна, и такъ будешь называться, и въ часы возвышенныхъ размышленій ты будешь втихомолку напоминать мнѣ все то, что ты запомнишь изъ сказаннаго втихомолку. А для того, чтобы не употреблять слишкомъ часто, какъ говоритъ Туллій, „сказалъ я“, „сказалъ онъ“, и чтобы придать бесѣдѣ такой видъ, какъ будто она ведется тутъ же присутствующими, я раздѣлилъ мысли моего славнаго собесѣдника и мои не описательно, а простымъ надписаніемъ нашихъ именъ; этотъ литературный пріемъ я заимствовалъ у моего Цицерона, который самъ перенялъ его у Платона. Но, чтобы не отвлекаться болѣе, вотъ какими словами онъ первый заговорилъ со мною.

СОБЕСѢДНИКИ:

Св. Августинъ. Францискъ Петрарка.

БЕСѢДА I.

Августинъ.

Что скажешь, человѣче? О чемъ грезишь? чего ждешь? Или не помнишь, что ты смертенъ?

Францискъ.

Конечно помню, и никогда эта мысль не посѣщаетъ мою душу безъ нѣкаго ужаса.

Августинъ.

О если бы ты въ самомъ дѣлѣ помнилъ это, какъ ты говоришь, и заботился бы о себѣ! Этимъ ты значительно облегчилъ бы и мой трудъ, ибо неопровержимо вѣрно, что для того, чтобы презирать соблазны этой жизни и сохранять душу спокойною среди столькихъ мірскихъ бурь, нельзя найти средства болѣе дѣйствительнаго, нежели сознаніе собственной ничтожности и постоянная мысль о смерти, но такъ, чтобы она не скользила слегка и по-верху, а внѣдрилась до мозга костей. Я сильно опасаюсь, что въ этомъ дѣлѣ, какъ я замѣчалъ у многихъ, ты самъ себя обманываешь.

Францискъ.

Какимъ образомъ, скажи? Мнѣ неясно, что ты говоришь.

Августинъ.

Ибо изъ всѣхъ вашихъ дѣлъ, о смертные, ни одно не возбуждаетъ во мнѣ такого удивленія и содроганія, какъ то, что вы

умышленно поддерживаєте ваши бѣдствія, притворяетесь, будто не видите грозящей опасности, и гоните отъ себя эту мысль, когда она невольно навязывается.

Францискъ.

Это какъ?

Августинъ.

Думаешь ли ты, что есть такой сумасбродъ, который, будучи постигнутъ опасной болѣзнию, не желалъ бы страстно здоровья?

Францискъ.

Я никого не считаю столь безумнымъ.

Августинъ.

Что же? думаешь ли ты, что кто-нибудь можетъ быть такъ нерадивъ и вялъ духомъ, чтобы, желая чего-нибудь всей душою, не добиваться этого всѣми силами?

Францискъ.

И этого не думаю.

Августинъ.

Разъ мы съ тобой согласны насчетъ этихъ двухъ вещей, мы должны быть согласны и насчетъ третьей.

Францискъ.

Что же это за третья вещь?

Августинъ.

Что какъ тотъ, кто, въ глубокомъ и сосредоточенномъ размышленіи сознавъ себя несчастнымъ, желаетъ не быть несчастнымъ, и у кого зародилось такое желаніе, старается осуществить его,—такъ тотъ, кто добивается этого, можетъ и достигнуть. Ибо опытомъ дознано, что единственной помѣхою для этого третьяго является отсутствіе второго, какъ единственной помѣхою для второго является отсутствіе перваго. Такимъ образомъ, прежде всего

должно существовать то первое, которое есть какъ бы корень челоѳческаго спасенія; вы же, безразсудные, и ты, столь изобрѣтательный на собственную гибель, вы стараетесь вырвать изъ вашей груди этотъ спасительный корень всѣми арканами земныхъ приманокъ, что, какъ я сказала, удивляетъ и ужасаетъ меня, и потому справедливо терпите двойную кару: и тотъ корень оказывается исторгнутымъ, и все остальное становится невозможнымъ.

Францискъ.

Эта жалоба, какъ я подозреваю, слишкомъ длинна и требуетъ многихъ словъ. Поэтому, если угодно, отложимъ ее на другое время и остановимся нѣсколько на предшествующемъ, пока я смогу увѣреннѣе подвигаться къ дальнѣйшему.

Августинъ.

Необходимо считаться съ твоей медлительностью; поэтому останавливайся всюду, гдѣ найдешь нужнымъ.

Францискъ.

Я не вижу той послѣдовательности.

Августинъ.

Что здѣсь темнаго и какое сомнѣнiе явилось у тебя теперь?

Францискъ.

Потому что есть множество вещей, которыхъ мы страстно желаемъ и усердно добиваемся, но къ которымъ никакое усилiе, никакое рвенiе не приблизили и не приблизятъ насъ.

Августинъ.

Не спору, что это вѣрно относительно другихъ вещей, но въ отношенiи того, о чемъ теперь идетъ рѣчь, это противорѣчитъ истинѣ.

Францискъ.

Почему?

Августинъ.

Потому что, разъ человѣкъ желаетъ избавиться отъ своего жалкаго состоянія, но желаетъ искренно и вполнѣ,—такое желаніе не можетъ оказаться безуспѣшнымъ.

Францискъ.

О, что я слышу! Вѣдь очень мало есть людей, которые бы не чувствовали, что имъ многого недостаетъ, и которые бы не сознавали себя изъ-за этого несчастными; насколько это вѣрно, можетъ понять всякій, обративъ взоръ на самого себя. Отсюда слѣдуетъ, что совершенная полнота благъ дѣлаетъ человѣка счастливымъ, если же одного изъ нихъ недостаетъ, человѣкъ въ этомъ пунктѣ чувствуетъ себя несчастнымъ. Общеизвѣстно, что всѣ люди желаютъ, но лишь немногіе смогли, сбросить съ себя этотъ грузъ своего бѣдствія. Ибо сколь многихъ терзаютъ непрестанною скорбью либо тѣлесная немощь, либо смерть близкихъ, либо заключеніе въ темницѣ, либо изгнаніе, либо бѣдность? И мало ли еще есть подобныхъ напастей, которыя было бы такъ же долго перечислять, какъ ихъ трудно и горько переносить: всѣ онѣ, хотя крайне тягостны для тѣхъ, кто ихъ терпитъ, однако, какъ видишь, человѣку не дано стряхнуть ихъ съ себя. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, невозможно сомнѣваться, что многіе несчастны помимо и противъ своей воли.

Августинъ.

Приходится вернуть тебя далеко назадъ и, какъ обыкновенно поступаютъ съ вѣтреными и отсталыми подростками, то и дѣло повторяютъ весь рядъ доводовъ отъ первыхъ началъ. Я считалъ тебя человѣкомъ болѣе зрѣлаго ума и не думалъ, что ты нуждаешься въ столь ребяческихъ напоминаніяхъ. И точно, если бы ты закрѣпилъ въ своей памяти тѣ вѣрныя и въ высшей степени

цѣнныя изреченія философовъ, которыя ты неоднократно перечитывалъ вмѣстѣ со мною, если бы, далѣе, — скажу съ твоего позволенія, — ты старался не для другихъ, и въ чтеніи столькихъ книгъ искалъ руководства для своей жизни, а не средства стяжать мимолетную хвалу толпы и повода къ пустому тщеславію, — ты не сталъ бы говорить такъ нелѣпо и невѣжественно.

Францискъ.

Не знаю, къ чему ты ведешь, но уже теперь краска стыда залила мое лицо, и я испытываю то же, что школьники, когда учителя ихъ бранятъ. Ибо какъ они, еще прежде чѣмъ услышатъ названіе совершеннаго ими проступка, помня за собою многія вины, робѣютъ при первыхъ словахъ укора, такъ я, сознавая свое невѣжество и свои многочисленныя заблужденія, хотя еще и не понимаю, куда клонится твоя рѣчь, покраснѣлъ прежде, чѣмъ ты кончилъ, потому что знаю, что нѣтъ вины, которой нельзя было бы поставить мнѣ въ упрекъ. Итакъ, прошу тебя, скажи мнѣ яснѣе, въ чемъ ты укоряешь меня такъ строго?

Августинъ.

Еще во многомъ другомъ кромѣ того, о чемъ скажу сейчасъ; но прежде всего меня возмущаетъ твое предположеніе, что кто-нибудь можетъ быть или сдѣлаться несчастнымъ противъ своей воли.

Францискъ.

Я пересталъ краснѣть, ибо что можно придумать болѣе истиннаго, нежели эта истина? или кто такъ несвѣдущъ въ человѣческихъ дѣлахъ или такъ далекъ отъ всякаго общенія со смертными, чтобы не знать, что нужда, страданія, безчестье, наконецъ болѣзни и смерть и прочія напасти такого рода, которыя считаются тягчайшими, большею частью постигаютъ людей противъ ихъ воли, но никогда по ихъ желанію? Откуда явствуется, что очень легко

знать и ненавидѣть собственное несчастье, а вовсе не свергнуть его, ибо первая два—въ нашей власти, третье же во власти рока.

А в г у с т и н ь .

Скромностью ты искупилъ свое заблужденіе, но за безстыдство я сержусь еще больше, чѣмъ за заблужденіе. Какъ могъ ты забыть всѣ эти заявленія философовъ и святыхъ, что тѣ невзгоды, которыя ты давеча перечислилъ, никого не могутъ сдѣлать несчастнымъ? Ибо, если одна только добродѣтель дѣлаетъ душу счастливой,—что доказали и Маркъ Туллій, и многіе другіе часто самыми вѣскими доводами,—то совершенно ясно, что ничто другое не удаляетъ человѣка отъ счастья, кромѣ того, что противоположно добродѣтели, а каково оно, это ты можешь вспомнить и безъ моего указанія, если ты не закоснѣлъ окончательно.

Ф р а н ц и с к ь .

Конечно помню. Ты хочешь вернуть меня къ предписаніямъ стоиковъ, которыя противоположны мнѣніямъ народовъ и стоятъ къ истинѣ ближе, чѣмъ къ опыту.

А в г у с т и н ь .

О, несчастнѣйшій изъ всѣхъ, разъ ты ищешь пути къ познанію истины чрезъ самасбродства черни и надѣешься достигнуть свѣта, слѣдуя за слѣпыми вожатыми! Ты долженъ избѣгать торной дороги, утопанной толпою, и, алкая высшаго, избрать путь, отмѣченный слѣдами лишь очень немногихъ, дабы ты удостоился услышать о себѣ извѣстный стихъ поэта:

Новою доблестью, отрокъ, расти! Такъ взыдешь къ свѣтиламъ.

Ф р а н ц и с к ь .

О, если бы я достигъ этого еще до моей смерти! Но продолжай, прошу тебя, ибо я не совсѣмъ потерялъ стыдъ и не сомнѣ-

ваюсь, что положенія стойковъ слѣдуетъ предпочесть заблужденіямъ толпы; но я жду, что ты хочешь доказать мнѣ этимъ.

А в г у с т и н ь .

Разъ мы согласились насчетъ того, что быть или стать несчастнымъ можно только чрезъ порокъ,—какія еще нужны слова?

Ф р а н ц и с к ь .

Мнѣ кажется, что я видѣлъ многихъ,—и я самъ изъ того числа,—которыхъ ничто не тяготитъ въ такой степени, какъ невозможность свергнуть съ себя иго своихъ пороковъ, хотя они всю жизнь стремятся къ этому съ величайшими усиліями. Поэтому, не оспаривая положенія стойковъ, можно утверждать, что многіе глубоко несчастны помимо своей воли, терзаясь и желая противнаго.

А в г у с т и н ь .

Мы нѣсколько заблудились, но уже незамѣтно возвращаемся къ нашей исходной точкѣ, если только ты не забылъ, съ чего мы начали.

Ф р а н ц и с к ь .

Едва-было не забылъ, но теперь начинаю припоминать.

А в г у с т и н ь .

Я задался цѣлью доказать тебѣ, что для того, чтобы выбраться изъ тѣсноты этой смертной юдоли и подняться выше, какъ бы первой ступеню является размышленіе о смерти и о жалкой долѣ человѣка, второю же—страстное желаніе и стараніе подняться; при наличности этихъ условій, обѣщаль я, легко достигнуть той цѣли, къ которой направлено наше стремленіе. Или ты и теперь убѣжденъ въ противномъ?

Ф р а н ц и с к ь .

Я не осмѣлился бы сказать, что убѣжденъ въ противномъ, ибо съ самой юности я росъ въ томъ мнѣніи о тебѣ, что каждый

разъ, какъ мое мнѣніе не совпадаетъ съ твоимъ, я непремѣнно заблуждаюсь.

А в г у с т и н ѣ .

Прекрати, пожалуйста, лести; но такъ какъ я вижу, что ты привыкъ соглашаться съ моими словами не столько по убѣжденію, сколько изъ уваженія, то даю тебѣ право говорить все, что внушаетъ тебѣ твоя мысль.

Ф р а н ц и с к ѣ .

Хотя еще и съ трепетомъ, я хочу однако воспользоваться твоимъ разрѣшеніемъ. Не буду говорить о прочихъ людяхъ; но беру въ свидѣтели присутствующую здѣсь, которая неизмѣнно была свидѣтельницей всѣхъ моихъ поступковъ, и тебя самого, какъ часто я размышлялъ о моемъ жалкомъ положеніи и о смерти, и сколькими слезами я пытался смыть съ себя грязь моей грѣховности, — но эти попытки, какъ видишь, донинѣ оставались безплодными, о чемъ я не могу говорить безъ слезъ. Это одно и побуждаетъ меня оспаривать истинность положенія, на которомъ ты пытаешься строить, — что ни одинъ человѣкъ не впалъ въ жалкое состояніе иначе, какъ по своей волѣ, что несчастенъ лишь тотъ, кто хочетъ быть несчастнымъ, — потому что мой собственный печальный опытъ убѣждаетъ меня въ противномъ.

А в г у с т и н ѣ .

Это старая жалоба, и ей никогда не будетъ конца; и хотя я уже не разъ тщетно пытался убѣдить тебя, я не перестану настаивать, что никто не можетъ ни стать, ни быть несчастнымъ помимо своей воли, но, какъ я сказалъ вначалѣ, людямъ присуща болѣзненная и пагубная страсть обманывать себя, вреднѣе которой нѣтъ ничего въ жизни. Вы справедливо боитесь коварства вашихъ слугъ, во-первыхъ потому, что довѣріе къ обманывающему не позволяетъ возникнуть спасительной недовѣрчивости, во-вторыхъ потому, что его льстивый голосъ непрерывно ласкаетъ вашъ

слухъ,—два условія, которыя въ отношеніи другихъ людей повидимому отсутствуютъ; насколько же болѣе вы должны были бы опасаться вашей собственной хитрости, гдѣ и любовь, и довѣріе, и близость чрезвычайно велики, ибо всякій цѣнитъ себя выше, нежели онъ стоитъ, и любить себя больше, нежели должно, и слѣдовательно обманутый никогда не отдѣляется отъ обманывающаго?

Францискъ.

Ты часто употреблялъ сегодня эти слова, но, я, насколько помню, никогда ни обманывалъ себя; пусть бы только другіе меня не обманывали.

Августинъ.

Сейчасъ ты всего болѣе обманываешь себя, хвалясь, будто никогда не обманывалъ себя. Но я не столь низкаго мнѣнія о твоёмъ природномъ умѣ; я увѣренъ,—размысливъ внимательно, ты самъ увидишь, что никто не впадаетъ въ несчастіе иначе, какъ по своей волѣ, а вѣдь споръ между нами только объ этомъ. Итакъ, скажи мнѣ пожалуйста,—но подумай, прежде чѣмъ отвѣтить, и напряги свой духъ жаждою не спора, а истины,—скажи мнѣ, думаешь ли ты, что кто-нибудь грѣшилъ по принужденію? вѣдь мудрецы утверждаютъ, что грѣхъ—добровольное дѣяніе, до такой степени, что гдѣ отсутствуетъ воля, тамъ нѣтъ и грѣхъ; а ты уже раньше согласился со мною, что безъ грѣха никто не бываетъ несчастливъ.

Францискъ.

Вижу, что на послѣднихъ шагахъ я постепенно уклонился отъ нашихъ предпосылокъ, и вынужденъ признать, что начало моего несчастія коренилось въ моей собственной волѣ; чувствую это въ себѣ и по сходству предполагаю это относительно другихъ. Но теперь и ты согласишься со мною въ одномъ.

Августинъ.

Въ чемъ же я долженъ согласиться?

Францискъ.

Если вѣрно, что никто не падаетъ иначе, какъ по своей волѣ, то мы должны считать вѣрнымъ и то, что многіе, поскользнувшись по своей волѣ, остаются лежать уже не по своей волѣ; это я готовъ съ увѣренностью утверждать о себѣ самомъ, и полагаю, что это ниспослано мнѣ въ кару, дабы я не могъ встать, хотя желаю, такъ какъ не хотѣлъ стоять, когда могъ.

Августинъ.

Хотя это мнѣніе не совсѣмъ нелѣпо, но разъ ты созналъ свою ошибку въ первомъ случаѣ, ты неизбѣжно долженъ будешь признать, что ошибся и во второмъ.

Францискъ.

Итакъ, ты утверждаешь, что упасть и лежать—одно и то же?

Августинъ.

Напротивъ, это—различныя вещи; однако пожелать и желать, хотя во времени и различны, по существу и въ душѣ желающаго тождественны.

Францискъ.

Чувствую, какою сѣтью ты пытаешься меня опутать; но изъ двухъ борцовъ тотъ, который стяжалъ побѣду ловкостью,— не сильнѣйшій, а только хитрѣйшій.

Августинъ.

Мы говоримъ предъ лицомъ Истины, которой любезна во всемъ простота, а лукавство противно; и для того, чтобы ты ясно видѣлъ это, мы будемъ отнынѣ продолжать съ наивозможной простотою.

Францискъ.

Я ничего не могъ бы услышать болѣе пріятнаго. Итакъ, скажи мнѣ,—такъ какъ рѣчь шла обо мнѣ,—какими доводами ты дока-

жешь мнѣ, что мое несчастіе, котораго я не отрицаю, еще и сейчасъ существуетъ по моей волѣ, тогда какъ я, напротивъ, чувствую, что ничто такъ не терзаетъ меня, ничто въ такой степени не противорѣчитъ моему желанію, и однако дальше не могу ступить ни шагу?

Августинъ.

Если только ты будешь твердо держаться того, что условлено между нами, я покажу тебѣ, что ты долженъ былъ употреблять другія слова.

Францискъ.

О какомъ уговорѣ ты напоминаешь и какія совѣтуешь мнѣ употреблять слова?

Августинъ.

Мы условились отвергнуть всѣ козни обмана и съ полной искренностью добиваться истины. Что же касается словъ, которыя ты долженъ употреблять, то я хотѣлъ бы, чтобы ты признался, *что не хотѣлъ тамъ, гдѣ ты выразился: не могъ.*

Францискъ.

Мы никогда не кончимъ, потому что я никогда не признаюсь въ этомъ. Самъ я знаю и ты мнѣ свидѣтель, сколько разъ я хотѣлъ и не могъ, сколько слезъ я пролилъ бесплодно.

Августинъ.

Могу свидѣтельствовать о многихъ твоихъ слезахъ, но о твоей доброй волѣ—нисколько.

Францискъ.

Зову во свидѣтели небо (изъ людей, я думаю, никто того не знаетъ), сколько я выстрадалъ и какъ страстно желалъ подняться, если бы только это было возможно.

Августинъ.

Умолкни, ибо раньше смѣшается небо съ землею, раньше звѣзды упадутъ съ неба и возстанутъ другъ на друга нынѣ дружествен-

ныя стихіи, чѣмъ Истина, которая здѣсь творить судъ между мной и тобою, дастъ себя обмануть.

Францискъ.

Что же ты хочешь сказать?

Августинъ.

Что сознаніе часто исторгало у тебя слезы, но воли твоей не мѣняло.

Францискъ.

Сколько разъ я повторялъ, что сдѣлать больше было мнѣ не подь силу.

Августинъ.

И сколько разъ я отвѣчалъ, что ты скорѣе не хотѣлъ. Однако я не удивляюсь тебѣ, что ты блуждаешь теперь по окольнымъ дорогамъ, на которыхъ я самъ мыкался въ былое время, когда замышлялъ вступить на новый путь жизни. Я рвалъ на себѣ волосы, билъ себя по лбу, ломалъ пальцы, наконецъ, обхвативъ колѣна руками, наполнялъ небо и воздухъ невыразимо-горькими вздохами и орошалъ землю кругомъ обильными слезами; и однако среди всей этой горести я оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ, пока наконецъ глубокое раздумье не представило мнѣ воочию всю бѣдственность моего положенія. Итакъ, лишь только я вполнѣ пожелалъ, я тотчасъ и смогъ, и съ чудесной, благодатной быстротой превратился въ другого Августина, чью исторію, если не ошибаюсь, ты знаешь по моей Исповѣди.

Францискъ.

Конечно знаю и никогда не забуду той спасительной смоковницы, въ тѣни которой совершилось это чудо.

Августинъ.

Такъ и слѣдуетъ; ибо ни миртъ, ни плющъ, ни солнцемъ, какъ говорятъ, любимый лавръ (хотя къ нему влечется весь сонмъ

поэтовъ и болѣе всѣхъ ты самъ, который одинъ въ свой вѣкъ удостоился носить вѣнокъ, сплетенный изъ его листвы) не должны быть милѣе твоей душѣ, готовящейся наконецъ послѣ столькихъ бурь вернуться въ пристань, нежели воспоминаніе объ этой смоковницѣ, которое знаменуетъ для тебя вѣрную надежду на исправленіе и прощеніе.

Францискъ.

Не возражаю; продолжай пожалуйста.

Августинъ.

Я продолжаю, съ чего началъ,—что съ тобою донинѣ случилось то же, что со многими, къ которымъ можетъ быть примѣненъ стихъ Вергилія:

Духъ, какъ твердыня, незыблемъ; безсильныя катятся слезы.

Я могъ бы собрать много примѣровъ, но удовольствовался однимъ, притомъ личнымъ.

Францискъ.

И правильно, ибо не нужно было многихъ примѣровъ, и никакой другой не запечатлѣлся бы глубже въ моей груди, тѣмъ болѣе, что при всемъ различіи, какое обыкновенно существуетъ между терпящимъ кораблекрушеніе и сидящимъ въ безопасной гавани, или между счастливымъ и несчастнымъ, я узнаю среди моихъ тревоженій нѣкоторый слѣдъ твоего смятенія. Оттого каждый разъ когда я читаю твою Исповѣдь, обуреваемый двумя противоположными настроеніями, именно надеждою и страхомъ, я испытываю иногда не безъ слезъ—такое чувство, будто читаю исторію не чужого, а моего собственнаго странствованія. А теперь, послѣ того какъ я совершенно отказался отъ желанія спорить, продолжай, какъ найдешь нужнымъ, ибо я готовъ слѣдовать за тобою, а не идти наперекоръ.

Августинъ.

Не этого я требую; ибо, если, по словамъ одного великаго ученаго, въ чрезмѣрномъ препирательствѣ истина тонетъ, то умѣрен-

ный споръ многихъ часто приводитъ къ истинѣ. Поэтому не слѣдуетъ, по примѣру лѣнивыхъ и вялыхъ умовъ, безъ разбора соглашаться со всѣмъ, ни равно съ горячностью противиться очевидной истинѣ, что явно свидѣтельствуетъ о сварливомъ характерѣ.

Францискъ.

Понимаю, и одобряю, и буду пользоваться твоимъ совѣтомъ; продолжай.

Августинъ.

Итакъ, признаешь ли ты за истину и за дальнѣйшій шагъ впередъ высказанную мною мысль, что полное сознаніе своего бѣдственнаго положенія рождаетъ полную готовность подняться, разъ хочетъ лишь тотъ, кто можетъ.

Францискъ.

Я уже рѣшилъ вѣрить тебѣ во все.

Августинъ.

Чувствую, что ты и теперь еще что-то скрываешь; скажи откровенно, въ чемъ дѣло.

Францискъ.

Я только дивлюсь, какъ это я до сихъ поръ не желалъ того, чего, какъ мнѣ казалось, я всегда желалъ единственно.

Августинъ.

Ты все еще сомнѣваешься; но чтобы наконецъ прекратить этотъ разговоръ, я признаю, что ты дѣйствительно иногда желалъ.

Францискъ.

Итакъ, что-же?

Августинъ.

Не приходитъ ли тебѣ на память стихъ Овидія?

Мало желать: за дѣло примись, чтобъ свершилось желанье.

Францискъ.

Понимаю; но мнѣ казалось, что я желалъ страстно.

Августинъ.

Ты ошибался.

Францискъ.

Вѣрю.

Августинъ.

А для того, чтобы ты вѣрилъ твердо, допроси самъ твою совѣсть: она—наилучшій свидѣтель добродѣтели, непогрѣшимый и точный оцѣнщикъ дѣлъ и помышлений; она скажетъ тебѣ, что ты никогда не стремился къ спасенію какъ слѣдуетъ, но равнодушнѣе и спокойнѣе, чѣмъ того требовало сознание столькихъ грозящихъ опасностей.

Францискъ.

Я начинаю, какъ ты велишь, изслѣдовать мою совѣсть.

Августинъ.

Что же ты находишь тамъ?

Францискъ.

Что ты говоришь правду.

Августинъ.

Ты начинаешь просыпаться, значитъ мы нѣсколько подвинулись впередъ. Твое положеніе сразу улучшится, лишь только ты сознаешь, какъ плохо оно было раньше.

Францискъ.

Если достаточно даже только сознать это, то мое положеніе, надѣюсь, можетъ скоро не только улучшиться, но и стать превосходнымъ, ибо я никогда ничего не понималъ лучше, нежели

то, что я никогда не желалъ свободы и конца моихъ бѣдствій достаточно страстно. Но довольно ли проникнуться желаніемъ?

Августинъ.

Для чего?

Францискъ.

Для того, чтобы мнѣ больше ничего не нужно было дѣлать.

Августинъ.

Ты ставишь невозможное условіе, чтобы тотъ, кто страстно желаетъ желаемого, оставался погруженнымъ въ дремоту.

Францискъ.

Если такъ, то какая польза въ самомъ желаніи?

Августинъ.

Конечно, путь ведетъ чрезъ многія трудности, но уже и влеченіе къ добродѣтели есть само по себѣ добрая часть добродѣтели.

Францискъ.

Ты даешь мнѣ основаніе для большой надежды.

Августинъ.

Для того я и бесѣдую съ тобою, чтобы научить тебя надѣяться и бояться.

Францискъ.

Почему бояться?

Августинъ.

Скорѣе, почему надѣяться?

Францискъ.

Потому что, если до сихъ поръ я прилагалъ немалыя усилія для того, чтобы не быть совсѣмъ дурнымъ, то ты открываешь мнѣ путь, чтобы стать вполне хорошимъ.

А в г у с т и н ѣ .

Но насколько труденъ этотъ путь, о томъ ты, можетъ быть, не догадываешься.

Ф р а н ц и с к ѣ .

Какой новый страхъ ты хочешь внушить мнѣ?

А в г у с т и н ѣ .

Ибо это самое „желать“ есть только одно слово, но его смыслъ содержитъ въ себѣ безчисленныя вещи.

Ф р а н ц и с к ѣ .

Ты пугаешь меня.

А в г у с т и н ѣ .

Не говоря уже о томъ, изъ чего это желаніе состоитъ, сколь многое должно быть истреблено для того, чтобы оно могло возникнуть!

Ф р а н ц и с к ѣ .

Не понимаю, что ты хочешь сказать.

А в г у с т и н ѣ .

Это желаніе ни въ комъ не можетъ созрѣть вполнѣ, пока онъ не искоренилъ въ себѣ всѣ другія свои желанія; а ты понимаешь, какъ многочисленны и разнообразны вещи, которыхъ человѣкъ желаетъ въ своей жизни; ихъ всѣ ты долженъ предварительно презрѣть, — только тогда ты можешь взалкать высшаго блаженства, ибо мало любить его тотъ, кто одновременно и не ради него любить еще что-нибудь другое.

Ф р а н ц и с к ѣ .

Я знаю эту истину.

А в г у с т и н ѣ .

А какъ мало есть людей, которые подавили въ себѣ всѣ страсти,— ихъ же не только подавить, но даже перечислить—долгій трудъ,—

которые наложили на свою душу узду разума, которые въ правѣ сказать: у меня нѣтъ болѣе ничего общаго съ тѣломъ, все, что считается пріятнымъ,—мерзость для меня, я жажду высшаго счастья!

Францискъ.

Такіе люди чрезвычайно рѣдки; теперь я понимаю трудность, которою ты мнѣ грозилъ.

Августинъ.

И вотъ, когда исчезнутъ страсти, то желаніе будетъ полно и свободно отъ помѣхъ; ибо насколько собственное благородство влечетъ душу къ небу, настолько же по необходимости тянутъ ее внизъ бремя плоти и земныя приманки, такъ что вы одновременно и стремитесь ввысь, и желаете оставаться внизу, и не достигаете ни того, ни другого, разрываясь въ обѣ стороны.

Францискъ.

Что же, по твоему мнѣнію, надо сдѣлать, чтобы душа, разбивъ земныя оковы, цѣликомъ вознеслась горѣ?

Августинъ.

Къ этой цѣли безошибочно ведетъ то размышленіе, о которомъ я упомянулъ вначалѣ, да непрестанная мысль о нашей смертности.

Францискъ!

Если я и здѣсь не обманываю себя, ни одинъ человѣкъ не терзается этими заботами чаще меня.

Августинъ.

Новый споръ и новая доука!

Францискъ.

Какъ? развѣ я и въ этомъ случаѣ лгу?

А в г у с т и н ъ .

Я предпочель бы выразиться вѣжливѣе.

Ф р а н ц и с к ѣ .

Но въ томъ же смыслѣ?

А в г у с т и н ъ .

Да, не въ иномъ.

Ф р а н ц и с к ѣ .

Значить, я не думаю о смерти?

А в г у с т и н ъ .

По крайней мѣрѣ очень рѣдко, и притомъ такъ вяло, что эта мысль не проникаетъ до дна твоего злополучія.

Ф р а н ц и с к ѣ .

Я былъ убѣжденъ въ противномъ.

А в г у с т и н ъ .

Обращай вниманіе не на то, въ чемъ ты былъ увѣренъ, а на то, въ чемъ долженъ былъ быть увѣренъ.

Ф р а н ц и с к ѣ .

Объщаю отнынѣ болѣе никогда не вѣрить себѣ, если ты докажешь мнѣ, что я и въ этомъ случаѣ вѣрилъ себѣ ошибочно.

А в г у с т и н ъ .

Я докажу тебѣ это очень легко, если только ты рѣшишься искренно признаваться въ правдѣ, и сошлюсь въ этомъ дѣлѣ на свидѣтеля, котораго не далеко искать.

Ф р а н ц и с к ѣ .

На кого же?

Августинъ.

На твою совѣсть.

Францискъ.

Она утверждаетъ противное.

Августинъ.

Гдѣ поставленъ неясный вопросъ, тамъ отвѣтъ свидѣтеля врядъ ли можетъ быть точнымъ.

Францискъ.

Какое это имѣеть отношеніе къ дѣлу?

Августинъ.

По истинѣ, большое; и для того, чтобы ты ясно понялъ это, слушай внимательно: нѣтъ такого безумца (развѣ это уже совсѣмъ сумасшедшій), который бы не сознавалъ подчасъ бренность своего существованія, и который, будучи спрошенъ, не отвѣчалъ бы, что онъ смертенъ и обитаетъ бренное тѣло, потому что объ этомъ свидѣтельствуютъ и тѣлесныя боли, и лихорадочные припадки, а прожить совершенно свободнымъ отъ нихъ дано ли кому-нибудь по милости Господа? Къ тому же и похороны друзей, безпрестанно проходящія предъ вашими глазами, вселяютъ страхъ въ душу созерцающихъ, ибо, провожая къ могилѣ кого-нибудь изъ своихъ сверстниковъ, человѣкъ неизбѣжно содрагается при мысли о безднѣ, куда смертью внезапно свергнуть другой, и начинаетъ тревожиться за себя самого, подобно тому, какъ, увидавъ жилища своихъ сосѣдей въ огнѣ, ты не можешь оставаться спокойнымъ за собственное жилище, ибо, какъ говорить Флаккъ:

Скоро, гляди, къ тебѣ самому подберется опасность.

Еще сильнѣе будетъ взволнованъ тотъ, на чьихъ глазахъ будетъ внезапно похищенъ смертью болѣе молодой, болѣе крѣпкій и болѣе красивый, нежели онъ самъ; онъ оглянетъ себя и скажетъ: „казалось, ему была болѣе обезпечена жизнь на землѣ, и

однако онъ изгнанъ отсюда; не помогли ему ни молодость, ни красота, ни крѣпость; кто же далъ мнѣ ручательство? Богъ, или какой-нибудь чародѣй? Конечно, я смертенъ“. И когда то же самое постигаетъ царей и князей земли, людей могучихъ и грозныхъ, то очевидцы бываютъ поражены еще сильнѣе, ибо на ихъ глазахъ внезапное или ддящееся немногіе часы смертное томленіе ниспровергаетъ тѣхъ, кто обычно повергалъ въ прахъ другихъ. И дѣйствительно, откуда, какъ не изъ этого источника, происходятъ тѣ поступки, какіе совершаютъ при смерти великихъ людей пораженные ужасомъ народныя толпы, и какихъ много, если помнишь (я хочу кстати вернуть тебя къ исторіи), было совершено при погребеніи Юлія Цезаря? Это именно—то общее зрѣлище, поражающее взоры и сердца смертныхъ и наводящее ихъ на мысль о собственной судьбѣ при видѣ чужой участи. Прибавь сюда еще ярость звѣрей и людей, прибавь изступленіе войнъ и обрушеніе большихъ зданій, о которыхъ кто-то мѣтко сказалъ что, бывъ раньше защитою для людей, они стали для людей опасностью; прибавь бури и вѣтры въ ненастье, и чумное дыханіе небесъ, и всѣ эти опасности, которыми вы всюду окружены на сушѣ и на морѣ, такъ что вы никуда не можете обратить взоръ чтобы не увидать образъ вашей смертности.

Францискъ.

Пощади меня, я больше не въ силахъ ждать, потому что, думаю, нельзя сказать ничего болѣе дѣйствительнаго съ цѣлью подтвердить мою мысль, нежели то, что ты такъ пространно изложилъ; я самъ, слушая, дивился, куда клонится твоя рѣчь и чѣмъ она кончится.

Августинъ.

Да она еще и не кончена,—ты ее прервалъ; мнѣ оставалось сдѣлать слѣдующее заключеніе: несмотря на то, что множество летучихъ укуловъ поражаетъ васъ со всѣхъ сторонъ, ничто

не проникаетъ внутрь достаточно глубоко, ибо сердца несчастныхъ огрубѣли отъ долгой привычки и спасительныя напоминанія отскакиваютъ отъ затвердѣлой, какъ мозоль, кожи; поэтому ты мало найдешь людей, достаточно глубоко сознающихъ, что имъ неизбѣжно предстоитъ умереть.

Францискъ.

Значить, немногимъ извѣстно то опредѣленіе человѣка, которое однако такъ часто повторяется во всѣхъ школахъ, что оно, кажется, давно уже должно было не только утомить уши слушающихъ, но даже сокрушить колонны зданій. Такова уже болтливость діалектиковъ, которой никогда не будетъ конца; она въ изобиліи плодитъ подобнаго рода опредѣленія, налагающія оковы на умъ и дающія поводъ къ безконечнымъ спорамъ. А большею частью они вовсе не знаютъ подлинной истины того, о чемъ они говорятъ. Поэтому, если ты спросишь у кого-нибудь изъ ихъ шайки опредѣленія человѣка или даже любой другой вещи, у него всегда есть готовый отвѣтъ; если же захочешь пойти дальше, онъ будетъ молчать или, если онъ непрерывнымъ разглагольствованіемъ выработалъ въ себѣ легкость рѣчи и беззащѣтность, — по самому характеру его отвѣта будетъ видно, что онъ лишенъ яснаго представленія объ опредѣляемой вещи. Этому надменно-презрительному, по-пусту любопытствующему отродью хочется кинуть въ лицо: „Несчастные! къ чему вы вѣчно надрываетесь понапрасну и бессмысленными тонкостями изнуряете свой умъ? къ чему, забывая самыя вещи, вы старѣете надъ словами и съ сѣдѣющими волосами и морщинистымъ лбомъ занимаетесь ребяческимъ вздоромъ? Пусть бы, по крайней мѣрѣ, ваше безуміе вредило только вамъ самимъ, а не калѣчило такъ часто благородныя умы молодежи!“

Августинъ.

Признаюсь, нельзя съ достаточной рѣзкостью порицать этотъ чудовищный родъ учености. Однако, увлекшись жаромъ рѣчи, ты забылъ кончить, что началъ, объ опредѣленіи человѣка.

Францискъ.

Мнѣ казалось, что я сказалъ болѣе чѣмъ достаточно; но скажу яснѣе: человѣкъ—животное, или, скорѣе, царь всѣхъ животныхъ. Нѣтъ столь грубаго пастуха, который не зналъ бы этого, а съ другой стороны, всякій ребенокъ, если спросить его, признаётъ, что человѣкъ—одаренное разумомъ и смертное животное. Слѣдовательно, это опредѣленіе извѣстно всѣмъ.

Августинъ.

Напротивъ, очень немногимъ.

Францискъ.

Какимъ образомъ?

Августинъ.

Если ты увидишь кого-нибудь, въ комъ разумное начало достигло такой силы, что онъ свою жизнь располагаетъ согласно съ разумомъ, ему одному подчиняетъ свои вождельнія, его уздою сдерживаетъ движенія своей души, и понимаетъ, что только разумъ отличаетъ его отъ дикаго звѣря, что и самое имя человѣка онъ заслуживаетъ лишь настолько, насколько руководится разумомъ; главное же, если онъ такъ проникнуть сознаниемъ своей смертности, что помнить о ней непрестанно, мыслью о ней обуздываетъ себя и, презирая преходящія земныя вещи, жаждетъ той жизни, гдѣ, обрѣвъ полноту разума, онъ перестанетъ быть смертнымъ, — тогда ты можешь сказать, что въ лицѣ этого человѣка ты получилъ вѣрное и полезное представленіе объ опредѣленіи человѣка. Именно объ этомъ шла у насъ рѣчь, и я сказалъ, что лишь немногіе основательно знаютъ это или достаточно размышляютъ объ этомъ.

Францискъ.

До сихъ поръ я считалъ себя въ числѣ этихъ немногихъ.

Августинъ.

Я и не отрицаю, что, передумывая въ теченіе всей жизни столь многое, что тебѣ довелось узнать частью въ школѣ опыта, частью изъ чтенія книгъ, ты неоднократно останавливался мыслью и на смерти; но это размышленіе не проникало въ тебя достаточно глубоко и не вѣдрялось достаточно прочно.

Францискъ.

Что ты называешь „глубоко проникать“? хотя, какъ мнѣ кажется, я понимаю тебя, но хотѣлъ бы, чтобы ты объяснилъ мнѣ точнѣе.

Августинъ.

Вотъ въ чемъ дѣло. Общеизвѣстно и даже славнѣйшими изъ сонма философовъ засвидѣтельствовано, что среди вещей, наводящихъ страхъ, первенство принадлежитъ смерти, до такой степени, что самый звукъ слова „смерть“ искони кажется человѣку жестокимъ и отталкивающимъ; однако не достаточно воспринимать этотъ звукъ внѣшнимъ слухомъ или мимолетно вспоминать о самой вещи: лучше изрѣдка, но долѣе помнить о ней и пристальнымъ размышленіемъ представлять себѣ отдѣльные члены умирающаго,—какъ уже холодѣютъ конечности, а середина тѣла еще страдаетъ и обливается предсмертнымъ потомъ, какъ судорожно поднимается и опускается животъ, какъ жизненная сила слабѣетъ отъ близости смерти,—и эти глубоко запавшіе, гаснушіе глаза, взоръ полный слезъ, наморщенный, свинцово-сѣрый лобъ, впалыя щеки, блѣдные зубы, твердый, заостренный носъ, губы, на которыхъ выступаетъ пѣна, цѣпенѣющій и покрытый коркой языкъ, сухое нѣбо, усталую голову, задыхающуюся грудь, хриплое бормотанье и тяжкіе вздохи, смрадный запахъ всего тѣла и, въ особенности, ужасный видъ искаженнаго лица. Все это будетъ представляться легче и какъ бы наглядно во всей совокупности,

если человекъ станетъ внимательно вдумываться въ видѣнную имъ картину чьей-нибудь памятной смерти, ибо видѣнное прочнѣе запечатлѣвается въ памяти, нежели слышанное. Поэтому въ нѣкоторыхъ монашескихъ орденахъ, притомъ наиболѣе благочестивыхъ, еще и въ наше время, враждебное добрымъ обычаямъ, не безъ глубокой мудрости соблюдается правило, чтобы послушествующіе этому строгому уставу созерцали тѣлѣ усопшихъ въ то время, когда ихъ моютъ и готовятъ къ погребенію, дабы воспоминаніе о горестномъ и плачевномъ зрѣлищѣ, коего они были очевидцами, служило имъ вѣчнымъ предостереженіемъ и удерживало страхомъ ихъ души отъ всѣхъ надеждъ преходящаго міра. Вотъ что я разумѣлъ подъ словами: „глубоко проникать“, а не такъ, какъ вы случайно, по привычкѣ произносите слово „смерть“, вродѣ того какъ вы изо дня въ день повторяете, что ничего нѣтъ болѣе достовѣрнаго, нежели смерть, и ничего менѣе достовѣрнаго, нежели часть смерти, и тому подобное; все это проходитъ безъ слѣда и не укореняется въ памяти.

Францискъ.

Тѣмъ легче соглашаюсь съ тобою, что узнаю теперь въ твоихъ словахъ многое такое, что я часто молча говорю самъ себѣ. Однако впечатлѣній, если возможно, въ моей памяти какой-нибудь знакъ, который бы отнынѣ предостерегалъ меня, дабы я не лгалъ самому себѣ и не обольщался моими заблужденіями, ибо, сколько я вижу, отъ стези добродѣтели отклоняетъ умы именно то, что люди, признавъ цѣль достигнутой, не стремятся дальше.

Августинъ.

Мнѣ пріятно слышать это отъ тебя, ибо это—рѣчь не празднаго и зависящаго отъ случайностей, а многосторонне-взвѣшивающаго ума. Итакъ, даю тебѣ знакъ, который никогда тебя не обманетъ: каждый разъ, когда, размышляя о смерти, ты оста-

нешься неподвижнымъ,—знай, что ты размышлялъ безъ пользы, какъ о любой другой вещи; но если во время самаго размышленія ты будешь цѣпенѣть, дрожать и блѣднѣть, если тебѣ будетъ казаться, что ты уже терпишь смертныя муки; если, сверхъ того, тебѣ придетъ на мысль, что лишь только душа выйдетъ изъ этихъ членовъ, она должна тотчасъ предстать на вѣчный судъ и дать точнѣйшій отчетъ въ своихъ поступкахъ и словахъ за всю протекшую жизнь, наконецъ, что болѣе нечего надѣяться ни на тѣлесную красоту, ни на мірскую славу, ни на талантъ, ни на краснорѣчіе, ни на богатство или могущество, что судью нельзя ни подкупить, ни обмануть, ни умиловити, что сама смерть—не конецъ страданій, а лишь переходъ къ новымъ; если къ тому же ты представишь себѣ тысячи разнообразныхъ истязаній и пытокъ, и трескъ и гулъ преисподней, и сѣрныя рѣки, и кромѣшную тьму, и мстительныхъ фурій, наконецъ весь ужасъ темнаго Орка въ цѣломъ, и, что превосходитъ всѣ эти бѣды—безконечную непрерывность мученій, и отсутствіе всякой надежды на ихъ прекращеніе, и сознаніе, что Господь уже болѣе не сжалится и гнѣвъ его пребудетъ во-вѣки; если все это одновременно предстанетъ твоему взору, не какъ выдумка, а какъ дѣйствительность, не какъ возможность, а какъ необходимость неминуемая и почти уже наступившая, и если ты будешь не мимоходомъ, а усердно предаваться этимъ тревогамъ, и не съ отчаяніемъ, а съ полной надеждою, что Божья десница властна и готова исторгнуть тебя изъ всѣхъ этихъ бѣдъ, лишь бы ты обнаружилъ способность къ исправленію, и если ты искренно пожелаешь подняться и будешь стоекъ въ своемъ желаніи,—тогда будь увѣренъ, что ты размышлялъ не напрасно.

Францискъ.

Признаюсь, ты глубоко потрясъ меня, нагромоздивъ предъ моими глазами всѣ эти ужасы, но такъ да даруетъ мнѣ Господь прощеніе, какъ вѣрно то, что я изо дня въ день предаюсь этимъ

размышленіямъ, особенно по ночамъ, когда духъ, освободившись отъ дневныхъ заботъ, сосредоточивается въ самомъ себѣ; тогда я простираю свое тѣло на подобіе умирающаго и пристально воображаю себѣ часъ моей смерти и все страшное, что умъ переживаетъ въ тотъ часъ, до такой степени, что, мнится,—я уже лежу въ агоніи; иногда я въявь вижу адъ и все то страшное, о чемъ ты рассказываешь,—и это зрѣлище такъ сильно потрясаетъ меня, что я встаю, дрожа отъ страха, и часто, къ ужасу стоящихъ подлѣ, у меня вырываются такія слова: „Горе мнѣ! что я дѣлаю? что терплю? какой исходъ бѣдствій готовитъ мнѣ судьба? Исусъ, помоги:

Сильный, исхити изъ сихъ бѣдствій меня...

Руку злосчастному дай и съ собой прonesи черезъ волны,

Чтобы хоть въ смерти я могъ отдохнуть на брегѣ покоя.

И многое еще въ этомъ родѣ я говорю самъ себѣ на подобіе умалишенныхъ, что исторгаетъ внезапный порывъ изъ разстроенной, потрясенной страхомъ души, много говорю и съ друзьями, и своими рыданіями порой довожу другихъ до слезъ; а послѣ слезъ я возвращаюсь къ привычному образу жизни. И такъ, что же удерживаетъ меня? какое скрытое препятствіе виною, что это размышленіе донинѣ не даетъ мнѣ ничего, кромѣ терзаній и страха? Я остаюсь тѣмъ же, какимъ былъ раньше и каковы тѣ, съ которыми, можетъ быть, никогда въ жизни не случилось ничего подобнаго, только несчастнѣе ихъ, потому что они, какой бы ни ждалъ ихъ конецъ, по крайней мѣрѣ сейчасъ наслаждаются здѣшними утѣхами, мой же и конецъ не обезпеченъ, и всякая утѣха неизбѣжно облита этой горечью.

Августинъ.

Не огорчайся, прошу тебя, когда ты долженъ радоваться, ибо чѣмъ бѣольшую сладость и удовольствіе нечестивый извлекаетъ изъ своихъ грѣховъ, тѣмъ болѣе несчастнымъ и жалкимъ должно его считать.

Францискъ.

Вѣроятно потому, что тотъ, кто въ samozабвеніи предается непрерывнымъ наслажденіямъ, никогда не вступитъ на путь добродѣтели, тотъ же, кого среди плотскихъ утѣхъ и щедротъ фортуны что-то угнетаетъ,—тотъ вспоминаетъ о своемъ положеніи каждый разъ, когда непостоянная и безразсудная веселость его покидаетъ. Если же обоихъ ждетъ одинаковый конецъ, то я не понимаю, почему не долженъ считаться болѣе счастливымъ тотъ, кто нынѣ радуется, хотя впослѣдствіи будетъ скорбѣть, нежели тотъ, кто и теперь не ощущаетъ, и въ дальнѣйшемъ не ждетъ радости, развѣ только тебя смущаетъ мысль, что смѣхъ подъ конецъ обращается въ горшую печаль.

Августинъ.

Важнѣе то, что при паденіи съ равной высоты тяжеле падаетъ тотъ, кто совсѣмъ отбросилъ узду разума (а въ наивысшемъ наслажденіи ее совершенно теряютъ), нежели тотъ, кто, хотя бы слабо, еще удерживаетъ ее; главнымъ же образомъ я имѣю въ виду сказанное тобою раньше: что на обращеніе одного можно надѣяться, на обращеніе другого—нельзя.

Францискъ.

Это на мой взглядъ вѣрно; но не забылъ ли ты между тѣмъ мой первый вопросъ?

Августинъ.

Какой?

Францискъ.

О томъ, что меня удерживаетъ? Я спрашивалъ, почему напряженное размышленіе о смерти, которое, по твоимъ словамъ, оказываетъ такое чудесное дѣйствіе, мнѣ одному не принесло пользы?

А в г у с т и н ѣ .

Во-первыхъ, потому, что ты разсматриваешь, можетъ быть, какъ отдаленное то, что частью по причинѣ чрезвычайной краткости жизни, частью въ виду обилія и разнообразія несчастныхъ случайностей не можетъ быть отдаленнымъ; ибо мы почти всѣ, какъ говоритъ Цицеронъ, дѣлаемъ ту ошибку, что видимъ свою смерть вдалекѣ (впрочемъ, нѣкоторые толкователи, или вѣрнѣе лжетолкователи, пытались измѣнить этотъ текстъ, ставя отрицаніе предъ глаголомъ и утверждая, что надо читать: „не видимъ свою смерть вдалекѣ“). Однако нѣтъ ни одного здравомыслящаго человѣка, который бы вовсе не имѣлъ въ виду смерти, а видѣть издали— по существу то же, что имѣтъ на виду. Одно это уже многихъ ввело въ заблужденіе насчетъ необходимости размышлять о смерти, такъ какъ всякій предполагаетъ дожить до того предѣла, котораго хотя и можно было бы достигнуть, но въ силу естественныхъ условій достигаютъ лишь очень немногіе. Почти къ каждому умирающему примѣнимы эти слова поэта:

Долгіе годы себѣ онъ сулилъ и сѣдинъ украшенье.

Вотъ что могло тебѣ вредить, потому что и твой возрастъ, и крѣпкое тѣлосложеніе, и умѣренный образъ жизни быть можетъ внушали тебѣ эту надежду.

Ф р а н ц и с к ѣ .

Пожалуйста, не подозрѣвай меня въ чемъ-либо подобномъ; да сохранить меня Господь отъ такого безумія.

Чудовищу я ли довѣрюсь?

какъ говоритъ у Вергилія тотъ знаменитый мореплаватель. И я, носимый по обширному, грозному, бурному морю, веду чрезъ бушующія волны наперекоръ вѣтрамъ мой утлый челнъ, весь въ щеляхъ и готовый разсѣсться. Я хорошо знаю, что онъ недолго останется цѣль, и вижу—мнѣ не осталось никакой надежды на

спасеніе, развѣ только всемогущій милосердецъ соизволить, да, напрягши силы, поверну кормило и причалю къ берегу прежде чѣмъ погибнуть, дабы, проведя жизнь на морѣ, я могъ умереть въ пристани. Этому убѣжденію я обязанъ тѣмъ, что никогда, насколько помню, не сгоралъ жаждою богатства и могущества, которая на нашихъ глазахъ сжигаетъ многихъ людей не только однихъ лѣтъ со мною, но и преклоннаго возраста, перешагнувшихъ среднюю мѣру жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что за безуміе проводить всю жизнь въ трудахъ и бѣдности, чтобы тотчасъ умереть среди столькихъ заботъ о накопленіи богатства! Итакъ, я размышляю объ этихъ страшныхъ вещахъ не какъ о предстоящихъ въ далекомъ будущемъ, а какъ о предстоящихъ вскорѣ, почти уже наступившихъ. Еще не изгладился изъ моей памяти стихъ, которымъ я еще въ ранней юности, написавъ другу обо многомъ, заключилъ письмо:

— А пока разглагольствуемъ такъ мы, —
 Можетъ быть, Смерть непримѣтной тропой ужъ подкралась
 къ порогу.

Если я могъ сказать это тогда, что же я долженъ сказать теперь, когда я старше и опытомъ, и годами? Все, что я вижу, что слышу, что чувствую, что мыслю, я привожу въ связь единственно съ этимъ, и если я не обманываю себя, думая такъ, то все еще остается въ силѣ мой вопросъ: что меня удерживаетъ?

А в г у с т и н ь .

Смиренно благодари Господа, который снисходитъ обуздывать тебя столь спасительными возжами и подстрекать столь острыми шипами, ибо врядъ ли возможно, чтобы человѣкъ, котораго такъ вплотную изо-дня въ день преслѣдуетъ мысль о смерти, сталъ добычею вѣчной смерти. Но такъ какъ ты чувствуешь, и не безъ основанія, что тебѣ чего-то недостаетъ, то я попытаюсь показать тебѣ, что это за недостатокъ, дабы, устранивъ его, если

Богъ поможетъ, ты могъ всецѣло предаться своему благому размышленію и свергнуть старое иго рабства, которое донинѣ гнететь тебя.

Францискъ.

Дай Богъ, чтобы это удалось тебѣ и чтобы я былъ признанъ достойнымъ такой милости.

Августинъ.

Будешь признанъ, если пожелаешь, ибо это вполне достижимо. Дѣло въ томъ, что въ человѣческихъ поступкахъ участвуютъ два начала, и если одно изъ нихъ отсутствуетъ, то это неминуемо препятствуетъ успѣху. Поэтому желаніе не только должно быть на лицо, но оно должно быть еще столь сильно, чтобы его по праву можно было назвать страстнымъ влеченіемъ.

Францискъ.

Такъ будетъ впредь.

Августинъ.

Знаешь ли, что вредитъ твоему размышленію?

Францискъ.

Объ этомъ-то я и прошу, это я такъ давно жажду узнать.

Августинъ.

Итакъ, слушай. Я не отрицаю, что твоя душа прекрасно устроена свыше, но, будь увѣренъ, что благодаря соприкосновенію съ тѣломъ, въ коемъ она заключена, она утратила значительную часть своего первоначальнаго благородства, и больше того,—оцѣпенѣла за столь долгій срокъ и какъ бы забыла и о своемъ происхожденіи, и о своемъ небесномъ творцѣ. Мнѣ кажется, что Вергилій превосходно изобразилъ какъ страсти, рождающіяся изъ общенія съ тѣломъ, такъ и забвеніе своей чистѣйшей природы, гдѣ онъ говоритъ:

Дышитъ мощь огневая, небесное теплится сѣмя
 Въ чадахъ земли; но связало ту мощь грѣховное тѣло,
 Перстная плоть притупила, разслабили смертные члены.
 Въ дѣшахъ отсюда желанье, и страхъ, и довольство, и мука:
 Сумракъ въ темницѣ слѣпой, и не брезжитъ ээирь свѣтоносный.

Узнаешь ли ты въ словахъ поэта то четырехглавое чудовище,
 которое такъ враждебно человѣческой природѣ?

Францискъ.

Узнаю какъ нельзя яснѣе четырехчленную страсть души; она
 состоитъ изъ двухъ частей, сообразно отношенію души къ на-
 стоящему и будущему, и каждая изъ этихъ частей въ свою оче-
 редь дѣлится на двѣ новыя, сообразно пониманію добра и зла;
 такъ, словно въ противоборствѣ четырехъ вѣтровъ, гибнетъ спо-
 койствіе человѣческаго духа.

Августинъ.

Твое наблюденіе вѣрно; на насъ оправдываются слова апо-
 стола: „тлѣнное тѣло отягощаетъ душу, и эта земная храмина
 подавляетъ многозаботливый умъ“. Ибо накаплиются безъ счета
 идеи и образы видимыхъ вещей, входятъ чрезъ плотскія чув-
 ства и, будучи впущены по-одиночкѣ, толпами тѣснятъ въ нѣд-
 рахъ души; они-то отягощаютъ и приводятъ въ замѣшательство
 душу, не созданную для этого и не способную вмѣстить такъ
 много уродства. Отсюда [эта чумная рать химеръ, которая раз-
 дираетъ и дробитъ ваши мысли и своимъ пагубнымъ разно-
 образіемъ заграждаетъ путь свѣтоноснымъ размышленіямъ, веду-
 щимъ къ единой высшей цѣли.

Францискъ.

Объ этой чумѣ ты не разъ превосходно говорилъ въ различ-
 ныхъ мѣстахъ, особенно въ сочиненіи объ Истинной вѣрѣ (кото-
 рой она, какъ извѣстно, главная помѣха). На эту книгу я не-

давно напалъ, отвлекшись отъ чтенія философовъ и поэтовъ, и прочиталъ ее съ увлеченіемъ, не иначе, какъ если кто, пустившись изъ любопытства въ странствіе за предѣлы своего отечества, вступаетъ въ какой-нибудь незнакомый ему знаменитый городъ и, восхищенный новой для него прелестью мѣста, останавливается всюду и осматриваетъ все, что попадаетъ на пути.

Августинъ.

Между тѣмъ ты можешь убѣдиться, что эта книга, хотя и въ другихъ выраженіяхъ (какъ подобало наставнику каѳолической истины), воспроизводитъ въ значительной мѣрѣ ученіе философовъ, преимущественно Платона и Сократа, и, чтобы ничего не скрыть отъ тебя, признаюсь, что начать эту книгу побудило меня въ особенности одно слово твоего Цицерона. Богъ поддержалъ мое начинаніе, и немногія сѣмена дали богатую жатву. Но вернемся къ нашему предмету.

Францискъ.

Охотно, досточтимый отецъ. Но раньше прошу объ одномъ: не скрой отъ меня того слова, которое, какъ ты говоришь, внушило тебѣ замысль столь прекраснаго произведенія.

Августинъ.

Цицеронъ, уже проникнутый ненавистью къ заблужденіямъ своего времени, говоритъ гдѣ-то: „Они ничего не умѣли видѣть душою и все сводили къ чувственному зрѣнію; но задача всякаго сильнаго духа—отвлекать мысль отъ чувственныхъ впечатлѣній и мышленіе—отъ привычки“. Такъ сказалъ онъ; я же, избравъ эти слова какъ бы фундаментомъ, построилъ на немъ то произведеніе, которое, по твоимъ словамъ, тебѣ нравится.

Францискъ.

Я знаю это мѣсто: оно въ Тускуланскихъ бесѣдахъ. Я замѣтилъ, что въ своихъ сочиненіяхъ, здѣсь и въ другихъ мѣстахъ,

ты охотно пользовался этимъ изреченіемъ Цицерона, и не безъ основанія, потому что оно принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ истина сочетается съ изяществомъ и возвышенностью. Но теперь, если тебѣ угодно, вернись наконецъ къ нашей темѣ.

Августинъ.

Именно эта чума вредила тебѣ, и если ты не остережешься, она очень скоро погубитъ тебя, ибо загроможденная своими химерами, подавленная многочисленными и разнообразными заботами, которыя непримиримо борются другъ съ другомъ, слабая душа не въ силахъ взвѣшивать, которую изъ нихъ она раньше всего должна удовлетворить, какую должна питать, какую удалить, и всей ея силы и всего времени, отмѣреннаго ей скупой рукою, не хватаетъ ей на столько хлопотъ. Подобно тому, какъ обыкновенно случается съ тѣми, кто много сѣетъ на тѣсномъ мѣстѣ, что ростки, давя одинъ на другой, мѣшаютъ другъ другу, такъ и въ твоей слишкомъ занятой душѣ корни не производятъ ничего полезнаго и не прозябаютъ ничего плодоноснаго, и ты беспомощно мечешься то сюда, то туда, въ странной нерѣшительности, и ничему не отдаешься вполнѣ, всей душою. Поэтому каждый разъ, когда духъ, способный при благопріятныхъ условіяхъ возстановить свое благородство, обращается къ тѣмъ мыслямъ о смерти и ко всему другому, что ведетъ къ жизни, и по врожденному влеченію углубляется въ самого себя,—онъ не въ силахъ удержаться тамъ: толпа разнообразныхъ заботъ тѣснитъ его и отбрасываетъ назадъ. Такъ по причинѣ чрезмѣрной подвижности гибнетъ столь благотѣльное намѣреніе и возникаетъ тотъ внутренній раздоръ, о которомъ мы уже много говорили, и то безпокойство гнѣвающейся на самое себя души, когда она съ отвращеніемъ смотритъ на свою грязь—и не смываетъ ея, видитъ свои кривые пути—и не покидаетъ ихъ, страшится грозящей опасности—и не ищетъ избѣгнуть ея.

Францискъ.

Горе мнѣ несчастному! теперь ты глубоко погрузилъ руку въ мою рану. Тамъ гнѣздится моя боль, оттуда грозитъ мнѣ смерть.

Августинъ.

Въ добрый часъ! оцѣпенѣніе покинуло тебя. Но такъ какъ наша нынѣшняя бесѣда уже достаточно длилась безъ перерыва, то отложимъ остальное, если позволишь, на завтра, а теперь немного отдохнемъ въ молчаніи.

Францискъ.

Покой и молчаніе будутъ очень кстати при моей усталости.

БЕСѢДА II.

Августинъ.

Достаточно-ли мы отдохали?

Францискъ.

Какъ тебѣ угодно.

Августинъ.

Каково теперь твое настроеніе? и велика ли твоя довѣренность? ибо упованіе больного—важный залогъ выздоровленія.

Францискъ.

На себя мнѣ нечего надѣяться; вся моя надежда—на Бога.

Августинъ.

Это разумно. Но теперь возвращаюсь къ дѣлу. Многое тебя осаждаетъ, многое оглушаетъ тебя, и ты самъ до сихъ поръ не знаешь, сколь многочисленны и сколь сильны окружающіе тебя враги.

Какъ человѣкъ, видящій густую рать вдали, обыкновенно по ошибкѣ презираетъ малочисленность враговъ, но по мѣрѣ того, какъ войско подходитъ ближе и наступающія когорты все раздѣльнѣе предстаютъ предъ его глазами, ослѣпляя его блескомъ своего оружія,—его страхъ растеть и онъ раскаивается въ томъ, что боялся меньше, чѣмъ должно было: такъ, думаю, случится и съ тобою, когда я соберу предъ твоими глазами бѣды, осаждающія и тѣснящія тебя со всѣхъ сторонъ; тебѣ будетъ стыдно, что ты меньше огорчался и боялся, чѣмъ слѣдовало, и ужъ не будетъ тебѣ казаться страннымъ, что твоя душа, такъ тѣсно обложенная, не могла прорваться чрезъ непріятельскіе ряды. Ты несомнѣнно увидишь, сколь многими противоположными помыслами была подавлена та благотворная мысль, до которой я стараюсь поднять тебя.

Францискъ.

Я трепещу въ ужасѣ, ибо если я всегда сознавалъ, что опасность моя велика, а по твоимъ словамъ она настолько превышаетъ мою оцѣнку, что въ сравненіи съ тѣмъ, чего мнѣ слѣдовало бояться, я почти совсѣмъ не боялся, то какая мнѣ остается надежда?

Августинъ.

Худшее изъ всѣхъ несчастій—отчаяніе, и кто предается отчаянію, предается ему всегда преждевременно; поэтому я хотѣлъ бы прежде всего внушить тебѣ, что отнюдь не слѣдуетъ отчаяваться.

Францискъ.

Я зналъ это, но страхъ отбилъ у меня память.

Августинъ.

Теперь обрати ко мнѣ взоръ и душу; говоря словами наиболѣе любезнаго тебѣ поэта,

Сколько народовъ сошлись,—взгляни! Какія твердыни,
Двери замкнувъ, на тебя и твоихъ изощраютъ желѣзо!

Смотри, какія западни ставитъ тебѣ міръ, сколько пустыхъ надеждъ тебя обуреваютъ, сколько терзаетъ тебя ненужныхъ заботъ. Начну съ того, что отъ первыхъ дней творенія ввергало въ гибель тѣ благороднѣйшія души; ты долженъ всячески заботиться, чтобы не впасть въ гибель по ихъ примѣру. Сколь многія вещи уносятъ твою душу на пагубныхъ крыльяхъ, и послѣ того, какъ она, подъ предлогомъ своего врожденнаго благородства, забудетъ о своей столько разъ доказанной опытомъ неустойчивости, теребятъ, наполняютъ и кружатъ ее, не позволяютъ ей думать ни о чемъ другомъ и внушаютъ ей надменную увѣренность въ своихъ силахъ и самодовольство, доходящее до ненависти къ Творцу. Но хотя бы эти вещи дѣйствительно были такъ значительны, какими ты ихъ воображаешь, онѣ должны были бы внушать тебѣ не гордость, а смиреніе, такъ какъ ты долженъ помнить, что эти рѣдкія блага достались тебѣ отнюдь не въ силу твоихъ заслугъ. Ибо что дѣлаетъ души подданныхъ болѣе покорными, не скажу вѣчному, но земному владыкѣ, какъ не зрѣлице его щедрости, вовсе не вызванной ихъ заслугами? Они стараются тогда добрыми дѣяніями оправдать милость, которую они должны были бы ранѣе заслужить. Но теперь тебѣ будетъ очень легко понять, какъ ничтожно все, чѣмъ ты гордишься. Ты полагаешься на свой талантъ, хвалишься начитанностью, восхищаешься своимъ краснорѣчіемъ и красотою своего смертнаго тѣла. Между тѣмъ развѣ ты не видишь, какъ часто твой талантъ измѣняетъ тебѣ во всевозможныхъ дѣлахъ, и какъ много есть отраслей искусства, въ которыхъ ты неспособенъ сравняться по мастерству съ самыми жалкими людьми? Больше того: ты найдешь презрѣнныхъ и ничтожныхъ животныхъ, чьимъ созданіямъ ты не въ силахъ подражать при всѣхъ усиліяхъ. Теперь попробуй, гордись своими дарованіями! А чтеніе твое—что было въ немъ

прока? Изъ того многого, что ты прочиталъ, многое-ли внѣдрилось въ твою душу, пустило корни, принесло зрѣлые плоды? Вглядись пристально въ свою душу—ты убѣдишься, что все, что ты знаешь, въ сравненіи съ тѣмъ, чего ты не знаешь, представляетъ такое же отношеніе, какъ ручеекъ, высыхающій отъ лѣтнаго зноя, по сравненію съ океаномъ. Да и много знать—на что годится, если, изучивъ круговращеніе неба и земли, и протяженіе моря, и бѣгъ свѣтилъ, и свойства травъ и камней, и тайны природы, вы остаетесь сами себѣ неизвѣстными; если, узнавъ съ помощью Писанія прямой путь на крутизну добродѣтели, вы даете безумію водить васъ вкривъ и вкось невѣрной дорогою; если, помня дѣянія всѣхъ славныхъ мужей, какіе жили когда-либо, вы не заботитесь о томъ, что сами дѣлаете ежедневно? А о краснорѣчїи что я могу сказать, какъ не то, въ чемъ ты самъ долженъ сознаться,—что въ своемъ расчетѣ на него ты не разъ бывалъ обмануть? И какая польза въ томъ, что слушатели, быть можетъ, одобряли твою рѣчь, если твоимъ же судомъ она осуждалась? ибо хотя рукоплесканія слушателей кажутся немаловажнымъ успѣхомъ краснорѣчїя, но если отсутствуетъ внутреннее одобреніе самого оратора,—много ли радости можетъ доставить этотъ площадной шумъ? какъ ты очаруешь своею рѣчью другихъ, ежели не очаруешь раньше самого себя? Для того-то, конечно, подчасъ тебѣ не удавалось стяжать краснорѣчіемъ ожидаемой славы, дабы ты на легкомъ примѣрѣ могъ видѣть, какими вздорными пустяками ты кичишься. Ибо, спрашиваю тебя, что можетъ быть ребячливѣе или даже безумнѣе, какъ въ полной безопасности обо всемъ другомъ и въ совершенной косности тратить время на изученіе словъ и, никогда не видя подслѣповатыми глазами собственной мерзости, такъ услаждаться своею рѣчью, подобно инымъ пѣвчимъ пташкамъ, которыя, говорятъ, до того упиваются сладостью собственнаго пѣнья, что умираютъ отъ этого? И, что должно еще болѣе заставить тебя краснѣть, не разъ случалось съ

тобою, что ты оказывался безсильнымъ изобразить словами тѣ изъ вещей обычныхъ и повседневныхъ, которыя казались тебѣ недостойными твоего краснорѣчія. А сколь многое въ природѣ не можетъ быть названо за отсутствіемъ собственнаго имени? сколь много сверхъ того вещей, которыя, хотя и имѣютъ каждая свое особенное названіе, но выразить ихъ цѣнность словами—это чувствуется раньше всякаго опыта—краснорѣчіе смертныхъ безсильно? Сколько разъ я слышалъ твои жалобы, сколько разъ видѣлъ тебя безмолвнымъ и негодующимъ потому, что и языкъ, и перо оказывались неспособными вполнѣ выразить то, что для мыслящаго ума было совершенно ясно и легко понятно? Итакъ, чего же стоитъ краснорѣчіе, разъ оно такъ скудно и хрупко, разъ оно и всего не объемлетъ, и объятаго не въ силахъ охватить цѣликомъ? Греки обыкновенно упрекаютъ васъ въ скудости словъ, вы въ свою очередь грековъ. Правда, Сенека считаетъ ихъ языкъ болѣе богатымъ, но Маркъ Туллій во введеніи къ своему сочиненію о предѣлахъ блага и зла говоритъ: „Не могу надивиться, откуда взялось это необычайное презрѣніе ко всему отечественному. Обсуждать это здѣсь неумѣстно, но такъ я думаю и такъ часто высказывалъ: латинскій языкъ не только не скуденъ, какъ обычно думаютъ, но даже богаче греческаго“. То же самое онъ говоритъ во многихъ другихъ мѣстахъ, а въ Тускуланскихъ бесѣдахъ восклицаетъ въ ходу разсужденія: „О, Греція, вѣчно считающая себя богатой словами, какъ ты бѣдна ими!“ И онъ сказалъ это съ полнымъ убѣжденіемъ, какъ человѣкъ, сознававшій себя первенствующимъ въ латинскомъ краснорѣчіи и державшій уже тогда оспаривать у Греціи славу въ этомъ дѣлѣ. Вспомнимъ также, что писалъ въ своихъ Декламацияхъ помянутый Сенека, страстный почитатель греческаго языка. „Все, говоритъ онъ, что римское краснорѣчіе можетъ противопоставить заносчивой Греціи или чѣмъ оно превосходитъ ее,—все расцвѣло вокругъ Цицерона“. Это высокая похвала, но безъ всякаго сомнѣнія вполнѣ

справедливая. Такимъ образомъ, какъ видишь, относительно первенства въ краснорѣчіи идетъ большой споръ не только между вами и греками, но даже между первѣйшими изъ нашихъ ученыхъ, и въ этомъ лагерѣ есть люди, которые стоятъ за нихъ, какъ въ томъ лагерѣ иные, можетъ быть, держать нашу сторону, что сообщаютъ напримѣръ о знаменитомъ философѣ Плутархѣ. Наконецъ, нашъ Сенека, хотя и преклоняется, какъ я сказала, предъ Цицерономъ, очарованный величіемъ его сладостной рѣчи, но въ остальномъ отдаетъ пальму первенства Греціи. Цицеронъ держится противоположнаго мнѣнія. Если же ты хочешь знать мое сужденіе объ этихъ вещахъ, то я признаю правыми обѣ стороны—и тѣхъ, кто считаетъ Грецію бѣдной словами, и тѣхъ, кто такую считаетъ Италію. Если такъ по праву говорить о двухъ столь знаменитыхъ странахъ,—на что же могутъ разсчитывать другія? Подумай, кромѣ того, какъ мало ты можешь въ этомъ дѣлѣ полагаться на свои силы, разъ ты знаешь, что вся страна, которой ты—лишь ничтожная часть, скудна рѣчью; и тогда тебѣ станетъ стыдно, что ты потратилъ столько времени на дѣло, въ которомъ полного успѣха и невозможно достигнуть, да если бы и было возможно, этотъ успѣхъ былъ бы совершенно безплоденъ. Но перехожу къ другимъ вещамъ. Ты гордишься добрыми качествами этого тѣла и не видишь опасностей, окружающихъ тебя. Но что тебѣ нравится въ твоёмъ тѣлѣ? Мощностъ его, или цвѣтущее здоровье? Но усталостъ, возникающая отъ ничтожныхъ причинъ, и приступы разнообразныхъ болѣзней, и укусъ крохотнаго червячка, и самый легкій сквозной вѣтеръ, и многое въ этомъ родѣ доказываютъ, что ничего нѣтъ болѣе хрупкаго. Или, можетъ быть, тебя обольщаетъ блескъ твоей красоты, и видя цвѣтъ своего лица или черты его, ты находишь основанія удивляться, восхищаться и радоваться? И не утратила тебя исторія Нарцисса, и видъ мерзости тѣлесной не научилъ тебя, какъ жалокъ ты внутри и, довольный благообразіемъ внѣшней оболочки,

ты не простираешь дальше свой умственный взоръ? Но и помимо другихъ доводовъ, которые неисчислимы,—уже тревожный бѣгъ твоей жизни, ежедневно что-нибудь уносящій, долженъ былъ бы яснѣе дня показать тебѣ, что и красота—тлѣнный и скоропребывающій цвѣтъ. А если бы ты почему-нибудь—чего ты не посмѣешь сказать—и считалъ себя обезпеченнымъ противъ старости, болѣзней и всего вообще, что искажаетъ красоту тѣла,—по крайней мѣрѣ, ты долженъ былъ не забывать того послѣдняго, которое разрушаетъ все до тла, и глубоко запечатлѣть въ своей душѣ слова сатирика:

Смерть единая учить,
Какъ ничтожны людскія тѣла.

Вотъ, если не ошибаюсь, тѣ вещи, которыя, питая твою гордыню, мѣшаютъ тебѣ сознавать униженность твоего положенія и помнить о смерти. Есть и другія причины, которыя я теперь же хочу изслѣдовать.

Францискъ.

Остановись на минуту, прошу тебя,—иначе, подавленный многочисленностью твоихъ обвиненій, я не смогу оправиться, чтобы дать отвѣтъ.

Августинъ.

Говори; я охотно подожду.

Францискъ.

Не въ малое удивленіе ты повергъ меня, поставивъ мнѣ въ упрекъ многое такое, что, я увѣренъ, никогда не проникало въ мой духъ. Я ли, по-твоему, полагался на свое дарованіе? Но, поистинѣ, единственный признакъ моего дарованія—тотъ, что я нисколько не довѣрялъ ему. Я ли кичусь книжной начитанностью давшей мнѣ такъ мало знаній и такъ много заботъ? Можно ли сказать, что я домогался ораторской славы, когда, какъ ты самъ упомянулъ, именно недостаточность слова для выраженія моихъ

мыслей возбуждаетъ во мнѣ сильнѣйшую досаду? Или ты задался цѣлью испытать меня? потому что ты знаешь, что я всегда сознавалъ свое ничтожество, и если подчасъ ставилъ себя во что-нибудь, то это случалось лишь тогда, когда я видѣлъ невѣжество другихъ, ибо, какъ я часто говорю, мы дошли до такого положенія, что, по извѣстному выраженію Цицерона, цѣнность человѣка опредѣляется у насъ скорѣе слабостью другихъ, нежели его собственной силою. Да если бы и выпали мнѣ на долю обильно тѣ качества, о которыхъ ты говоришь, чѣмъ же они такъ пышно украсили бы меня, чтобы я могъ возгордиться? я слишкомъ хорошо знаю себя и не такъ легкомысленъ, чтобы этотъ соблазнъ могъ волновать меня. Ибо сколь малую пользу принесли мнѣ и талантъ, и знанія, и краснорѣчіе, разъ они ничѣмъ не облегчили недуговъ, терзающихъ мою душу, на что, помнится, я обстоятельно жаловался въ одномъ письмѣ! А ужъ что ты какъ-будто серьезно говорилъ о моихъ тѣлесныхъ преимуществахъ, это едва не вызвало у меня смѣха. Я ли полагалъ свою надежду на это смертное и бренное жалкое тѣло, когда я изо дня въ день ощущаю его разрушеніе? Избави Богъ. Въ юности, признаюсь, я заботился о своей причeskѣ и объ украшеніи своего лица; но вмѣстѣ съ ранними годами эта забота исчезла, и теперь я по опыту знаю, что правъ императоръ Домиціанъ, который, говоря о самомъ себѣ въ письмѣ къ другу и жалуясь на чрезвычайную скоротечность тѣлесной красоты, писалъ: „Знай, что ничего нѣтъ пріятнѣе красоты и ничего кратковременнѣе.“

Августинъ.

Я могъ бы многое возразить на это, но предпочитаю, чтобы тебя пристыдила не моя рѣчь, а твоя совѣсть. Я не буду дѣйствовать упорно и пыткою исторгать у тебя слова, но подобно великодушнымъ мстителемъ удовольствуюсь простымъ соглашеніемъ, а именно попрошу тебя, чтобы ты впредь всѣми силами

устранялъ отъ себя то, чего, по твоимъ словамъ, ты избѣгалъ донинѣ; а если когда-нибудь красота лица начнетъ соблазнять твою душу,—подумай, какой видъ примутъ вскорѣ твои члены, которые теперь тебѣ нравятся, какъ гадки и отвратительны они будутъ, и сколь ужасными показались бы тебѣ самому, если бы ты могъ тогда ихъ видѣть! и часто повторяй себѣ извѣстныя слова философа: „Я рожденъ для высшаго назначенія, нежели быть рабомъ своего тѣла“. Ибо, по истинѣ, нѣтъ большаго безумія, какъ то, что люди, не радѣя о самихъ себѣ, холятъ члены обитаемаго ими тѣла. Если бы кто-нибудь былъ на краткое время свергнуть въ темную, сырую и зловонную темницу, не сталъ ли бы онъ, пока разсудокъ въ немъ цѣль, остерегаться, насколько возможно, всякаго соприкосновенія со стѣнами и поломъ и, ежеминутно готовый къ выходу, слѣдить чуткимъ ухомъ приближеніе своего освободителя? А если бы онъ оставилъ эти предосторожности и, весь обмазанный ужасной грязью темницы, со страхомъ думалъ бы о выходѣ; если бы онъ усердно и заботливо рисовывалъ и украшалъ окружающія его стѣны, тщетно стараясь преобразить естественный видъ мокрой отъ сырости кельи,—не должно ли бы, по справедливости, признать его безумнымъ и жалкимъ? Такъ и вы, несчастные, знаете и любите вашу темницу и прилѣпляетесь къ ней, хотя васъ скоро выведутъ или, вѣрнѣе, выволокутъ изъ нея, и силитесь изукрасить ее, тогда какъ вамъ слѣдовало бы ее ненавидѣть, какъ ты самъ въ твоей „Африкѣ“ вложилъ въ уста отцу великаго Сципіона эти слова:

Путы мы ненавидимъ, и внѣшнія цѣпи страшны намъ;
То же, что нынѣ мы,—любимъ: тягчайшія узы свободы.

Прекрасное изреченіе, только бы ты самъ сказалъ себѣ то, что заставляешь говорить другихъ. Не могу скрыть, что одно слово, которое ты, можетъ быть, считаешь самымъ скромнымъ во всей твоей рѣчи, мнѣ кажется наиболѣе дерзкимъ.

Францискъ.

Жалѣю, если сказалъ что-нибудь надменное, но если дѣянїямъ и рѣчамъ даетъ мѣру душа, беру мою во свидѣтельницы, что я не сказалъ ничего дерзкаго.

Августинъ.

Однако унижать другихъ—гораздо худшій видъ гордости, чѣмъ превозносить себя не по заслугамъ, и я охотно предпочелъ бы, чтобы ты прославлялъ остальныхъ, а себя ставилъ еще выше ихъ, нежели, чтобы, растоптавъ всѣхъ, ты съ неслыханной гордостью выковалъ изъ презрѣнїя къ другимъ щитъ для своей скромности.

Францискъ.

Прими это какъ желаешь, но я ни себѣ, ни другимъ не придаю большой цѣны. Мнѣ противно рассказывать, какое мнѣніе я имѣю о большинствѣ людей на основанїи опыта.

Августинъ.

Себя презирать—всего безопаснѣе, другихъ же—крайне опасно и къ тому же вполнѣ бесполезно. Но перейдемъ къ дальнѣйшему. Знаешь ли, что еще отвращаетъ тебя отъ цѣли?

Францискъ.

Скажи все что угодно, только въ одномъ не обвини меня: въ зависти.

Августинъ.

Я хотѣлъ бы, чтобы гордость вредила тебѣ не больше, чѣмъ зависть, потому что отъ этого порока ты, на мой взглядъ, свободенъ. Но я буду обвинять тебя въ другихъ.

Францискъ.

Отнынѣ ты не смутишь меня никакимъ обвиненїемъ. Скажи открыто, что заставляетъ меня блуждать вкривь и вкось?

А в г у с т и н ъ.

Жадное стремленіе къ земнымъ благамъ.

Ф р а н ц и с к ъ.

Заклинаю тебя, перестань. Большой нелѣпости я никогда не слыхаль.

А в г у с т и н ъ.

Ты сразу вышелъ изъ себя и забылъ собственное обѣщаніе. Вѣдь рѣчь идетъ уже совсѣмъ не о зависти.

Ф р а н ц и с к ъ.

Но объ алчности, а этотъ порокъ едва ли кому болѣе чуждъ, чѣмъ мнѣ.

А в г у с т и н ъ.

Ты много оправдываешься, но вѣрь мнѣ,—ты не такъ свободенъ отъ этой заразы, какъ тебѣ представляется.

Ф р а н ц и с к ъ.

Я-то не свободенъ отъ порока алчности?

А в г у с т и н ъ.

И даже отъ честолюбія.

Ф р а н ц и с к ъ.

Ну что жъ, тѣсни меня, нагромождай, исполняй твою должность обвинителя. Я жду, какую новую рану ты захочешь нанести мнѣ.

А в г у с т и н ъ.

Подлинное свидѣтельство истины ты называешь обвиненіемъ и раной? По истинѣ, правъ былъ сатирикъ, сказавъ:

Тотъ обвинителемъ станетъ, кто выскажетъ истину...

и не менѣе справедливы слова комика:

Угодливость родить пріязнь, а правда—злость.

Но скажи мнѣ пожалуйста: къ чему эти безпокойства и заботы,

гложущія твою душу? для чего понадобилось тебѣ въ предѣлахъ столь короткой жизни строить столь далекія надежды?

Жизни размѣренный срокъ

Насъ учить: безумень умысль дальній.

Ты постоянно читаешь это, но оставляешь безъ вниманія. Ты отвѣтишь вѣроятно, что тобою руководитъ въ этомъ дѣлѣ любовь къ друзьямъ, и постараешься дать красивое имя своему заблужденію. Но какое безуміе объявлять войну и ненависть себѣ самому изъ желанія быть кому-нибудь другомъ!

Францискъ.

Я не такъ черствъ и бездушенъ, чтобы чураться заботы о моихъ друзьяхъ, особенно о тѣхъ, къ кому я привязанъ ради ихъ добродѣтели или заслугъ; ибо предъ одними изъ моихъ друзей я преклоняюсь, другихъ уважаю, иныхъ люблю, иныхъ жалѣю; но, съ другой стороны, я и не столь великодушень, чтобы обречь себя на гибель ради друзей. Разумъ велитъ мнѣ, пока я живъ, имѣть кое-какой запасъ для дневного пропитанія; отсюда мое желаніе (такъ какъ ты мечешь въ меня Гораціевы копья, то пусть прикроетъ меня Гораціевъ щитъ):

Былъ бы лишь книгъ хорошій запасъ, да въ житницѣ хлѣба

На годъ,—не жить на авось, не висѣть межъ надеждой и страхомъ. И такъ какъ я хочу, говоря его же словами, обезпечить себѣ старость приличную и не чуждую Музамъ, и такъ какъ сильно боюсь превратностей сколько-нибудь долгой жизни, я заблаговременно принимаю мѣры противъ того и другого и мѣшаю съ поэтическими занятіями заботы о моихъ частныхъ дѣлахъ. Но я дѣлаю это спустя рукава, такъ что до очевидности ясно, что я лишь по нуждѣ унижаюсь до этихъ заботъ.

Августинъ.

Вижу, какъ глубоко внѣдрились въ твое сердце эти мысли, которыя должны служить оправданіемъ безумію. Но почему ты не запечатлѣлъ въ своей душѣ и этихъ словъ сатирика:

Что мнѣ богатства твои, такую накопины пыткой?
 Это ль еще не безумье, не явное мысли затмѣнье—
 Жить всю жизнь въ нищетѣ, умереть вожделья богатымъ?

Вѣроятно тебѣ кажется очень заманчивымъ умереть на ложѣ, покрытомъ пурпурными тканями, лежать въ мраморной гробницѣ и завѣщать твоимъ преемникамъ споръ о богатомъ наслѣдствѣ; вѣдь потому вы и жаждете богатства, что оно доставляетъ эти преимущества. Бесплодный и, вѣрь мнѣ, безумный трудъ! Разсмотри въ общемъ человѣческую природу, и ты увидишь, что она довольствуется малымъ, если же ты поразмыслишь о собственной, то едва ли рождался человѣкъ, который могъ бы удовлетворяться меньшимъ, когда бы только всеобщее заблужденіе не сбило тебя съ толку. Есть указаніе или на общественные нравы, или на характеръ самого говорящаго въ словахъ поэта:

Скудно питаетъ земля: съ деревьевъ плодъ каменный—
 Жолудь собираю, кизиль; вырываю травныя корни.

Ты же, напротивъ, долженъ признать, что ничего нѣтъ вкуснѣе и пріятнѣе такой пищи, пока ты живешь сообразно своимъ убѣжденіямъ, а не законамъ безумствующей толпы. Итакъ, зачѣмъ ты мучаешь себя? Если ты будешь мѣрять по своей натурѣ, то ты уже давно богатъ, а стать богатымъ по оцѣнкѣ толпы ты никогда не сможешь; чего-нибудь всегда будетъ не хватать, и погоня за недостающимъ будетъ вовлекать тебя въ бездны страстей. Помнишь ли, какъ ты нѣкогда наслаждался своей бродячей жизнью въ отдаленной усадьбѣ? То, прилегши на мураву луговъ, ты внималъ ворчливому журчанью потока; то, сидя на открытомъ холмѣ, измѣрялъ свободнымъ взглядомъ простертую предъ тобою равнину; то въ тѣни среди палимой солнцемъ долины одолѣвалъ тебя сладкій сонъ, и ты наслаждался желанной тишиною; и никогда не былъ празденъ твой умъ, но всегда занятъ какою-нибудь высокой мыслью, и сопутствуемый однѣми Музами, ты никогда не былъ одинъ; наконецъ, когда съ заходомъ солнца ты возвращался въ

свое тѣсное жилище, довольный своимъ достояніемъ, подобно тому старцу, о которомъ Вергилій говоритъ:

Былъ онъ въ душѣ богаче царей, какъ вечеромъ, поздно
Въ домъ возвращаясь, столы отягчалъ некупленнымъ яствомъ;

развѣ тогда ты не считалъ себя безъ сравненія самымъ богатымъ и самымъ счастливымъ изъ смертныхъ?

Францискъ.

Увы, теперь я увѣренъ въ этомъ и, вспоминая то время, вздыхаю.

Августинъ.

О чемъ ты вздыхаешь и кто безумный ввергъ тебя въ эту скорбь? Виною твой собственный духъ, ибо ему стало стыдно подчиняться такъ долго законамъ своей природы и онъ полагаетъ, что не разбилъ оковъ своего рабства; онъ-то увлекаетъ тебя неистово, и если ты не затянешь узды, ввергнетъ тебя въ смертную гибель. Лишь только тебѣ начали пріѣдаться плоды твоихъ деревьевъ, лишь только ты сталъ гнушаться простой одеждой и обществомъ сельскихъ жителей, ненасытная алчность снова бросила тебя въ шумный водоворотъ городовъ. Какъ привольно, какъ спокойно ты живешь здѣсь, это видно по твоему лицу и твоимъ рѣчамъ. И точно, какихъ страданій ты не видѣлъ здѣсь? но, упорно пренебрегая печальнымъ опытомъ, ты все еще колеблешься, вѣроятно потому, что ты опутанъ сѣтями грѣховъ, и потому что Господу угодно, чтобы ты тамъ же по собственной волѣ промоталъ свою жалкую старость, гдѣ подъ чужой ферулой протекло твое дѣтство. Я былъ съ тобою, когда еще отрокомъ ты не зналъ никакой алчности, никакого честолюбія, и подавалъ надежду стать великимъ человѣкомъ. Съ тѣхъ поръ твой нравъ перемѣнился, несчастный! И теперь, чѣмъ болѣе ты приближаешься къ исходу, тѣмъ усерднѣе ты копишь остальные деньги на дорогу. Чѣмъ же это кончится? очевидно тѣмъ, что смертный часъ, который, мо-

жетъ быть, уже близокъ для тебя и навѣрное не можетъ быть далеко, застанетъ тебя, полуживого, но все еще снѣдаемаго жаждою золота, склонившимся надъ счетной книгою, ибо то, что возрастаетъ съ каждымъ днемъ, неизбѣжно должно въ послѣдній день достигнуть наивысшей степени и превзойти мѣру дозволеннаго.

Францискъ.

Что же преступнаго въ томъ, что, предвидя бѣдную старость, я заранѣе собираю запасъ на усталые годы?

Августинъ.

Какая смѣшная заботливость и какое безумное нерадѣніе—съ тревогой заранѣе думать о возрастѣ, котораго ты, можетъ быть, вовсе не достигнешь или въ которомъ проживешь лишь самое краткое время, и забывать о томъ часѣ, который неизбѣжно наступитъ, и наступитъ невозвратно! Но таковъ вашъ мерзкій обычай: печетесь о преходящемъ, а вѣчнымъ пренебрегаете. Что же касается того, что ты стараешься оправдать твое заблужденіе страхомъ бѣдности на склонѣ лѣтъ, то это внушилъ тебѣ, я думаю стихъ Вергилія:

И муравей хлопотливый, боящійся старости нищей;
его-то ты взялъ себѣ въ образецъ, что и простительно въ виду словъ сатирика:

И хлада, и глада,

Какъ муравей, ихъ учитель запасливый, трусятъ заранѣ.

Но если ты не всецѣло предался муравьиной наукѣ, ты можешь понять, что нѣтъ ничего болѣе жалкаго и безразсуднаго, какъ всю жизнь терпѣть бѣдность, чтобы не терпѣть ее когда-нибудь послѣ.

Францискъ.

Что же? Ты предлагаешь мнѣ бѣдность? Я вовсе не желаю ея, но сумѣлъ бы ее переносить, если бы превратность человѣческой судьбы принудила меня къ этому.

Августинъ.

Думаю, что во всякомъ положеніи слѣдуетъ избирать средній путь. Поэтому я не приглашаю тебя слѣдовать примѣру тѣхъ, кто говоритъ: „для поддержанія человѣческой жизни достаточно хлѣба и воды; съ ними человѣкъ не бѣденъ; кто ими удовлетворяетъ свои желанія, тотъ счастьемъ равенъ Юпитеру“. Я не ограничу средній уровень человѣческихъ потребностей рѣчной водою и дарами Цереры; эти пышныя изреченія оскорбляютъ человѣческой слухъ и издавна нестерпимы. Нѣтъ, снисходя къ твоей немощи, я учу тебя не изнурять, а лишь обуздывать свое естество. Твоего имущества достало бы на твои неотложныя потребности, если бы ты самъ довлѣлъ себѣ; а теперь ты самъ виною той нужды, которую ты терпишь. Ибо съ умноженіемъ богатства умножаются потребности и заботы; эта истина уже столько разъ высказывалась, что не нуждается въ дальнѣйшихъ доказательствахъ. Какое странное заблужденіе и какая печальная слѣпота, что человѣческой духъ, вопреки своей прекрасной природѣ и своему небесному происхожденію, пренебрегая небеснымъ, жаждетъ земныхъ металловъ! Прошу тебя, подумай объ этомъ серьезно и напряги твой умственный взоръ, дабы не застилъ ему истины блескъ золота, сверкающій кругомъ. Каждый разъ, когда, влекомый крючьями любостыжанія, ты спускаешься отъ своихъ высокихъ заботъ къ этимъ низменнымъ, развѣ ты не чувствуешь, что ты сброшенъ съ неба на землю и низвергнутъ съ далекихъ звѣздъ въ глубочайшую пропасть?

Францискъ.

Разумѣется, чувствую, и невозможно сказать, какъ больно я ушибаюсь падая.

Августинъ.

Почему же многократный опытъ не устрашаетъ тебя и, поднявшись на высоты, ты не утверждаешь тамъ прочнѣе своей стопы?

Францискъ.

Я силюсь всячески, но такъ какъ законъ человѣческой природы противоборствуетъ моимъ усиліямъ, то я невольно срываюсь. Мнѣ думается, не безъ основанія древніе поэты посвятили двойную вершину Парнаса двумъ богамъ, но затѣмъ, чтобы молиться Аполлону, котораго они называли богомъ духа, о подачѣ внутренней, душевной крѣпости, Вакху же—объ удовлетвореніи ихъ внѣшнихъ потребностей. Эту мысль внушили мнѣ не только уроки моего личнаго опыта, но и многочисленныя свидѣтельства самыхъ ученыхъ людей, перечисленіемъ которыхъ нѣтъ нужды докучать тебѣ. Поэтому, хотя вѣра въ цѣлую толпу боговъ и смѣшна, но это мнѣніе поэтовъ не вовсе неразумно, и примѣняя его къ единому Богу, отъ котораго исходитъ всякая благопотребная помощь, я едва ли уклоняюсь отъ здраваго смысла. Или ты думаешь иначе?

Августинъ.

Не отрицаю, что ты правъ, но мнѣ досадно видѣть, какъ неровно ты дѣлишь свое время. Когда-то ты цѣликомъ посвящаль свою жизнь достойнымъ трудамъ, и если по нуждѣ тебѣ приходилось тратить сколько-нибудь времени на другія заботы, ты называль это время потеряннымъ; а теперь ты удѣляешь прекрасному лишь тотъ досугъ, какой оставляютъ тебѣ заботы любостыжанія. Кто пожелаль бы достигнуть зрѣлаго возраста, разъ онъ такъ мѣняеть стремленія людей? Но гдѣ конецъ и гдѣ мѣра? Назначь себѣ предѣль, и когда достигнешь его, остановись и отдохни наконецъ. Ты знаешь, что эти слова, исходящія отъ чловѣка, содержатъ въ себѣ вѣщую мудрость:

Жадный бѣдень всегда. Знай цѣль и предѣль вожделья.

Какова же конечная цѣль твоихъ вождельній?

Францискъ.

Не терпѣть нужды и не имѣть излишка, не командовать другими и не быть въ подчиненіи,—вотъ моя цѣль.

Августинъ.

Для того, чтобы ни въ чемъ не нуждаться, ты долженъ былъ бы стряхнуть съ себя человѣческое естество и стать Богомъ. Развѣ ты не знаешь, что изъ всѣхъ живыхъ существъ чловѣкъ имѣетъ наиболѣе нужды?

Францискъ.

Я очень часто слышалъ это, но хотѣлъ бы возобновить въ своей памяти.

Августинъ.

Взгляни на него, какъ онъ, нагъ и безобразенъ, съ крикомъ и плачемъ рождается, какъ нѣсколько капель молока успокаиваютъ его, какъ онъ дрожить и ползаетъ и не можетъ обойтись безъ чужой помощи, какъ нѣмья животныя питаютъ и одѣваютъ его; какъ онъ хрупокъ тѣломъ и душой неспокоенъ, осаждаемъ всевозможными болѣзнями и подверженъ безчисленнымъ страстямъ, какъ онъ нерѣшителенъ, какъ обуреваемъ то радостью, то печалью, какъ немощенъ волею и неспособенъ обуздывать свои вожделѣнія, какъ не вѣдаетъ, что и въ какомъ объемѣ ему полезно, гдѣ мѣра въ пищѣ и питьѣ? Тѣлесную пищу, которая для остальныхъ живыхъ существъ лежитъ открыто, онъ принужденъ добывать тяжкимъ трудомъ; отъ сна онъ тяжелѣетъ, отъ ѣды его пучить, напитки дѣлаютъ его несдержаннымъ, бдѣніе ослабляетъ его, голодъ истощаетъ, жажда сушитъ; онъ и жаденъ, и робокъ что имѣетъ, на то глядитъ съ отвращеніемъ, а потерявъ оплакиваетъ, озабоченъ сразу и настоящимъ, и прошедшимъ, и будущимъ, полнъ гордыни въ униженіи своемъ, хотя знаетъ свою бренность; онъ болѣе жалокъ, чѣмъ ничтожнѣйшій червь; вѣкъ

его кратокъ, жизнь ненадежна, удѣлъ неизбеженъ, и смерть грозитъ ему въ тысячѣ формъ.

Францискъ.

Ты нагромоздилъ безчисленныя бѣды и лишенія, такъ что чело-
вѣку почти приходится жалѣть, что онъ родился челоувѣкомъ.

Августинъ.

И вотъ, несмотря на такую немощность и бѣдность челоувѣка,
ты мечтаешь пріобрѣсти богатство и могущество, какихъ не до-
стигалъ еще ни одинъ кесарь, ни одинъ король.

Францискъ.

Кто употребилъ эти слова? кто говорилъ о богатствѣ и могу-
ществѣ?

Августинъ.

Но есть ли большее богатство, какъ не нуждаться ни въ чемъ?
есть ли большее могущество, какъ не быть никому подчинен-
нымъ? Ибо короли и владыки земли, которыхъ можно считать
богаче всѣхъ, конечно терпятъ нужду въ безчисленныхъ вещахъ;
даже полководцы находятся въ зависимости отъ тѣхъ, надъ ко-
торыми они съ виду начальствуютъ: когда окружать ихъ воору-
женные легіоны,—они, внушающіе этими легіонами страхъ, въ
свою очередь не могутъ не бояться ихъ сами. Поэтому перестань
надѣяться на невозможное и, довольствуясь челоувѣческой долей,
учись и жить въ изобиліи, и нуждаться, и начальствовать, и под-
чиняться; и не мечтай такимъ способомъ, пока ты живъ, сверг-
нуть иго судьбы, которое давить и шею королей, и знай, что
ты лишь тогда избавишься отъ него, когда, подавивъ въ себѣ
челоувѣческія страсти, ты всецѣло отдашь во власть добродѣ-
тели. Тогда-то, свободный, не подчиненный никому изъ людей и
ни въ чемъ не нуждаясь, ты наконецъ будешь—истинно-могучій,
совершенно счастливый король.

Францискъ.

Я уже раскаиваюсь въ своемъ рѣшеніи и хочу ничего не хотѣть; но дурная привычка владѣеть мною, и я вѣчно чувствую какую-то неудовлетворенность въ сердцѣ.

Августинъ.

Именно это—я возвращаюсь къ предмету нашей бесѣды—именно это отвлекаетъ тебя отъ размышленія о смерти. Пока тебя одолѣваютъ земныя заботы, ты не поднимаешь глазъ къ вѣчному. Если ты сколько-нибудь вѣришь мнѣ, ты сбросишь съ себя эти заботы, которыя тяготѣютъ надъ душою какъ смертоносное бремя; и тебѣ будетъ нетрудно свергнуть ихъ, лишь бы только ты сообразовался со своей натурою и предоставилъ ей, а не безумству толпы, вести и направлять тебя.

Францискъ.

Я готовъ, да будетъ такъ. Но мнѣ уже давно хочется слышать, что ты началъ говорить о честолюбіи.

Августинъ.

Зачѣмъ ты спрашиваешь меня о томъ, что ты самъ можешь себѣ уяснить? Изслѣдуй свое сердце, и ты увидишь, что среди другихъ твоихъ пороковъ честолюбіе занимаетъ не самое малое мѣсто.

Францискъ.

Значить, тщетно я по мѣрѣ возможности избѣгалъ городовъ, презиралъ толпу и общественныя дѣла, уединялся въ лѣсахъ, скрывался въ безмолвыи полей, обнаруживалъ отвращеніе къ суетнымъ почестямъ: меня все еще обвиняютъ въ честолюбіи!

Августинъ.

Вы, смертные, отъ многого отказываетесь не потому, что презираете вещь, а потому, что теряете надежду достигнуть желае-

маго; ибо надежда и желаніе взаимно подстрекають другъ друга, такъ что когда одно холодѣеть, то и другое стынетъ, и когда одно разгорается, то закипаетъ другое.

Францискъ.

Что же, скажи, мѣшаетъ мнѣ надѣяться? развѣ я до такой степени лишень способности къ искусствамъ?

Августинъ.

Я ничего не говорю о способности къ искусствамъ, но конечно тебѣ недостаетъ тѣхъ дарованій, при помощи которыхъ теперь главнымъ образомъ достигаютъ высокыхъ степеней, — умѣнья лестью втираться къ сильнымъ міра сего, искусства обманывать, обѣщать, лгать, притворяться и скрывать, переносить всяческія обиды и поношенія. Лишенный этихъ и подобныхъ имъ дарованій и зная, что тебѣ не удастся преодолѣть твою натуру, ты перешелъ къ другимъ занятіямъ; и въ этомъ ты поступилъ предусмотрительно и разумно, ибо, какъ говоритъ Цицеронъ, противиться природѣ—развѣ не то же, что по примѣру гигантовъ бороться съ богами?

Францискъ.

Прочь высокія почести, если онѣ достигаются этими средствами!

Августинъ.

Хорошо сказано; но ты еще не вполне доказалъ мнѣ свою невинность, такъ какъ ты не въ правѣ утверждать, что не желалъ почестей, хотя тебя и пугаетъ тягость ихъ добыванія, подобно тому, какъ о человѣкѣ, который, убоявшись трудностей пути, вернулся съ полдороги, нельзя сказать, что онъ призналъ неинтереснымъ видѣть Римъ. Къ тому же ты и не вернулся вспять, какъ ты увѣрилъ себя и силишься меня увѣрить. Не прикрывайся пальцемъ, какъ принято говорить; всѣ твои мысли и всѣ дѣла открыты предо мною, и твоя похвальба насчетъ бѣг-

ства изъ городовъ и нѣжной любви къ лѣсамъ—не оправданіе, а только перелицовка твоей вины. Ибо многіе пути ведутъ къ одной и той же цѣли, и вѣрь мнѣ,—хотя ты и покинулъ торную дорогу, протоптанную толпою, но ты стремишься по околной тропинкѣ къ той же честолюбивой цѣли, которую ты, по твоимъ словамъ, презрѣлъ и къ которой ведутъ тебя и твоя покойная жизнь, и уединеніе, и равнодушіе къ столь многимъ чловѣческимъ дѣламъ, и эти самые твои труды, до сихъ поръ неизмѣнно вѣнчающіеся славой.

Францискъ.

Ты хочешь прижать меня къ стѣнѣ; правда, я могъ бы вернуться, но такъ какъ времени мало и его приходится дѣлить на многое, то, если можно, перейдемъ къ дальнѣйшему.

Августинъ.

Въ такомъ случаѣ слѣдуй за вожатымъ. О чревоугодіи у насъ вовсе не будетъ рѣчи, такъ какъ ты нисколько не склоненъ къ нему, развѣ только подчасъ выбьетъ тебя изъ колени пріятная пирушка въ кругу друзей, враждебная умѣренности. Но съ этой стороны я не предвижу опасности, ибо лишь только, вырвавшись изъ городовъ, ты вернешься въ привычную сельскую жизнь, всѣ соблазны подобныхъ наслажденій тотчасъ исчезнутъ, а вдали отъ нихъ, какъ я замѣтилъ, ты живешь, признаюсь, такъ, что я радуюсь твоей воздержанности и умѣренности, въ которой не могутъ сравниться съ тобою ни твои личные, ни наши общіе друзья. Умолчу также о гнѣвѣ, ибо хотя ты часто распался имъ болѣе, чѣмъ должно, но, благодаря твоей врожденной добротѣ и мягкости, ты обыкновенно тотчасъ смиряешь свое возбужденіе, помня совѣтъ Горация:

Гнѣвъ—безумье на часъ. Обуздывай нравъ. Не владейшь
Имъ—овладѣлъ онъ тобой. Полони жъ, истоми его въ узахъ.

Францискъ.

Признаюсь, эти слова поэта и многіе подобныя совѣты философовъ принесли мнѣ нѣкоторую пользу, но болѣе всего помогала мнѣ мысль о томъ, что жизнь коротка, ибо какое изступленіе—тратить на ненависть къ людямъ и на ихъ пагубу тѣ многіе дни, какіе мы проводимъ среди нихъ! Внезапно наступитъ послѣдній день,—онъ погаситъ это пламя въ людскихъ сердцахъ, положить конецъ ненависти и, если мы не желаемъ нашему недругу ничего худшаго, чѣмъ смерть, исполнить наше злое пожеланіе. Какой же смыслъ толкать къ гибели себя и другихъ? зачѣмъ терять лучшую часть столь краткаго времени? Когда даже при самой бережливой тратѣ намъ едва хватаетъ отмѣренныхъ дней на пристойныя радости настоящаго и на размышленія о будущей жизни, зачѣмъ же отнимать ихъ отъ дѣлъ нужныхъ и естественныхъ и употреблять на горе и гибель себѣ и другимъ? И такъ полезно было мнѣ это размышленіе, что, получивъ толчокъ, я не совсѣмъ падалъ, а если и падалъ, тотчасъ вставалъ на ноги. Однако доннѣ никакое усиліе не могло привести къ тому, чтобы я вовсе не былъ волнуемъ бурными дуновеніями гнѣва.

Августинъ.

Но такъ какъ я нисколько не боюсь, что эти бурныя дуновенія причинятъ кораблекрушеніе тебѣ или кому-либо иному, то я охотно соглашаюсь, чтобы ты въ этомъ дѣлѣ довольствовался послабленіями перипатетиковъ, разъ тебѣ не по силамъ принципы стоиковъ, обѣщающихъ съ корнемъ вырвать всѣ болѣзни души. И такъ, оставляя пока въ сторонѣ этотъ предметъ, я спѣшу перейти къ вещамъ болѣе опаснымъ, требующимъ отъ тебя гораздо большей предусмотрительности.

Францискъ.

Милостивый Богъ! что же остается еще болѣе опаснаго?

А в г у с т и н ь .

Какъ пламенѣешь ты жаромъ сладострастія!

Ф р а н ц и с к ь .

Порою такъ сильно, что горько жалѣю, зачѣмъ я не родился безчувственнымъ. Я предпочелъ бы быть неподвижнымъ камнемъ, нежели игралищемъ многочисленныхъ влеченій моего тѣла.

А в г у с т и н ь .

Итакъ, ты знаешь, что, пожалуй, болѣе всего отвлекаетъ тебя отъ размышленій о божественномъ. Ибо что другое предписываетъ намъ небесное ученіе Платона, какъ не удалять душу отъ плотскихъ похотей и подавлять фантастическія грезы, дабы она чистою и свободною поднималась къ созерцанію божественныхъ тайнъ, съ которымъ нераздѣльно связано размышленіе о собственной бренности. Ты знаешь, о чемъ я говорю; эти вещи близко знакомы тебѣ по книгамъ Платона, которыя, по твоему недавнему признанію, ты жадно изучалъ.

Ф р а н ц и с к ь .

Я изучалъ ихъ, признаюсь, съ горячей надеждой и большимъ рвеніемъ, но новизна чужеземнаго языка и внезапный отъѣздъ наставника принудили меня оставить мое намѣреніе. Однако упомянутое тобою ученіе мнѣ хорошо знакомо какъ по твоимъ сочиненіямъ, такъ и по сообщеніямъ другихъ Платониковъ.

А в г у с т и н ь .

Не важно, отъ кого ты узналъ эту истину, хотя авторитетъ учителя часто много значить.

Ф р а н ц и с к ь .

Особенно для меня—авторитетъ того, о комъ глубоко запали мнѣ въ душу слова, сказанныя Цицерономъ въ Тускуланскихъ

бесѣдахъ: если бы, говоритъ онъ, Платонъ и никакого не приводилъ довода,—я такъ высоко цѣню его, что онъ убѣдилъ бы меня однимъ своимъ авторитетомъ. Мнѣ же—а я часто размышляю о его божественномъ геніи,—показалось бы несправедливымъ, если бы Платону вмѣнили въ обязанность представлять доводы, тогда какъ Пифагорейцы именуютъ своимъ вождемъ Аналогиста. Но, чтобы не отвлекаться долѣе отъ предмета,—и его авторитетъ, и собственный разумъ, и опытъ издавна до такой степени освоили меня съ этой мыслью Платона, что я не сомнѣваюсь: ничего не можетъ быть сказано ни болѣе вѣрнаго, ни болѣе благочестиваго. Ибо по временамъ, когда Господь подавалъ мнѣ руку, я поднимался настолько, что постигалъ съ какою-то необычайной и безмѣрной радостью, что мнѣ въ тѣ минуты было на пользу и что раньше—во вредъ; и нынѣ, когда я собственной тяжестью низринуть въ прежнее униженіе, я съ великой горечью чувствую, что меня сызнова погубило. Говорю это затѣмъ, чтобы ты не удивлялся моимъ словамъ, что я на опытѣ провѣрилъ это положеніе Платона.

Августинъ.

Я и не удивляюсь, ибо я былъ свидѣтелемъ твоихъ усилій, видѣлъ тебя и падающимъ, и встающимъ, и теперь, когда ты поверженъ, хочу изъ жалости помочь тебѣ.

Францискъ.

Благодарю тебя за столь жалостливое чувство; но чего еще я могу ждать отъ человѣческой помощи?

Августинъ.

Отъ человѣческой—ничего, но отъ божественной—очень много. Воздержнымъ можетъ быть лишь тотъ, кого Богъ сподобить; слѣдовательно, отъ него надо домогаться этой милости,

притомъ въ особенности со смиреніемъ и часто со слезами. Онъ обыкновенно не отказываетъ въ томъ, чего у него просятъ пристойно.

Францискъ.

Я дѣлалъ это такъ часто, что почти боюсь стать ему въ тягость.

Августинъ.

Но ты просилъ безъ достаточнаго смиренія и безъ должной вдумчивости; ты всегда оставлялъ про запасъ мѣстечко для будущихъ страстей, всегда предуказывалъ своимъ молитвамъ отдаленный срокъ. Говорю это на основаніи опыта, ибо такъ бывало и со мною; я говорилъ: дай мнѣ цѣломудріе, но не сейчасъ; пожди немного, скоро наступитъ время; еще моя жизнь въ цвѣтущемъ возрастѣ, пусть она идетъ своими путями, повинется своимъ законамъ, ибо больше срама будетъ, если она вернется къ этимъ юношескимъ влеченіямъ; поэтому лучше я откажусь отъ этого, когда съ годами сдѣлаюсь менѣе способнымъ на это, и когда, пресытившись наслажденіями, я буду обезпеченъ противъ возврата похоти. Развѣ ты не понимаешь, что, говоря такъ, ты просишь одного, а желаешь другого?

Францискъ.

Какимъ образомъ?

Августинъ.

Потому что просить для будущаго значитъ пренебрегать въ настоящемъ.

Францискъ.

Я часто со слезами просилъ для настоящаго, въ двойной надеждѣ, что, порвавъ съѣти плотскихъ страстей и поправъ мерзость жизни, я останусь невредимъ и, обуреваемый столь многими ненужными заботами, какъ бы вплавъ доберусь до какой-нибудь спасительной гавани. Но ты знаешь, сколько разъ я затѣмъ терпѣлъ

кораблекрушеніе у тѣхъ же скаль и сколько разъ еще буду терпѣть, если буду предоставленъ собственнымъ силамъ.

Августинъ.

Вѣрь мнѣ, твоимъ молитвамъ всегда чего-то недоставало, иначе верховный даятель либо исполнилъ бы твою просьбу, либо отказалъ бы тебѣ, какъ отказалъ апостолу Павлу, съ цѣлью усовершенствовать тебя въ добродѣтели и изблечить твою слабость.

Францискъ.

Вѣрю, что такъ, и все же буду молиться усердно и неустанно, не краснѣя и не отчаяваясь;—можетъ быть Всемогущій сжалится надъ моими муками, склонить слухъ къ моимъ ежедневнымъ мольбамъ и самъ оправдаетъ ихъ, какъ онъ не отказалъ бы имъ въ своей милости, будь онѣ праведны.

Августинъ.

Однако старайся самъ совершенствоваться, и подобно тому, кто поверженъ на-земь, озираи, приподнявшись на локтѣ, грозящія тебѣ кругомъ бѣды, дабы какая-нибудь тяжесть, внезапно упавъ, не раздробила твоихъ распростертыхъ членовъ; и тѣмъ временемъ неослабно моли того, въ чьей власти послать тебѣ помощь: можетъ быть онъ подоспѣетъ какъ-разъ тогда, когда ты будешь думать, что онъ далеко. Одно помни всегда—то глубокое-вѣрное изреченіе Платона, о которомъ у насъ была рѣчь: что познанію Божества ничто не противодѣйствуетъ больше, нежели плотскія влеченія и воспаленная похоть. Итакъ, постоянно тверди себѣ эту истину; въ ней сущность нашего рѣшенія.

Францискъ.

Дабы ты видѣлъ, какъ сильно я возлюбилъ эту истину, скажу тебѣ, что я ласкалъ ее не только въ ея домѣ, гдѣ она всегда

пребываетъ, но жадно ловилъ ее также въ чужихъ лѣсахъ, когда она скрывалась тамъ; я запомнилъ и мѣсто, гдѣ она предстала моимъ очамъ.

Августинъ.

Я жду—что ты хочешь сказать?

Францискъ.

Ты знаешь, чрезъ какія опасности провелъ Вергилій своего неустрашимаго героя въ ту послѣднюю страшную ночь, когда пала Троя.

Августинъ.

Знаю, конечно; это извѣстно каждому школьнику. Онъ заста-
вляеть самого героя рассказывать его приключенія.

Кто той ночи расскажетъ побоище? Кто перечислитъ
Падшихъ? Кто плачемъ достойнымъ труды страстные оплачетъ?
Древнїй рушится градъ, искони великодержавный.
Усланы стогна тѣлами мужей бездыханныхъ; и труповъ
Полны дома; и пороги святилищъ завалены мертвыхъ
Грудами. Но не одни истекають кровію Тевкры:
Вдругъ побѣжденныхъ сердца обуюеть прежняя доблесть,—
Гибнуть Даная отъ нихъ, побѣдители. Пагуба всюду,
Ужась, жестокая скорбь, и въ безчисленныхъ ликахъ—одна Смѣръ.

Францискъ.

И вотъ, пока онъ бродилъ въ сопровожденіи Венеры среди враговъ и пожара, онъ, хотя и съ открытыми глазами, не могъ видѣть гнѣва оскорбленныхъ боговъ и, слушая ее, понималъ лишь земное; но едва она удалилась,—ты знаешь, что случилось,—какъ онъ тотчасъ увидалъ разгнѣванныя лица боговъ и понялъ всѣ грозившія ему опасности:

Грозные лики очамъ предстоятъ и враждебные Троѣ
Призраки гнѣвныхъ божествъ,

Отсюда я заключилъ, что общеніе съ Венерой лишаетъ насъ возможности созерцать Божество.

А в г у с т и н ъ.

Ты прекрасно разглядѣлъ солнце за облаками. Такъ: есть истина въ вымыслахъ поэтовъ, и можно по самому мелкому ручейку добраться до нея. Но такъ какъ намъ надо будетъ вернуться къ этому предмету, то отложимъ остальное на конецъ.

Ф р а н ц и с к ъ.

Для того, чтобы я зналъ, какими тропами ты поведешь меня, скажи, куда ты обѣщаешь вернуться со мною?

А в г у с т и н ъ.

Я еще не коснулся главныхъ ранъ твоей души, и я съ умысломъ откладывалъ это, дабы сказанное подъ конецъ прочнѣе укоренилось въ памяти. О другомъ изъ тѣхъ плотскихъ влеченій, которыя мы здѣсь затронули, намъ придется въ дальнѣйшемъ говорить подробнѣе.

Ф р а н ц и с к ъ.

Итакъ веди меня куда хочешь.

А в г у с т и н ъ.

Если ты не будешь безстыдно упрямымъ, намъ больше не о чемъ спорить.

Ф р а н ц и с к ъ.

Ничто не радовало бы меня больше, какъ если бы съ земли исчезъ всякій поводъ къ спору. И самъ я всегда лишь неохотно спорилъ даже о вещахъ, которыя были мнѣ какъ нельзя лучше извѣстны, ибо споръ даже между друзьями имѣетъ въ себѣ что-то грубое, непріязненное и противное дружескимъ отношеніямъ.

Но перейдемъ къ тому, насчетъ чего, по твоему мнѣнію, я тотчасъ соглашусь съ тобою.

А в г у с т и н ъ.

Ты одержимъ какою-то убійственной душевной чумою, которую въ новое время зовутъ тоскою (*acidia*), а въ древности называли печалью (*aegritudo*).

Ф р а н ц и с к ѣ.

Самое имя этой болѣзни повергаетъ меня въ трепеть.

А в г у с т и н ъ.

Безъ сомнѣнія потому, что она давно и тяжело терзаетъ тебя.

Ф р а н ц и с к ѣ.

Каюсь, что такъ. Къ тому же, почти во всемъ, что меня мучаетъ, есть примѣсь какой-то сладости, хотя и обманчивой; но въ этой скорби все такъ сурово, и горестно, и страшно, и путь къ отчаянію открытъ ежеминутно, и каждая мелочь толкаетъ къ гибели несчастную душу. Притомъ, всѣ прочія мои страсти сказываются хотя частыми, но краткими и скоропреходящими вспышками, эта же чума по временамъ схватываетъ меня такъ упорно, что безъ отдыха истязаетъ меня цѣлые дни и ночи; тогда для меня нѣтъ свѣта, нѣтъ жизни: то время подобно кромѣшной ночи и жесточайшей смерти. И, что можно назвать верхомъ злополучія,—я такъ упиваюсь своей душевной борьбою и мукою, съ какимъ-то стѣсненнымъ сладострастіемъ, что лишь неохотно отрываюсь отъ нихъ.

А в г у с т и н ъ.

Ты прекрасно знаешь свою болѣзнь; если бы только ты зналъ и ея причину! Итакъ, скажи мнѣ, что огорчаетъ тебя до такой степени? сумятица ли повседневной жизни? или тѣлесная боль? или какой-нибудь ударъ жестокой судьбы?

Францискъ.

Ничто въ отдѣльности изъ названнаго тобою. Будь я испытуемъ въ единоборствѣ, я несомнѣнно устоялъ бы; теперь же я гибну подъ натискомъ цѣлаго войска.

Августинъ.

Объясни точнѣе, что тебя угнетаетъ.

Францискъ.

Каждый разъ, когда судьба наноситъ мнѣ одну какую-нибудь рану, я остаюсь твердъ и неустрашимъ, памятуя, что уже не разъ, тяжко пораженный ею, я выходилъ побѣдителемъ; если вскорѣ затѣмъ она наноситъ мнѣ вторую рану, я начинаю нѣсколько колебаться; когда же за тѣми двумя слѣдуютъ третья и четвертая рана, тогда я поневолѣ, не бѣгомъ стремительнымъ, а шагъ за шагомъ, отступаю въ крѣпость разума. Но если судьба обрушивается на меня всей своей ратью и, чтобы сокрушить меня, скликаетъ и образы человѣческихъ бѣдствій, и воспоминаніе о пережитыхъ мукахъ, и страхъ грядущихъ, тогда-то, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, до ужаса напуганный такимъ скопленіемъ бѣдъ, я стенаю, и тогда возникаетъ эта тяжкая скорбь, какъ если кто окруженъ безчисленными врагами, и нѣтъ ему выхода, нѣтъ ни надежды на пощаду, ни утѣшенія, но все грозитъ ему гибелью—уже поставлены осадныя машины, вырыты подземныя ходы, уже шатаются башни, лѣстницы уже приставлены къ укрѣпленіямъ, крюки зацѣплены за стѣны и огонь бѣжитъ по крышамъ; видя со всѣхъ сторонъ сверкающіе мечи и грозныя лица враговъ и сознавая близость своей гибели, можетъ ли онъ не страшиться и не скорбѣть, когда и безъ этихъ ужасовъ одна потеря свободы есть для мужественнаго человѣка величайшее страданіе?

Августинъ.

Хотя твой рассказъ и безпорядоченъ, однако я понимаю, что причина всѣхъ твоихъ бѣдъ—невѣрная мысль, которая и въ прошломъ погубила безчисленное множество людей, и многихъ еще погубить: ты считаешь себя несчастнымъ.

Францискъ.

Какъ нельзя болѣе.

Августинъ.

По какой причинѣ?

Францискъ.

Не по одной, а по многимъ.

Августинъ.

Съ тобою происходитъ то же, что съ человѣкомъ, который изъ-за любого ничтожнаго оскорбленія воскрешаетъ въ своей памяти весь рядъ минувшихъ обидъ.

Францискъ.

Ни одна рана во мнѣ не настолько стара, чтобы она была излѣчена забвеніемъ, но всѣ болящія свѣжи, и если что отъ времени могло бы зажить, судьба такъ часто ударяла по тому же мѣсту, что рубецъ никогда не стянулъ зияющей раны. Прибавь сюда еще мою ненависть и отвращеніе къ человѣческому состоянію; угнетаемый всѣмъ этимъ, я не могу не быть глубоко печальнымъ. Назовешь ли ты это чувство *aegritudo*, или *acidia*, или какъ-нибудь иначе—для меня неважно; насчетъ самой вещи мы согласны.

Августинъ.

Такъ какъ, сколько я вижу, болѣзнь пустила глубокіе корни, то залѣчить ее поверхностно было бы безцѣльно, ибо она вскорѣ проявилась бы снова; необходимо удалить ее съ корнемъ. Но я

недоумѣваю, съ чего начать; многочисленность твоихъ бѣдъ пугаетъ меня. Но чтобы, расчленивъ, облегчить себѣ задачу, я буду обсуждать каждую вещь въ отдѣльности. Итакъ, скажи, что тебѣ кажется наиболѣе тягостнымъ!

Францискъ.

Все, что я первымъ увижу, все что слышу, все что чувствую.

Августинъ.

Изъ всѣхъ вещей почти ни одна тебѣ не нравится?

Францискъ.

Или ни одна, или очень немногія.

Августинъ.

Когда бы, по крайней мѣрѣ, тебѣ нравились вещи, служащія ко спасенію! Но прошу тебя, отвѣть, что тебѣ въ особенности не нравится?

Францискъ.

Я отвѣтилъ уже.

Августинъ.

Всему этому виною та *acidia*, о которой я говорилъ. Тебѣ не нравится все твое?

Францискъ.

Чужое не менѣе.

Августинъ.

И это происходитъ отъ той же причины. Но чтобы внести нѣкоторый порядокъ въ нашу бесѣду, скажи, претить ли тебѣ все твое такъ сильно, какъ ты утверждаешь?

Францискъ.

Перестань мучить меня пустыми вопросами. Претить больше чѣмъ можно выразить.

Августинъ.

Слѣдовательно, тебѣ противно то самое, что многимъ другимъ внушаетъ зависть къ тебѣ?

Францискъ.

Кто завидуетъ несчастному, тотъ очевидно самъ крайне несчастень.

Августинъ.

Но что тебѣ наиболѣе претитъ изъ всего?

Францискъ.

Не знаю.

Августинъ.

А если я буду перечислять, ты признаешься ли?

Францискъ.

Признаюсь искренно.

Августинъ.

Ты гнѣваешься на свою судьбу.

Францискъ.

Могу ли не ненавидѣть ее, надменную, жестокую, слѣпую, безъ разбора вершающую земныя дѣла?

Августинъ.

Въ общей формѣ эта жалоба касается всѣхъ. Будемъ изслѣдовать теперь твои личныя неудовольствія. Если окажется, что твои жалобы несправедливы, примиришься ли ты?

Францискъ.

Убѣдить меня—очень трудно, но если ты докажешь мнѣ это, я успокоюсь.

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА.

СЪ МИНИАТЮРЫ XIV-ГО ВЪКА.

Августинъ.

Ты находишь, что судьба поступаетъ съ тобою слишкомъ скаречно?

Францискъ.

Нѣтъ, слишкомъ несносно, слишкомъ несправедливо, слишкомъ высокоумѣрно, слишкомъ жестоко.

Августинъ.

У комическихъ поэтовъ выведенъ не одинъ жалующійся, но тысячи, и ты пока—только одинъ изъ многихъ; лучше бы ты принадлежалъ къ числу немногихъ. Но такъ какъ эта тема до такой степени избита, что едва ли можно прибавить къ ней что-нибудь новое, желаешь ли ты къ старой болѣзни примѣнить старое лѣкарство?

Францискъ.

Какъ угодно.

Августинъ.

Итакъ, скажи: заставила ли тебя бѣдность терпѣть голодъ, или жажду, или холодъ?

Францискъ.

Моя судьба пока еще не доходила до такой свирѣпости.

Августинъ.

А сколь многіе терпятъ эти лишенія изо дня въ день!

Францискъ.

Употреби другое лѣкарство, если можешь, ибо это мнѣ не помогаетъ. Я не изъ тѣхъ, кому среди собственныхъ бѣдъ радость видѣть вокругъ себя полчище несчастныхъ и плачущихъ, и подчасъ я скорблю о чужихъ страданіяхъ не меньше, нежели о моихъ собственныхъ.

Августинъ.

И я не говорю о радости, но я хочу, чтобы это зрѣлище утѣшало человѣка и чтобы, видя чужія судьбы, онъ научался быть довольнымъ своею. Ибо не могутъ всѣ занимать первое мѣсто, иначе какъ же явится первый, если за нимъ не будетъ слѣдовать второй? Вы, смертные, уже должны быть довольны, разъ вы не доведены до крайности, разъ изъ столь многихъ козней судьбы вы терпите только умѣренныя. Впрочемъ, и тѣмъ, кто несетъ тягчайшее бремя, можно помочь болѣе острыми лѣкарствами; ты же въ нихъ совсѣмъ не нуждаешься, такъ какъ судьба обошлась съ тобою не слишкомъ сурово. Но васъ ввергаетъ въ эти горести то, что каждый, забывая о своемъ жребіи, мечтаетъ занять первое мѣсто, а такъ какъ—о чемъ я уже говорилъ— всѣ не могутъ занимать это мѣсто, то за безуспѣшными попытками слѣдуетъ негодованіе. Если бы люди понимали, сколь тягостно высшее положеніе, они не домогались, а боялись бы его; это доказывается свидѣтельствомъ тѣхъ, которые цѣною великихъ усилій вознеслись на вершину почестей и которые вскорѣ начинали проклинать слишкомъ легкое исполненіе своихъ желаній. Эту истину должны были бы знать всѣ, особенно ты, которому долгой опытъ доказалъ, что высшее положеніе есть всегда трудная, тревожная и во всѣхъ отношеніяхъ жалкая доля. Отсюда слѣдуетъ, что нѣтъ такого положенія, которое не давало бы повода къ жалобамъ, потому что и достигшіе желаемаго, и потерпѣвшіе неудачу одинаково предъявляютъ законныя причины жаловаться: одни считаютъ себя обманутыми, другіе—несправедливо обойденными. Поэтому слѣдуй совѣту Сенеки: видя, сколько человѣкъ тебя опередило, думай о томъ, сколько ихъ остается позади тебя; если хочешь выказать себя благодарнымъ по отношенію къ Богу и своей жизни, думай о томъ, сколь многихъ ты опередилъ,—и, какъ онъ говоритъ въ томъ же мѣстѣ,—назначь себѣ границу, которой ты не могъ бы переступить, даже если бы пожелалъ.

Францискъ.

Я давно уже указаль моимъ желаніямъ опредѣленную границу, если не ошибаюсь— весьма скромную; но наглость и безстыдство моего вѣка таковы, что скромность провозглашается тупостью и лѣнью.

Августинъ.

Но могутъ ли нарушать твое душевное равновѣсіе сужденія толпы, которая никогда не судить вѣрно, никогда не называетъ вещей правильными именами? Если память не обманываетъ меня, ты обыкновенно презираль ихъ.

Францискъ.

Вѣрь мнѣ, я никогда не презираль ихъ болѣе, чѣмъ теперь. Мнѣнію толпы обо мнѣ я придаю не болѣе важности, чѣмъ тому, что думаетъ обо мнѣ стадо животныхъ.

Августинъ.

Ну, что же?

Францискъ.

Мнѣ обидно, что, хотя ни одинъ изъ моихъ современниковъ, какихъ я знаю, не питаль болѣе скромныхъ желаній, никто не достигаль своихъ цѣлей съ бѣльшимъ трудомъ. Что я точно никогда не домогался высокаго положенія, этому свидѣтельница та, что здѣсь присутствуетъ, ибо она все видитъ и всегда читала въ моей душѣ. Она знаетъ, что каждый разъ, когда я, по свойству человѣческаго ума, мысленно перебираль всѣ общественныя состоянія, я на высшихъ ступеняхъ никогда не находилъ того покоя и той душевной ясности, которыя, на мой взглядъ, слѣдуетъ предпочесть всему другому, и что поэтому, гнушаясь жизни, исполненной заботъ и тревогъ, я всегда трезвой мыслью предпочиталь скромное положеніе, не устами только, но душою одобряя слова Горация:

Кто умѣренность золотую любить,
Вѣрный выбраль даръ: не въ лачугѣ ветхой,
Не въ грязи живетъ; не живетъ и въ цагскихъ,
Скромный, палатахъ.

И объясненіе, которое онъ даетъ, нравилось мнѣ не менѣе, чѣмъ самая мысль:

Треплеть буйный вихрь на горахъ свирѣпѣи
Гордую сосну; тяжелѣе рухнетъ
Башня съ высоты; окрестъ главъ зубчатыхъ
Вьются перуны.

О томъ я и скорблю, что мнѣ никогда не удавалось достигнуть этого скромнаго положенія.

Августинъ.

Но, можетъ быть, то, что ты считаешь скромнымъ,—выше тебя? можетъ быть истинная середина уже давно досталась тебѣ, и съ избыткомъ? можетъ быть ты далеко превзошелъ ее и для многихъ служишь скорѣе предметомъ зависти, чѣмъ презрѣнія?

Францискъ.

Пусть такъ, но я убѣжденъ въ противномъ.

Августинъ.

Невѣрное мнѣніе—безспорно причина всѣхъ твоихъ бѣдъ, особенно же этой, и потому, какъ говоритъ Туллій, тебѣ надо бѣжать отъ этой Харибды при помощи всѣхъ весель и парусовъ.

Францискъ.

Откуда я долженъ бѣжать и куда направить мою ладью? наконецъ чему ты велишь мнѣ вѣрить, какъ не тому, что я вижу?

Августинъ.

Ты видишь тамъ, куда ты направилъ взоръ, а если бы ты взглянулъ назадъ, ты увидалъ бы, что за тобою идетъ несчетная толпа и что ты нѣсколько ближе къ первому ряду, чѣмъ къ послѣднему, но душевная трусость и упрямство не позволяютъ тебѣ оглянуться назадъ.

Францискъ.

Я оглядывался подчасъ и замѣтилъ, что многіе отстали отъ меня. И я не стыжусь своей доли, но мнѣ жаль моихъ заботъ и обидно за мои попытки, ибо я вынужденъ, говоря словами того же Горация,

Жить на авось, колеблясь висѣть межъ надеждой и страхомъ.

Избавясь я отъ этой тревожной заботы, я былъ бы съ избыткомъ доволенъ тѣмъ, что имѣю, и охотно повторилъ бы то, что онъ говоритъ въ этомъ же мѣстѣ:

Другъ, угадай, о чемъ я молюсь, что въ мечтаньи лелѣю:

Съ тѣмъ хочу я пребыть, что нынѣ мое,—даже съ меньшимъ;

Вѣкъ остальной для себя провождать, сколько боги пошлютъ дней.

Но я всегда мнителенъ въ отношеніи будущаго, всегда тревоженъ, и потому дары судьбы не приносятъ мнѣ никакой отрады. Притомъ до сихъ поръ, какъ видишь, я живу для другихъ, а это—самая жалкая участь изъ всѣхъ. Если бы по крайней мѣрѣ остатокъ старости оказался для меня счастливымъ, чтобы, проведя жизнь среди тревоженій, я могъ умереть въ гавани.

Августинъ.

Что же, въ бурномъ водоворотѣ человѣческихъ дѣлъ, среди такой непрочности успѣховъ, въ этой тѣмѣ, скрывающей будущее, и—коротко говоря—будучи во всемъ подвластенъ судьбѣ,—ты одинъ изъ столькихъ тысячъ людей хотѣлъ бы вести жизнь, свободную отъ заботъ? Подумай, смертный, чего ты желаешь! подумай, чего ты требуешь! Что же касается твоихъ жалобъ на то, что ты жилъ не для себя, то это—не нужда, а рабство. Признаю, какъ и ты говоришь, что рабство—плачевная вещь, но если ты оглянешься кругомъ, то замѣтишь, что лишь очень немногіе люди жили для себя. Ибо и тѣ, которые считаются наиболѣе счастливыми и для которыхъ живутъ тысячи, въ то же

время сами живутъ для другихъ, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ непрестанныя бдѣнія и труды. И развѣ (я хочу поразить тебя самымъ высокимъ примѣромъ) Юлій Цезарь, которому принадлежитъ это вѣрное, хотя и дерзкое изреченіе: Родъ человѣческой живетъ для немногихъ, — развѣ онъ, принудивъ родъ человѣческой жить для него одного, все-таки и послѣ этого не жилъ для другихъ? Можетъ быть ты спросишь — для кого? Какъ разъ для тѣхъ, къ которымъ онъ былъ убитъ, для Брута, Цимбра и прочихъ зачинщиковъ предательскаго заговора, алчности которыхъ не могла насытить даже его неистощимая щедрость.

Францискъ.

Признаюсь, ты убѣдилъ меня, такъ что я больше не негодую ни на свое рабство, ни на свою бѣдность.

Августинъ.

Лучше негодуй на то, что ты не мудръ, ибо только этимъ ты могъ бы приобрести и свободу, и истинное богатство. Притомъ, человѣкъ, равнодушно переносящій отсутствіе причинъ и въ то же время пеняющій на отсутствіе послѣдствій, не имѣетъ правильного представленія ни о причинахъ, ни о послѣдствіяхъ. Но говори теперь далѣе, что угнетаетъ тебя сверхъ сказаннаго? брѣнь ли тѣла? или скрытая скорбь?

Францискъ.

Правда, каждый разъ, какъ я разсматривалъ себя самого, мое тѣло всегда было мнѣ въ тягость; но видя, сколь тяжелы тѣла другихъ, я признаю, что мой рабъ довольно послушенъ. Когда бы я могъ тѣмъ же хвалиться и относительно моей души! Но она властвуетъ надо мной.

Августинъ.

Когда бы она сама покорялась власти разума! Но возвращаюсь къ тѣлу: что ты чувствуешь въ немъ тягостнаго?

Францискъ.

Ничего другого, кромѣ его общихъ свойствъ: что оно смертно, разстраиваетъ меня своими страданіями, обременяетъ меня своей тяжестью, клонитъ ко сну, когда духъ бодръ, и подчиняетъ другимъ человѣческимъ нуждамъ, которыя перечислять было бы и долго, и непріятно.

Августинъ.

Образумься, прошу тебя, и вспомни, что ты человѣкъ, —тогда это тревожное чувство исчезнетъ. Если тебя мучитъ еще что-нибудь, скажи.

Францискъ.

Или ты не слыхаль о лютости мачехи-судьбы, какъ она въ одинъ день беспощаднымъ ударомъ сокрушила меня, мои надежды и все мое достояніе, мою семью и мой домъ?

Августинъ.

Вижу потоки слезъ, текущіе изъ твоихъ глазъ, и оттого хочу пройти мимо, ибо въ этомъ дѣлѣ ты нуждаешься не въ поученіи, а въ напоминаніи. Достаточно будетъ лишь посовѣтовать тебѣ, чтобы ты вспомнилъ не только о гибели частныхъ семействъ, но о хорошо извѣстныхъ тебѣ случаяхъ распадёнія цѣлыхъ царствъ на протяженіи всѣхъ вѣковъ. Одно уже чтеніе трагедій можетъ научить тебя не стыдиться того, что вмѣстѣ со столькими царскими дворцами сгорѣла и твоя хижина. Теперь продолжай, потому что эти мои немногія слова ты долженъ самъ обдумать глубже.

Францискъ.

Кто могъ бы съ достаточной силою выразить ежедневное отвращеніе и скуку моей жизни въ этомъ безобразнѣйшемъ, безпокойнѣйшемъ изъ всѣхъ городовъ міра, въ этой тѣсной, омерзительной ямѣ, куда стекаются нечистоты со всего свѣта? Кто въ состояніи изобразить словами узкія зловонныя улицы, вызываю-

щія тошноту, стаи бѣшеныхъ собакъ попережку съ гнусными свиньями, грохотъ колесъ, сотрясающій стѣны, кареты четверней, внезапно выѣзжающія изъ боковыхъ переулковъ и загораживающія дорогу, эту разношерстную толпу, ужасный видъ безчисленныхъ нищихъ, разнузданность богатства, уныніе и скорбь однихъ, рѣзвую веселость другихъ, наконецъ это разнообразіе характеровъ и занятій, этотъ разноголосый крикъ и давку кишащей толпы? Все это изнуряетъ умъ, привыкшій къ лучшему, лишаетъ покоя благородный духъ и мѣшаетъ научнымъ занятіямъ. Да спасеть меня Господь отъ этого кораблекрушенія невредимымъ, ибо часто, когда я оглядываюсь кругомъ, мнѣ кажется, что я живымъ сошелъ въ адъ. Вотъ и предавайся при такихъ условіяхъ высокимъ размышленіямъ:

Вотъ тутъ и вздумай сложить втихомолку пѣвучія строки!

А в г у с т и н ь .

Этотъ стихъ Флакка показываетъ мнѣ, о чемъ ты болѣе всего сокрушаешься; ты горюешь о томъ, что попалъ въ такое мѣсто, которое не благоприятно для твоихъ занятій, ибо, какъ говоритъ тотъ же поэтъ,

Хоромъ хвалятъ поэты лѣса, города ненавидятъ.

И самъ ты въ какомъ-то посланіи выразилъ ту же мысль другими словами:

Музамъ дубрава мила, не дружатъ съ городами поэты.

Вѣрь мнѣ: если бы когда-нибудь утихло внутреннее смятеніе твоего духа, окружающій тебя шумъ хотя и поражалъ бы твой слухъ, но души твоей не волновалъ бы. Но не буду повторять тебѣ того, что ты давно знаешь; у тебя есть небезполезное письмо Сенеки объ этомъ предметѣ, есть и книга его же о спокойствіи духа, есть и превосходная книга Цицерона о средствахъ къ полному исцѣленію этого душевнаго недуга,—изложеніе преній

третьяго дня, происходившихъ въ его Тускуланскомъ домѣ, посвященное имъ Бруту.

Францискъ.

Ты знаешь, что каждую изъ этихъ вещей я читалъ съ большимъ вниманіемъ.

Августинъ.

Что же? неужели онѣ не принесли тебѣ никакой пользы?

Францискъ.

Напротивъ, пока я читалъ, онѣ были мнѣ очень полезны, но едва я выпускалъ книгу изъ рукъ, мое согласіе съ нею тотчасъ исчезало совершенно.

Августинъ.

Такова общая привычка читающихъ, съ тѣхъ поръ какъ негодные писаки, это проклятое отродье, стали всюду бродить стадами; хотя въ школахъ много спорятъ о томъ, какъ должно жить, но слова мало претворяются въ дѣло. Но если бы ты отмѣчалъ соотвѣтствующія мѣста извѣстными знаками, ты извлекалъ бы пользу изъ чтенія.

Францискъ.

Какими знаками?

Августинъ.

Каждый разъ, когда при чтеніи тебѣ встрѣчаются назидательныя изреченія, которыя, какъ тебѣ кажется, либо подстрекаютъ, либо обуздываютъ твой духъ, не полагайся на силы своего ума, но прячь ихъ въ хранилище твоей памяти и тверди до тѣхъ поръ, пока вполне не освоишься съ ними, дабы, по примѣру опытныхъ лѣкарей, гдѣ и когда бы ни приключилась болѣзнь, требующая немедленнаго вмѣшательства, лѣкарства были бы у тебя, такъ сказать, записаны въдушѣ. Ибо какъ тѣла, такъ и души человѣческія подвержены нѣкоторымъ недугамъ, въ которыхъ промедленіе столь опасно, что отсрочить лѣченіе значитъ уничто-

жить надежду на спасеніе. Кто не знаетъ, напримѣръ, что инья движенія души бывають столь стремительны, что, если разумъ не подавляетъ ихъ въ самомъ зародышѣ, они ввергають въ гибель душу, тѣло и всего человѣка, и всякое средство, примѣняемое къ нимъ впослѣдствіи, оказывается уже запоздалымъ. Изъ нихъ главнымъ я считаю гнѣвъ. Не безъ основанія тѣ, кто дѣлитъ душу на три части, отводятъ ему мѣсто подъ сѣдалищемъ разума, помѣщая разумъ въ головѣ, какъ бы въ крѣпости, гнѣвъ — въ груди, вождельнія — въ брюшной полости, ибо разумъ долженъ быть всегда готовъ быстро подавлять бунные порывы подчиненныхъ ему страстей и какъ бы съ высоты трубить къ отступленію; и такъ какъ гнѣвъ всего болѣе нуждается въ этой острасткѣ, то онъ и помѣщенъ всего ближе.

Францискъ.

И правильно. Я хочу доказать тебѣ, что эту истину я извлекалъ не только изъ философскихъ, но и изъ поэтическихъ произведеній. Именно, я часто размышлялъ про себя, что описываемые Марономъ неистовые вѣтры, скрывающіеся въ далекихъ пещерахъ, и громоздящіяся надъ ними горы, и на вершинѣ сидящій царь, укрощающій ихъ своей властью, знаменуютъ, можетъ быть, гнѣвъ и буйныя страсти души, которыя клокочуть въ глубинѣ сердца и, если бы не сдерживала ихъ узда разума,—какъ говорится тамъ же,

Материкъ, и моря, и глубокое небо—

Ярые все бѣ унесли, все бѣ размыкали буйнымъ набѣгомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что разумѣетъ онъ подъ материкомъ, какъ не земную персть тѣла, подъ морями,—какъ не оживляющіе се соки, подъ глубиной небесъ—какъ не душу, которая обитаетъ въ скрытомъ мѣстѣ и въ которой (какъ онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ),
Дышитъ мощь огневая, небесное теплится сѣмя.

Этимъ онъ хочетъ сказать, что страсти ввергаютъ въ бездну и тѣло, и душу, словомъ—всего человѣка. Напротивъ, горы и вверху сидящій царь—что это, какъ не крѣпость—голова и въ ней живущій разумъ? Ибо вотъ его слова:

Тамъ царь Эоль, въ пространной пещерѣ,
 Буйныхъ боренье вѣтровъ, мощь мятежную бурь многшумныхъ
 Властью гнететь, и въ оковахъ томить, и смиряеть уздою.
 Съ бѣшенымъ воемъ они и съ великимъ ропотомъ бьются
 Окрестъ въ затворы горы. На возвышенной сидя твердынѣ,
 Жезль подъемлетъ Эоль...

Такъ говоритъ поэтъ. Я же, разбирая каждое слово въ отдѣльности, слышу, что рѣчь идетъ о бѣшенствѣ, бореніи, о многшумныхъ буряхъ, воѣ и ропотѣ,—а эти слова могутъ относиться къ гнѣву. Далѣе, я слышу о царѣ, сидящемъ на возвышенной твердынѣ, держащемъ жезль, угнетающемъ властью, укрощающемъ оковами и уздою: кто станетъ отрицать, что эти слова могутъ относиться къ разуму? А чтобы было ясно, что все это говорится о душѣ и смущающемъ ее гнѣвѣ, онъ прибавляетъ слѣдующее:

Ихъ сердца утишая и лютость.

А в г у с т и н ѣ .

Хвалю твое стараніе понять тайный смыслъ этого поэтическаго разсказа, ибо, думалъ ли объ этомъ самъ Вергилій, когда писалъ, или подобный умыселъ былъ ему совершенно чуждъ и онъ желалъ описать въ этихъ стихахъ только морскую бурю и ничего болѣе, — во всякомъ случаѣ, то, что ты сказалъ о ярости гнѣва и о власти разума, кажется мнѣ вѣрнымъ и остроумнымъ. Но возвращаюсь къ началу моей рѣчи: противъ гнѣва и остальныхъ страстей, особенно же противъ той заразы, о которой мы какъ-разъ говоримъ, приводи себѣ всегда на память какое-нибудь изреченіе, встрѣтившееся тебѣ при внимательномъ чтеніи. Отмѣчай полезныя изреченія, какъ я сказалъ въ началѣ, извѣстными

знаками, которые на подобіе крючковъ удерживали бы ихъ въ памяти, когда они захотятъ ускользнуть изъ нея. Съ ихъ помощью ты станешь непоколебимымъ какъ противъ всѣхъ другихъ соблазновъ, такъ и противъ той мрачности духа, которая, подобно смертоносной тѣни, губить и сѣмена добродѣтелей, и всѣ плоды дарованій, и которая, словомъ,—какъ прекрасно говорить Туллій,—есть источникъ и начало всѣхъ бѣдствій. Разумѣется, нѣтъ ни одного человѣка, который не имѣлъ бы многихъ причинъ для скорби; не говорю и о томъ, что воспоминаніе о твоихъ прегрѣшеніяхъ законно гнететъ и тревожитъ тебя: это—единственный спасительный видъ скорби, разъ только она не переходитъ въ отчаяніе; но если ты внимательно присмотришься къ другимъ и къ самому себѣ, ты, конечно, долженъ будешь признать, что небо даровало тебѣ много благъ, которыя даютъ тебѣ право утѣшаться и радоваться среди столькихъ жалующихся и стенающихъ. Что же касается твоихъ жалобъ на то, что ты еще не жилъ для себя, равно и твоихъ жалобъ на неудовольствіе, которое причиняетъ тебѣ городской шумъ, то немалымъ утѣшеніемъ должны тебѣ служить подобныя же жалобы знаменитѣйшихъ людей и то соображеніе, что если ты по собственной волѣ попалъ въ этотъ водоворотъ, то по своей же волѣ можешь и вынырнуть изъ него, если только сильно пожелаешь. Притомъ, долгая привычка можетъ приучить твои уши внимать разноголосому крику толпы съ такимъ же наслажденіемъ, какъ шуму водопада. И, какъ я сказалъ, ты очень легко достигнешь этого, если сначала смиришь смятеніе твоего духа, ибо ясное и спокойное сердце остается невозмутимымъ, клубятся ли вокругъ него бродячія облака или звучитъ надъ нимъ дальній громъ. Такъ, точно стоя въ безопасности на сухомъ берегу, ты будешь созерцать чужія кораблекрушенія и молча слушать горестные вопли тонущихъ, и сколько жалости внушить тебѣ это печальное зрѣлище, столько же радости будетъ возбуждать въ тебѣ твоя собственная безопасность

по сравненію съ опаснымъ положеніемъ другихъ. Поэтому я твердо надѣюсь, что ты вскорѣ совершенно изгонишь печаль изъ твоего сердца.

Францискъ.

Хотя многое звучитъ для меня какъ насмѣшка, особенно твое утвержденіе, что мнѣ легко покинуть города и что это вполне въ моей волѣ, но такъ какъ во многомъ ты убѣдилъ меня разумными доводами, я хочу и тутъ сложить оружіе, прежде чѣмъ потерплю пораженіе.

Августинъ.

Итакъ, ты можешь теперь же сбросить съ себя печаль и примириться со своей судьбою.

Францискъ.

Конечно, могу, если только судьба дѣйствительно существуетъ. Ибо, какъ ты знаешь, греческій поэтъ и нашъ сильно расходятся на этотъ счетъ: въ то время, какъ первый ни разу не удостоилъ упомянуть о судьбѣ въ своихъ произведеніяхъ, какъ бы признавая, что она—ничто, нашъ не только часто поминаетъ ее, но въ одномъ мѣстѣ даже называетъ всемогущей. Это мнѣніе раздѣляли и знаменитый историкъ, и великій ораторъ; именно, Салюстій Криспъ говоритъ, что судьба несомнѣнно властвуетъ во всемъ, а Маркъ Туллій не усумнился признать ее владычицей человѣческихъ дѣлъ. Чтò я самъ думаю о ней, это мнѣ, можетъ быть, представится другое время и мѣсто высказать. Что же касается обсуждаемаго нами предмета, то твои наставленія были мнѣ такъ полезны, что, сравнивая себя теперь съ большинствомъ людей, я уже не нахожу своего положенія столь жалкимъ, какъ раньше.

Августинъ.

Я радъ, что принесъ тебѣ нѣкоторую пользу, и хотѣлъ бы принести большую; но такъ какъ нынѣшняя бесѣда довольно за-

тянулась, не отложить ли намъ то, что еще осталось, на третій день, когда и кончить?

Францискъ.

Я лично всѣмъ сердцемъ обожаю число три, не столько потому, что оно содержитъ въ себѣ трехъ Грацій, сколько потому, что оно, какъ извѣстно, всего милѣе божеству. Таково не только твое мнѣніе и другихъ учителей истинной религіи, всецѣло возлагающихъ свою вѣру на троичность, но даже языческихъ философовъ, которые сообщаютъ намъ, что это число примѣнялось при посвященіяхъ богамъ. Это зналъ повидимому и нашъ Вергилій, какъ видно по его словамъ:

Нечетное богу угодно,

ибо изъ предшествующаго видно, что онъ говоритъ о числѣ три. Итакъ, я жду теперь изъ твоихъ рукъ третьей части этого трехчленнаго дара.

БЕСѢДА III.

Августинъ.

Ежели сказанное мною до сихъ поръ принесло тебѣ какую-нибудь пользу, то прошу и заклинаю тебя выслушать благожелательно остальное и отказаться отъ склонности къ возраженіямъ и спору.

Францискъ.

Будь спокоенъ на этотъ счетъ, ибо я чувствую, что твои наставленія освободили меня отъ значительной части моихъ тревогъ, и тѣмъ охотнѣе готовъ слушать до конца.

Августинъ.

Я еще не коснулся тѣхъ язвъ твоихъ, которыя всего глубже скрыты и всего труднѣе поддаются лѣченію, да и боюсь коснуться ихъ, помня, сколько споровъ и жалобъ вызвало даже сравни-

тельно легкое прикосновеніе. Но, съ другой стороны, я надѣюсь, что теперь, собравъ свои силы, твой окрѣпшій духъ мужественнѣ перенесетъ болѣе суровое испытаніе.

Францискъ.

Не бойся ничего; я уже привыкъ слышать названія монахъ блѣзней и терпѣть прикосновенія врача.

Августинъ.

Ты донинѣ привязанъ справа и слѣва двумя адамантовыми цѣпями, которыя не позволяютъ тебѣ думать ни о смерти, ни о жизни. Я всегда опасался, чтобы онѣ не вовлекли тебя въ гибель; я и теперь еще не спокоенъ, и не буду спокоенъ, пока не увижу, что онѣ разбиты и сброшены, а ты развязанъ и свободенъ. Я убѣжденъ, что это—вещь возможная, хотя, конечно, трудная, иначе я тщетно бился бы надъ невозможнымъ. Ибо какъ для дробленія алмазовъ нужна, говорятъ, кровь козла, такъ кровь удивительно пригодна для того, чтобы смягчить жесткость этихъ заботъ: едва коснувшись хотя бы огрубѣлаго сердца, она раскалываетъ его и проникаетъ внутрь. Но такъ какъ въ этомъ дѣлѣ необходимо и твое содѣйствіе, то я боюсь, что ты не сможешь, или вѣрнѣе не захочешь оказать его; я сильно опасаюсь, чтобы не помѣшалъ этому самый блескъ твоихъ оковъ, столь лучезарный и ласкающій взоры, и чтобы не случилось съ тобою того же—и я подозреваю, что это можетъ случиться,—какъ если бы скупой, томясь въ тюрьмѣ закованнымъ въ золотыя оковы, желалъ бы выйти на свободу, но не хотѣлъ бы потерять своихъ оковъ; надъ тобою же властенъ законъ тюрьмы: не сбросивъ цѣпей, ты не можешь быть свободенъ.

Францискъ.

Горе мнѣ! я былъ несчастнѣе, нежели думалъ. Неужели до сихъ поръ моя душа опутана двумя цѣпями, о которыхъ я не догадываюсь?

Августинъ.

Напротивъ, ты прекрасно знаешь ихъ, но, восхищенный ихъ красотой, ты ихъ считалъ не цѣпями, а сокровищами, и съ тобою случилось (я пользуюсь тѣмъ же сравненіемъ) то же, какъ если бы кто-нибудь, будучи закованъ по рукамъ и ногамъ въ золотыя оковы, съ удовольствіемъ разглядывалъ золото, и не видѣлъ бы, что это цѣпи. Такъ и ты теперь невидящими глазами смотришь на свои оковы, но, о слѣпота! радуешься этимъ цѣпямъ, влекущимъ тебя къ смерти, и, что всего плачевнѣе, — даже гордишься ими.

Францискъ.

Что же это за цѣпи, о которыхъ ты говоришь?

Августинъ.

Любовь и слава.

Францискъ.

Боги, что я слышу! Ихъ-то ты называешь цѣпями, ихъ собираешься разбить, если я соглашусь?

Августинъ.

Хочу попытаться, но не увѣренъ, что это удастся мнѣ. Всѣ остальные цѣпи, которыя связывали тебя, были и болѣе хрупки, и менѣе пріятны на видъ; оттого, когда я ломалъ ихъ, ты помогалъ мнѣ; эти, напротивъ, вредя нравятся и манятъ какимъ-то обѣщаніемъ красоты; поэтому здѣсь потребуется больше усилій, ибо ты будешь противиться, какъ если бы я хотѣлъ отнять у тебя величайшія цѣнности. Однако попробую.

Францискъ.

Чѣмъ я провинился предъ тобою, что ты хочешь лишить меня лучшихъ радостей и ввергнуть въ безысходную тьму свѣтлѣйшую часть моей души?

А в г у с т и н ъ .

Несчастный! или ты забылъ изреченіе философа, что зло тогда достигаетъ своей вершины, когда къ ложнымъ мнѣніямъ присоединяется убѣжденіе, что такъ и должно быть.

Ф р а н ц и с к ъ .

Нисколько не забылъ, но это изреченіе не идетъ къ дѣлу, ибо почему бы мнѣ не думать, что такъ должно быть? Напротивъ, у меня никогда не было болѣе правильной мысли, нежели та, что страсти, въ которыхъ ты упрекаешь меня, суть самыя благородныя.

А в г у с т и н ъ .

Раздѣлимъ ихъ на время, пока я стану изыскивать средства противъ нихъ, иначе я буду кидаться то сюда, то туда, и натискъ мой на каждую въ отдѣльности будетъ ослабленъ. Скажи мнѣ,— такъ какъ мы первую назвали любовь,—не считаешь ли ты ее худшимъ видомъ безумія?

Ф р а н ц и с к ъ .

Говоря совершенно искренно, я полагаю, что любовь, смотря по свойствамъ своего предмета, можетъ быть и худшей изъ душевныхъ страстей, и благороднѣйшимъ дѣяніемъ.

А в г у с т и н ъ .

Для ясности приведи какой-нибудь примѣръ.

Ф р а н ц и с к ъ .

Ежели я горю страстью къ мерзкой и развратной женщинѣ, то моя страсть есть верхъ безумія; если же меня очаровалъ рѣдкій образецъ добродѣтели и я стремлюсь любить и обожать его,— какъ мыслишь? Или ты не видишь никакой разницы между столь различными вещами, и стыдъ, по-твоему, вовсе исчезъ? Я же,

если мнѣ позволено высказать мое мнѣніе, считаю первую любовь тяжелымъ и пагубнымъ бременемъ для души, вторую же—едва ли не величайшимъ счастіемъ. Если ты почему-нибудь держишься противоположнаго взгляда, то пусть каждый слѣдуетъ своему убѣжденію, ибо мнѣнія, какъ ты знаешь, бываютъ крайне разнообразны и всякій воленъ судить по-своему.

А в г у с т и н ѣ .

Въ дѣлахъ спорныхъ сужденія различны, но истина всегда одна и та же.

Ф р а н ц и с к ѣ .

Противъ этого я не спору, но насъ сбиваетъ съ пути то, что мы упрямо держимся стародавнихъ мнѣній и съ трудомъ отрываемся отъ нихъ.

А в г у с т и н ѣ .

Если бы ты такъ же здраво судилъ обо всемъ вопросѣ любви, какъ ты судишь объ этомъ предметѣ!

Ф р а н ц и с к ѣ .

Коротко сказать, мое мнѣніе кажется мнѣ столь правильнымъ, что тѣхъ, кто держится противнаго взгляда, я положительно считаю безумцами.

А в г у с т и н ѣ .

Застарѣлую ложь принимать за истину, а истину, дознанную недавно, считать ложью, т.-е. ставить существо дѣла исключительно въ зависимость отъ времени, есть верхъ безумія.

Ф р а н ц и с к ѣ .

Твои усилія тщетны, я ничему не повѣрю. Мнѣ приходитъ на мысль изреченіе Туллія: если я заблуждаюсь въ этомъ, то заблуждаюсь охотно, и не хотѣлъ бы, чтобы меня лишили этого заблужденія, пока я живъ.

А в г у с т и н ъ .

Онъ употребилъ эти слова, говоря о безсмертіи души, что есть прекраснѣйшее изъ всѣхъ убѣжденій, и желалъ ими выразить, что на этотъ счетъ у него нѣтъ никакихъ сомнѣній и что противоположныхъ мнѣній онъ не желаетъ и слушать; ты же незаконно пользуешься этими словами, защищая гнусное и въ высшей степени ложное мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, будь душа смертна, было бы все-таки лучше признавать ее безсмертною, и эта ошибка должна была бы считаться спасительной, такъ какъ она вселяла бы любовь къ добродѣтели, къ которой слѣдуетъ стремиться ради нея самой, хотя бы отнята была всякая надежда на награду; а если бы душа была признана смертною, стремленіе къ добродѣтели несомнѣнно ослабѣло бы; и, наоборотъ, обѣтованіе будущей жизни, хотя бы ложное, повидимому весьма пригодно для того, чтобы подстрекать души смертныхъ. А какіе плоды принесетъ тебѣ это твое заблужденіе,—ты увидишь; оно ввергнетъ твою душу во всѣ безумія, гдѣ исчезнуть и стыдъ, и страхъ, и разумъ, укрощающій неистовство страстей, и познаніе истины.

Ф р а н ц и с к ъ .

Я уже сказалъ тебѣ,—твои старанія тщетны; я твердо помню, что никогда не любилъ ничего постыднаго, а любилъ только прекраснѣйшее.

А в г у с т и н ъ .

Извѣстно, что можно и прекрасное любить постыдно.

Ф р а н ц и с к ъ .

Я не погрѣшилъ ни въ существительныхъ, ни въ нарѣчіяхъ, поэтому перестань уже тѣснить меня.

А в г у с т и н ъ .

Что же, ты хочешь, подобно буйнымъ сумасшедшимъ, испустить духъ среди шутокъ и смѣха? Или ты предпочтешь по-

дать какое - нибудь лѣкарство твоей жалости-достойной, больной душѣ?

Францискъ.

Я не отвергаю лѣкарства, если ты докажешь, что я боленъ; а здоровымъ усиленный приѣмъ лѣкарствъ часто бываетъ пагубенъ.

Августинъ.

Когда ты начнешь выздоравливать, ты самъ, какъ это бываетъ со многими, признаешь, что былъ тяжело боленъ.

Францискъ.

Въ концѣ-концовъ я не могу отказать въ уваженіи тому, чьи мудрые совѣты я и раньше не разъ, и особенно въ эти послѣдніе дни, извѣдалъ на дѣлѣ. Итакъ, продолжай.

Августинъ.

Прежде всего прошу тебя простить мнѣ, если, принуждаемый существомъ дѣла, я, можетъ быть, нѣсколько рѣзко буду нападать на предметы, обожаемые тобою, ибо я заранѣе предвижу, какъ неприятно будетъ звучать истина для твоихъ ушей.

Францискъ.

Повремени минуту, прежде чѣмъ начнешь: знаешь ли ты, о чемъ тебѣ предстоитъ говорить?

Августинъ.

Я тщательно обдумалъ все заранѣе; рѣчь наша будетъ о смертной женщинѣ, на обожаніе и угожденіе которой ты потратилъ большую часть твоей жизни. Я сожалею объ этомъ и сильно дивлюсь столь глубокому и долговременному безумію въ члвкѣ такого ума.

Францискъ.

Останови свою бранную рѣчь, прошу тебя. Смертными женщинами были и Таида, и Ливія. Притомъ, извѣстно ли тебѣ, что ты заговорилъ о женщинѣ, чей духъ, чуждый земныхъ заботъ, горитъ небесной жаждою, въ чьихъ чертахъ, если только есть правда въ мірѣ, сіяетъ отблескъ божественной красоты, чей характеръ—образецъ нравственнаго совершенства, въ чьемъ голосѣ и взорѣ нѣтъ ничего смертнаго, чья походка обличаетъ существо высшее человѣка? Помни это хорошенько, и тогда, думаю, ты поймешь, какія слова ты долженъ употреблять.

Августинъ.

О безумный! Такъ-то ты уже шестнадцатый годъ питаешь пламя своей души лживыми обольщеньями? По-истинѣ, не дольше властвовалъ надъ Италіей знаменитый Ганнибалъ, не чаще выдерживала она натиски вооруженныхъ полчищъ, не сильнѣе пылала въ пожарахъ, нежели тебя за это время палила огнемъ и одолѣвала приступами неистовая страсть. Однако нашелся же человѣкъ, который наконецъ заставилъ Ганнибала удалиться; твоего же врага кто отвратить отъ твоей выи, разъ ты запрещаешь ему уйти и даже самъ, сознательно и добровольно, приглашаешь его оставаться у тебя? Несчастный! ты радуешься собственной бѣдѣ. Но когда послѣдній день закроетъ эти очи, чарующія тебя до гибели, когда ты увидишь ея лицо, искаженное смертью, и блѣдные члены, тебѣ будетъ стыдно, что ты приковалъ твою бессмертную душу къ брэнному, жалкому тѣлу, и ты будешь краснѣть, вспоминая о томъ, что ты теперь такъ упрямо утверждаешь.

Францискъ.

Да не приведетъ Господь! Я этого не увижу.

Августинъ.

Между тѣмъ это неизбѣжно случится.

Францискъ.

Знаю, но не настолько враждебны мнѣ свѣтила, чтобы этой смертью нарушить порядокъ естества. Раньше ея вступилъ я въ жизнь, раньше и выйду.

Августинъ.

Ты вѣрно помнишь то время, когда ты боялся противнаго и когда, вдохновленный печалью, ты сложилъ погребальную пѣснь подругѣ, какъ если бы она уже была мертва ¹⁾.

Францискъ.

Конечно помню, но я скорбѣлъ тогда, и еще теперь, вспоминая тѣ чувства, содрогаюсь. Я негодовалъ на то, что отъ меня какъ бы отсѣчена благороднѣйшая часть моей души и что я осужденъ пережить ту, которая однимъ своимъ присутвіемъ услаждала мнѣ жизнь, такъ что эта пѣснь оплакиваетъ ея потерю, исторгшую у меня тогда потоки слезъ. Я хорошо помню смыслъ, хотя и забылъ слова.

Августинъ.

Не въ томъ дѣло, сколько слезъ исторгло у тебя и сколько боли причинило тебѣ представленіе о ея смерти; но важно, чтобы ты понялъ, что этотъ страхъ, который однажды потрясъ тебя, можетъ вернуться, и тѣмъ легче, что смерть все ближе съ каждымъ днемъ и что это прекрасное тѣло, будучи истощено болѣзнями и частыми превратностями ²⁾, утратило значительную часть своей прежней крѣпости.

Францискъ.

Я также сталъ болѣе обремененъ заботами и старше лѣтами, поэтому я опережаю ее на пути къ смерти.

¹⁾ [Сонетъ 193: *Oh misera ed orribil visione!* Переводъ его см. ниже, въ „Сонетахъ“].

²⁾ [*Crebris perturbationibus*. Въ другихъ изданіяхъ: *crebris partibus*, т.-е. частыми родами; рукописи даютъ: *p̄tibus* или *pātibus*].

А в г у с т и н ъ.

О, безразсудство—умозаключать о порядкѣ смерти по порядку рожденія! Что же оплакиваютъ осиротѣлые старики-родители, какъ не преждевременную смерть своихъ юныхъ сыновей? О чемъ льютъ слезы пожилыя кормилицы, какъ не о ранней смерти своихъ питомцевъ?

Сладостной жизни не знавшихъ, отъ матерней груди, бездольныхъ,
Черный похитилъ ихъ день и безвременной отдалъ могилѣ.

Ты же, опередивъ ее немногими годами, почерпаешь въ этомъ нелѣпую надежду, что умрешь раньше, нежели виновница твоего безумія, и обольщаешь себя мыслью, что этотъ порядокъ природы непреложенъ.

Ф р а н ц и с к ъ.

Но не настолько непреложенъ, чтобы я не допускалъ, что можетъ случиться противное; но я непрестанно молюсь, чтобы этого не случилось, и всегда, размышляя о ея смерти, вспоминаю стихъ Овидія:

День нежеланный помедли, пока не разстанусь съ землею!

А в г у с т и н ъ.

Я не въ силахъ больше слушать эти глупости! Вѣдь разъ ты знаешь, что она можетъ умереть раньше тебя, что же ты скажешь, когда она умретъ?

Ф р а н ц и с к ъ.

Что другое смогу я сказать, какъ не то, что этотъ ударъ сдѣлалъ меня несчастнѣйшимъ изъ всѣхъ людей? Но мнѣ будетъ утѣшеніемъ память о протекшихъ годахъ. Какъ бы то ни было, пусть вѣтры унесутъ наши слова и бури развѣютъ предвѣщаніе!

А в г у с т и н ъ.

О слѣпецъ! ты все еще не понимаешь, какое безуміе—подчинять душу земнымъ вещамъ, которыя воспаляютъ ее огнемъ жела-

ній, не способны ее успокоить, не могутъ быть вѣрны ей до конца и, обѣщая ее приголубить, вмѣсто того терзаютъ ее непрерывными потрясеніями.

Францискъ.

Если у тебя есть болѣе дѣйствительное средство, то употреби его; подобными рѣчами ты никогда не устроишь меня, потому что не смертной вещи, какъ ты думаешь, я предалъ свой духъ, и ты знаешь, что я любилъ не столько ея тѣло, сколько душу, чистота которой, превосходящая человѣческій уровень, восхищаетъ меня и примѣръ которой учитъ меня, какъ живетъ среди небожителей. Итакъ, на твой вопросъ (который даже только слышать мнѣ мучительно), что я буду дѣлать, если она умретъ раньше, покинувъ меня,—вотъ мой отвѣтъ: я буду утѣшаться въ своихъ несчастіяхъ по примѣру Лелія, мудрейшаго изъ римлянъ; я буду говорить себѣ: я любилъ ея добродѣтель, которая не умерла, и буду повторять себѣ также все остальное, что онъ сказалъ послѣ смерти той, которую любилъ съ такой удивительной силой.

Августинъ.

Ты застѣлъ въ неприступной крѣпости твоего заблужденія, и выбить тебя оттуда — нелегкій трудъ; но такъ какъ я вижу по твоему настроенію, что ты гораздо терпѣливѣе готовъ выслушать рѣзкое слово о себѣ самомъ, нежели о ней, то превозноси свою бабенку похвалами, сколько хочешь, — я ничего не стану возражать. Пусть она царица, святая или хотя бы даже богиня,

Феба ль сестра, изъ семейства ли нимфъ единая родомъ,
— все же ея безмѣрная добродѣтель нисколько не искупить
твоего заблужденія.

Францискъ.

Жду—какую еще новую тяжбу ты затѣваешь.

А в г у с т и н ъ .

Нѣтъ сомнѣнія, что люди нерѣдко любятъ прекраснѣйшія вещи постыднымъ образомъ.

Ф р а н ц и с к ѣ .

На это я уже раньше отвѣтилъ. Если бы кто могъ видѣть обликъ любви, царящей во мнѣ, онъ призналъ бы этотъ обликъ совершенно сходнымъ съ ея чертами, которыя я хотя и много хвалилъ, но все же меньше, чѣмъ слѣдовало. Беру въ свидѣтельница ту, предъ кѣмъ мы говоримъ, что въ моей любви никогда не было ничего постыднаго, ничего непристойнаго, вообще ничего преступнаго, кромѣ ея чрезмѣрности. Будь она еще въ мѣру, нельзя было бы придумать ничего прекраснѣе.

А в г у с т и н ъ .

Могу отвѣтить тебѣ словами Туллія: ты хочешь придать мѣру пороку.

Ф р а н ц и с к ѣ .

Не пороку, а любви.

А в г у с т и н ъ .

Но онъ, говоря это, разумѣлъ именно любовь. Помнишь это мѣсто?

Ф р а н ц и с к ѣ .

Конечно; я читалъ это въ Тускуланскихъ бесѣдахъ. Но онъ говорилъ объ обычной человѣческой любви, а во мнѣ живетъ нѣчто особенное.

А в г у с т и н ъ .

Однако и другіе, можетъ быть, думаютъ о себѣ такъ же; дознано вѣдь, что какъ въ отношеніи другихъ страстей, такъ особенно въ отношеніи этой всякій судить о себѣ благосклонно; и не безъ основанія хвалятъ эти стихи, хотя и принадлежащіе какому-то простонародному поэту:

Своя у каждого невѣста: мнѣ—моя!

Своя у каждого зазноба: мнѣ—моя!

Францискъ.

Если хочешь и если позволяетъ время, я приведу тебѣ изъ многого лишь малость, которая повергнетъ тебя въ величайшее изумленіе.

Августинъ.

Или, ты думаешь, я не знаю, что

Сами влюбленные ткутъ изъ желанія сонную грезу?

Всякій школьникъ прекрасно знаетъ эти стихи. Но досадно слышать такія нелѣпости изъ устъ человѣка, которому пристало бы возвышеннѣе и мыслить, и говорить.

Францискъ.

Объ одномъ не могу умолчать, припишешь ли ты это благодарности или глупости: чѣмъ ты меня видишь, какъ бы мало это ни было, тѣмъ я сталъ благодаря ей, и если я достигъ какой-нибудь извѣстности или славы,—я не достигъ бы ихъ, когда бы она этими благородными чувствами не взрастила скудныя сѣмена добродѣтелей, которыя природа посѣяла въ моей груди. Она отвлекла,—какъ говорится, крючкомъ оттащила— мой юношескій духъ отъ всякой мерзости и принудила его смотрѣть горѣ. И почему бы нѣтъ? Вѣдь извѣстно, что любовь преображаетъ нравъ любящаго по образцу любимаго, а не нашелся еще ни одинъ хулитель, даже изъ самыхъ злобныхъ, который собачьимъ зубомъ коснулся бы ея добраго имени и осмѣлился бы сказать, что подмѣтилъ что-нибудь достойное порицанія— не говорю уже, въ ея поведеніи, но даже въ ея движеніяхъ и словахъ, такъ что даже тѣ, кто осуждаетъ все на свѣтѣ, уходили отъ нея преисполненные удивленія и почтенія. Поэтому нисколько не удивительно, что эта громкая слава возбудила и во мнѣ желаніе большей славы и облегчила мнѣ тотъ тяжкій трудъ, который я долженъ былъ свершить для достиженія этой цѣли. Ибо въ юности стремился ли я къ чему-нибудь другому, какъ не къ тому, чтобы понра-

виться ей одной, которая мнѣ одна понравилась? Чтобы достигнуть этого,—ты знаешь,—презрѣвъ соблазны всевозможныхъ наслажденій, я рано возложилъ на себя иго трудовъ и заботъ; и теперь ты велишь мнѣ забыть или меньше любить ту, которая удалила меня отъ общенія съ толпою, которая, руководя меня на всѣхъ путяхъ, подстрекала мой оцѣпенѣлый геній и пробудила мой полусонный духъ.

Августинъ.

Несчастный! Насколько лучше было бы тебѣ молчать, нежели говорить! Хотя я и въ молчаніи видѣлъ бы тебя насквозь, но самое твое заявленіе, дышащее такимъ упрямствомъ, подняло во мнѣ всю желчь.

Францискъ.

Почему, скажи?

Августинъ.

Потому что ложно мыслить есть признакъ невѣжества, а безстыдно упорствовать въ ложной мысли обличаетъ равно и невѣжество, и гордыню.

Францискъ.

Что же, по-твоему, я измыслилъ или сказалъ столь ложнаго?

Августинъ.

Все, что ты говоришь, въ особенности же твое утвержденіе, что благодаря ей ты сталъ тѣмъ, что ты есть. Если ты хочешь этимъ сказать, что она дала тебѣ все, что въ тебѣ есть, то это явная ложь; если же ты разумѣешь, что она не допустила тебя стать бѣльшимъ, нежели ты есть, то ты правъ. О, какихъ бурь могъ бы ты избѣгнуть, если бы она не отвлекла тебя чарами своей красоты! Итакъ, тѣмъ, что ты есть, ты обязанъ добротѣ природы, а чѣмъ ты могъ быть, то она похитила, вѣрнѣе ты самъ у себя отнялъ, ибо она безвинна. Ея красота казалась тебѣ столь обаятельной, столь сладкой, что палящимъ зноемъ желаній и непрерывными ливнями слезъ уничтожила всю жатву, которая

должна была бы взойти изъ врожденныхъ тебѣ сѣмянъ добродѣтели. Что касается того, будто она отвратила тебя отъ всего непристойнаго, то этимъ ты похваляешься ложно. Она отвратила тебя, можетъ быть, отъ многаго, но ввергла еще въ большія бѣдствія. Ибо ту, которая, заставляя тебя избѣгать постыднаго пути, усѣяннаго всевозможными мерзостями, завлекла тебя въ пропасть и, исцѣляя незначительныя раны, тѣмъ временемъ на смерть перерѣзала тебѣ горло,—можно ли ее назвать спасительницею, а не скорѣе убійцею? Именно такъ она, которую ты называешь своимъ вожатаемъ, ввергла тебя въ блистающую бездну, удержавъ отъ многихъ непотребствъ. Что же касается того, будто она научила тебя смотрѣть ввысь и отдѣлила отъ толпы, что же другое здѣсь было, какъ не то, что, сидя предъ нею и плѣненный ея очарованіемъ, ты приучился презирать все на свѣтѣ и всѣмъ пренебрегать,—а въ дѣлѣ человѣческаго общенія, какъ ты знаешь, это всего тягостнѣе. Далѣе, когда ты говоришь, что она заставила тебя предпринять безчисленные труды, то въ этомъ одномъ ты правъ; но такъ ли велика эта заслуга? Столь многообразны труды, отъ которыхъ уклониться невозможно; подумай же: какое безразсудство гнаться добровольно за новыми! А насчетъ того, что, какъ ты хвалишься, благодаря ей ты сталъ жаждать большей славы, то я сожалѣю о твоёмъ заблужденіи и докажу тебѣ, что изъ всѣхъ бременихъ, отягощающихъ твою душу, ни одно не было гибельнѣе для тебя. Но моя рѣчь еще не дошла до этого предмета.

Францискъ.

Самый искусный борецъ сперва грозитъ, затѣмъ ранить, меня же и рана, и угроза сразу такъ потрясли, что я начинаю уже сильно шататься.

Августинъ.

Насколько же сильнѣе ты зашатаешься, когда я нанесу тебѣ самую глубокую рану? Именно, та, которую ты превозносишь, ко-

торой, по твоимъ словамъ, ты обязанъ всѣмъ, она-то тебя и погубила.

Францискъ.

Великій Боже! какимъ образомъ ты убѣдишь меня въ этомъ?

Августинъ.

Она отдалила твою душу отъ любви къ вещамъ небеснымъ и отвратила твои желанія съ Творца на твореніе, а это и есть самая покатая дорога къ смерти.

Францискъ.

Прошу тебя, не спѣши произносить приговоръ. Любовь къ ней несомнѣнно побуждала меня любить Бога.

Августинъ.

Но извратила порядокъ.

Францискъ.

Какимъ образомъ?

Августинъ.

Ибо должно любить все сотворенное изъ любви къ Творцу, ты же, напротивъ, прельщенный чарами творенія, не любилъ Творца, какъ подобаеть его любить, а удивлялся художнику въ немъ, какъ если бы онъ не создалъ ничего болѣе прекраснаго; между тѣмъ тѣлесная красота есть низшій видъ красоты.

Францискъ.

Да будутъ миѣ свидѣтелями та, что присутствуетъ здѣсь, и моя совѣсть, что я любилъ, какъ я уже раньше сказалъ, не столько ея тѣло, сколько душу. И ты легко можешь увидѣть это изъ того, что чѣмъ далѣе она подвигалась въ возрастъ (а это наноситъ тѣлесной красотѣ непоправимый уронъ), тѣмъ прочнѣе я

утверждался въ своемъ мнѣніи, ибо, если цвѣтъ ея молодости явно увядалъ съ годами, зато красота ея души все болѣе возрастала, и эта-то красота, какъ родила во мнѣ любовь изначала, такъ разъ зародившуюся укрѣпила непоколебимо. Иначе, будь я привлеченъ ея тѣломъ, мое чувство давно должно было бы измѣниться.

Августинъ.

Ты шутишь со мною? Или эта самая душа такъ же правилась бы тебѣ, если бы она обитала въ неопрятномъ и уродливомъ тѣлѣ?

Францискъ.

Не смѣю сказать это, ибо душу нельзя видѣть и внѣшній видъ тѣла не общалъ бы тогда подобной души; но какъ бы ни была уродлива оболочка, я конечно полюбилъ бы красоту ея души, если бы эта красота предстала предъ моими очами.

Августинъ.

Ты ищешь опоры въ словахъ, ибо, если ты можешь любить только то, что является твоему взору, -- значитъ, ты любишь тѣло. Впрочемъ, я не отрицаю, что ея душа и нравы также до извѣстной степени питали твое пламя, такъ какъ вѣдь уже самое имя ея (о чемъ я скажу немного далѣе) нѣсколько или, вѣрнѣе, значительно усилило твою безумную страсть. Ибо какъ во всѣхъ душевныхъ страстяхъ, такъ особенно въ этой, отъ ничтожной искры часто вспыхиваетъ громадный пожаръ.

Францискъ.

Вижу, къ чему ты хочешь меня привести, -- чтобы я признался вмѣстѣ съ Овидіемъ:

Душу съ тѣломъ любилъ я.

Августинъ.

Ты долженъ будешь признаться и въ большемъ, именно, что

и то, и другое ты любилъ недостаточно трезво и не такъ, какъ подобаегь.

Францискъ.

Только пыткой ты сможешь вынудить у меня такое признаніе.

Августинъ.

Ты долженъ будешь признаться также, что изъ-за этой любви ты впалъ въ большія несчастія.

Францискъ.

Въ этомъ я не признаюсь, хотя бы ты поднялъ меня на дыбу.

Августинъ.

Между тѣмъ ты скоро по собственной волѣ признаешь и то, и другое, если только отнесешься со вниманіемъ къ моимъ доводамъ и вопросамъ. Итакъ, скажи: помнишь ли ты свои отроческіе годы, или воспоминаніе о томъ возрастѣ совсѣмъ угасло въ тебѣ подъ бременемъ нынѣшнихъ заботъ?

Францискъ.

Нѣтъ, дѣтство и отрочество стоятъ предъ моими глазами совершенно такъ, какъ вчерашній день.

Августинъ.

Помнишь ли, какъ силенъ былъ въ тебѣ о ту пору страхъ Божій, какъ много ты размышлялъ о смерти, какъ сильно былъ привязанъ къ вѣрѣ и какъ любилъ добродѣтель?

Францискъ.

Разумѣется, помню, и скорблю о томъ, что съ годами добродѣтели умалились во мнѣ.

Августинъ.

Я же и всегда опасался, какъ бы дуновеніе весны не сорвало

этого ранняго цвѣта, который, если бы уцѣлѣлъ, далъ бы въ свое время чудный плодъ.

Францискъ.

Не уклоняйся отъ предмета; какое отношеніе имѣеть это къ дѣлу, о которомъ мы начали говорить?

Августинъ.

Сейчасъ узнаешь. Разъ ты чувствуешь свою память ясной и свѣжей, обозри самъ въ себѣ молча все время твоей жизни и вспомни, когда началась эта глубокая переменна въ твоихъ нравахъ.

Францискъ.

Вотъ я въ одно мгновеніе ока пересмотрѣлъ число и порядокъ прожитыхъ мною лѣтъ.

Августинъ.

Что же ты нашель?

Францискъ.

Что ученіе о Пнеагорейской буквѣ ¹⁾, которое мнѣ привелось слышать, не лишено основанія. Дѣйствительно, когда, поднимаясь по прямой тропинкѣ, я дошелъ, скромный и разсудительный, до распутья двухъ дорогъ, и мнѣ было приказано идти по правой дорогѣ,—тогда, изъ неосторожности или упрямства, я свернулъ на лѣвую, и не принесли мнѣ пользы стихи, которые я часто читалъ въ отрочествѣ:

Вотъ и распутье, гдѣ на двѣ тропы расщепилась дорога.
Правая вьется стезя мимо стѣнь Плутонова дома;
Ею въ Элизій придемъ. На казнь идутъ нечестивцы
Лѣвой тропой; ихъ въ Тартаръ она преисподній низводитъ.

Дѣло въ томъ, что хотя я читалъ это раньше, но понялъ лишь тогда, когда испыталъ это на опытѣ. Съ тѣхъ поръ какъ меня

¹⁾ [По словамъ Лактанція, греческая буква „иисилонъ“ (Υ) признавалась у пнеагорейцевъ символомъ распутья, раздвоенія двухъ дорогъ—добродѣтели и порока.]

потянуло на этотъ кривой и нечистый путь, я часто со слезами оборачивался назадъ, но уже не могъ идти правой дорогою; и вотъ, когда я ее покинулъ, тогда-то, несомнѣнно, воцарилась эта неурядица въ моихъ нравахъ.

Августинъ.

Но въ какую пору твоей жизни случилось это?

Францискъ.

Въ разгарѣ юношескаго пыла, и если ты повременишь немного, я легко вспомню, какой мнѣ шелъ тогда годъ.

Августинъ.

Я не требую столь точнаго вычисленія. Лучше скажи мнѣ, когда ты впервые увидалъ черты той женщины?

Францискъ.

Этого-то я, конечно, никогда не забуду.

Августинъ.

Теперь сопоставь сроки.

Францискъ.

Въ самомъ дѣлѣ, эта встрѣча и мое паденіе произошли въ одно и то же время.

Августинъ.

Я получилъ, чего хотѣлъ. Ты, вѣроятно, остолбенѣлъ и необычный блескъ ослѣпилъ твой взоръ; вѣдь изумленіе, говорятъ, есть начало любви, оттого и сказано у поэта, хорошо знавшаго жизнь:

Глянула—и обомлѣла, дивясь, сидонянка Дидона,

и затѣмъ слѣдуетъ:

Глядитъ—пламенѣеть, и любить.

Хотя весь этотъ разсказъ, какъ ты хорошо знаешь, вымышленъ, однако поэтъ въ своемъ вымыслѣ соблюдать порядокъ природы. Но почему, оцѣпенѣвъ при встрѣчѣ съ нею, ты предпочелъ свернуть на лѣвый путь? Вѣроятно, потому, что онъ показался тебѣ болѣе отлогимъ и болѣе широкимъ, тогда какъ правый крутъ и тѣсенъ; другими словами, ты боялся усилій. Но почему, когда ты колебался и дрожалъ, эта знаменитая женщина, которую ты выдаешь за твоего надежнѣйшаго вожатая, не направила тебя къ высшимъ цѣлямъ и, какъ поступаютъ со слѣпыми, не удержала тебя, взявъ за руку, и не указала, куда надо идти?

Францискъ.

Она дѣлала это, сколько могла. Ибо что же другое, какъ не эта цѣль, заставило ее, не поддаваясь никакимъ мольбамъ, никакимъ сладкимъ рѣчамъ, соблюсти свою женскую честь и, наперекоръ своему, равно какъ и моему возрасту, наперекоръ многимъ различнымъ обстоятельствамъ, которыя могли бы смягчить и сердце, твердое какъ алмазь, остаться неприступной и твердой? По-истинѣ, эта женская душа учила меня долгу мужчины и предстояла мнѣ затѣмъ, чтобы въ трудной школѣ стыдливости, говоря словами Сенеки, у меня не было недостатка ни въ примѣрѣ, ни въ укоризнѣ; когда же, наконецъ, она увидѣла, что я разорвалъ узду и несусь стремглавъ, она предпочла оставить меня, нежели послѣдовать за мною.

Августинъ.

Значитъ, ты иногда желалъ зазорнаго, — а вѣдь ты только-что отрицалъ это. Но уже таково общеизвѣстное свойство влюбленныхъ или, вѣрнѣе, помѣшанныхъ; къ нимъ ко всѣмъ приложимы слова:

Хочу—не хочу, не хочу—хочу.

Вы сами не знаете, чего хотите, чего нѣтъ.

Францискъ.

Я нечаянно попался въ сѣти. Но если въ прежнее время я подчасъ желалъ иного, то къ этому меня толкали любовь и возрастъ; теперь же я знаю, чего хочу и къ чему стремлюсь, теперь я, наконецъ, укрѣпилъ свой колеблющійся духъ. Она-же, напротивъ, осталась твердою въ своихъ рѣшеніяхъ и всегда неизмѣнной. Чѣмъ болѣе я понимаю это женское постоянство, тѣмъ болѣе удивляюсь ему, и если нѣкогда меня огорчало, что она приняла такое рѣшеніе, то теперь я радъ и благодаренъ.

Августинъ.

Кто разъ обманулъ, тому въ другой разъ не слѣдуетъ легко вѣрить; тебѣ придется измѣнить свой характеръ, наружность и жизнь, прежде чѣмъ ты убѣдишь меня, что ты измѣнилъ свою душу. Можетъ быть, твое пламя нѣсколько утихло и ослабѣло, но оно не угасло. И ты, приписывающій столь многое предмету твоей любви, развѣ ты не замѣчаешь, какъ сильно ты осуждаешь себя, оправдывая ее? Тебѣ угодно выставить ее образцомъ святости: тѣмъ самымъ ты признаешь себя безумнымъ и преступнымъ; она по твоимъ словамъ, была въ высшей степени счастлива, ты же — глубоко несчастливъ любовью къ ней. Вѣдь съ этого, если помнишь, я и началъ.

Францискъ.

Помню, и не могу отрицать, что это такъ. Теперь я вижу куда ты незамѣтно привелъ меня.

Августинъ.

Для того, чтобы ты ясно видѣлъ это, напряги свое вниманіе. Ничто въ такой степени не порождаетъ забвенія Бога или презрѣнія къ нему, какъ любовь къ преходящимъ вещамъ, въ особенности та, которую собственно и обозначаютъ именемъ „лю-

бовь“ (что превосходить всякое кощунство), которую называют даже Богомъ, очевидно для того, чтобы сколько-нибудь извинить человеческое безуміе небеснымъ оправданіемъ и чтобы подъ видомъ божественнаго внушенія свободнѣе совершать этотъ страшный грѣхъ. Нельзя удивляться тому, что эта страсть имѣетъ такую силу въ человеческихъ сердцахъ; ибо въ другихъ страстяхъ васъ увлекаютъ наружный видъ вещи, надежда на наслажденіе или вспышка вашего собственнаго воображенія, въ любви же не только дѣйствуетъ все это, но еще присоединяется взаимность чувства, и если эта надежда вовсе потеряна, то и сама любовь неизбежно ослабѣваетъ; такъ что въ другихъ случаяхъ вы просто любите, здѣсь же любовь обоюдна, и смертное сердце какъ бы подстрекается взаимными шпорами. Повидимому, не даромъ наш Цицеронъ сказалъ, что изъ всѣхъ душевныхъ страстей безспорно ни одна не лютеѣ любви, и, очевидно, онъ былъ твердо убѣжденъ въ этомъ, если прибавилъ: безспорно; вѣдь онъ же въ четырехъ книгахъ защищалъ Академію, сомнѣвавшуюся во всемъ.

Францискъ.

Я часто замѣчалъ это мѣсто и удивлялся тому, что онъ называлъ любовь лютеѣшею изъ всѣхъ страстей.

Августинъ.

Ты вовсе не удивлялся бы этому, если бы забвеніе не овладѣло твоей душой. Но краткаго напомниманія будетъ довольно, чтобы ты вспомнилъ многія горести. Подумай только: съ тѣхъ поръ какъ эта чума охватила твой умъ, ты внезапно весь изошелъ въ стонахъ и дошелъ до такого жалкаго состоянія, что съ пагубнымъ сладострастіемъ упиваешься своими слезами и вздохами. Твои ночи были безсонны, всю ночь напролетъ въ твоихъ устахъ было имя любимой, ты презиралъ все на свѣтѣ, ненавидѣлъ жизнь и жаждалъ смерти, искалъ печальнаго уединенія и бѣжалъ людей,

такъ что о тебѣ не съ меньшимъ правомъ, нежели о Беллерофонтѣ, можно было сказать словами Гомера:

Онъ по равнинѣ Скитаній блуждалъ, одинокъ, и, тоскуя,
Самъ себѣ сердце снѣдалъ, и стези убѣгалъ челоуѣчьей.

Отсюда блѣдность и худоба и преждевременное увяданіе молодости, далѣе — печальные и вѣчно влажные отъ слезъ глаза, помраченный умъ и безпокойные сны и жалобные стоны во снѣ, слабый голосъ, хриплый отъ печали, и прерывистая, запинаящаяся рѣчь, и всевозможные другіе признаки крайняго смятенія и горя. Это ли, по-твоему, примѣты здоровья? Не она ли создавала и кончала для тебя дни праздничные и дни печали? Съ ея приходомъ всходило солнце, съ ея уходомъ возвращалась ночь; когда мѣнялось выраженіе ея лица, мѣнялось и твое настроеніе; ты становился веселъ или печаленъ смотря по тому, была ли она весела или печальна; наконецъ, ты всецѣло зависѣлъ отъ ея воли. Ты знаешь, что я говорю правду, и даже извѣстную всѣмъ. И—верхъ безразсудства: не довольствуясь видомъ ея живого лица, ввергнаго тебя во всѣ эти бѣды, ты добылъ себѣ его изображеніе, созданное талантомъ знаменитаго художника, чтобы имѣть возможность всюду носить его съ собою, предлогъ для неизсякаемыхъ слезъ. Вѣроятно опасаясь, чтобы не изсякъ ихъ источникъ, ты съ величайшимъ усердіемъ изыскивалъ всевозможныя средства, будучи небрежнымъ и безпечнымъ во всемъ остальномъ. А чтобы достигнуть вершины твоего безумія, перейдемъ къ тому, чѣмъ я тебѣ недавно грозилъ. Можно ли достаточно осудить или достаточно надивиться на этотъ бредъ твоего обезумѣвшаго духа, что, не меньше очарованный ея именемъ, чѣмъ блескомъ тѣла, ты съ невѣроятнымъ тщеславіемъ лелѣялъ все, что было созвучно ему? Почему ты такъ страстно любилъ какъ кесарскіе, такъ и поэтическіе лавры, если не потому, что она носила это имя? Съ тѣхъ поръ изъ-подъ твоего пера не вышло почти ни одного стихотворенія, въ которомъ не упоминалось бы о лаврѣ, какъ

если бы ты обиталъ близъ водъ Пеней, или былъ жрецомъ въ горахъ Кирры. Наконецъ, такъ какъ нелѣпо было надѣяться на кесарскій вѣнецъ, ты столь же нескромно, какъ ты любилъ самую возлюбленную, желалъ со страстью и домогался поэтическихъ лавровъ, на которые тебѣ давало право разсчитывать достоинство твоихъ трудовъ; и хотя къ стяжанію вѣнца несли тебя крылья твоего таланта,—ты содрогнешься, когда вспомнишь про себя, съ какими усиліями ты достигъ его. Я хорошо знаю, какой отвѣтъ готовъ у тебя, и пока ты еще только открываешь ротъ, размышляя,—вижу, что дѣлается въ твоей душѣ. Именно, ты размышляешь о томъ, что этимъ научнымъ занятіямъ ты предался нѣсколько раньше, нежели вспыхнула въ тебѣ любовь, и что это поэтическое отличіе прельщало твой духъ уже въ отроческіе годы. Я это знаю и не отрицаю этого, но и устарѣлость этого обычая въ теченіе многихъ вѣковъ, и то, что нынѣшній вѣкъ неблагопріятенъ для такихъ трудовъ, и опасности далекихъ путешествій, приводившихъ тебя къ порогу не только тюрьмы, но даже смерти, и другія не менѣе тяжкія превратности судьбы замедлили бы или, можетъ быть, даже поколебали бы твое рѣшеніе, если бы память о сладостномъ имени, непрестанно тревожа твой духъ, не вытѣснила изъ него всѣхъ прочихъ замысловъ и не повлекла тебя чрезъ земли и моря, межъ столькихъ подводныхъ камней, въ Римъ и Неаполь, гдѣ ты, наконецъ, получилъ то, чего такъ пламенно желалъ. Если все это кажется тебѣ проявленіемъ умѣренной страсти, то я долженъ буду признать, что ты объятъ безмѣрнымъ бѣшенствомъ. Я съ умысломъ оставляю въ сторонѣ то, что Цицеронъ не постѣснился позаимствовать изъ Теренціева Евнуха, гдѣ сказано:

Въ любви не тьма-ль пороковъ: подозрѣній, ссоръ,
Обидъ и перемирій? Вновь горитъ война,—
И снова миръ.

Узнаешь ли въ его словахъ твои неистовства, особенно ревность,

которая, какъ извѣстно, занимаетъ первое мѣсто въ любви, какъ любовь занимаетъ первое мѣсто среди страстей? Но ты возразишь мнѣ, можетъ быть, такими словами: „Я не отрицаю, что это такъ, но у меня есть разумъ, власть котораго можетъ умѣрить эти пороки“. Но Теренцій предусмотрѣлъ твой отвѣтъ, прибавивъ:

Коль хочешь дѣлать съ толкомъ безтолковое,
Нелѣпное осмысленно,—не значить ли:
Съ умою, пріятель, вздумалъ ты съ ума сойти?

Это замѣчаніе, которое ты, безъ сомнѣнія, признаешь глубоко правильнымъ, преграждаетъ путь, если не ошибаюсь, всѣмъ твоимъ изворотамъ. Таковы и этимъ подобны напасти любви, коихъ точное перечисленіе для испытавшаго ее было бы ненужно, для неиспытаннаго неправдоподобно. Главнѣйшее же изъ всѣхъ несчастій (я возвращаюсь къ предмету моей рѣчи)—то, что любовь заставляетъ человѣка забыть какъ Бога, такъ и себя самого, ибо какимъ образомъ духъ, согбенный подъ бременемъ столькихъ золь, можетъ добратся ползкомъ до этого единственнаго и чистѣйшаго источника подлиннаго добра? А разъ это такъ, то перестань удивляться тому, что никакая другая страсть души не казалась Туллію болѣе сильной.

Францискъ.

Признаюсь, я побѣжденъ, ибо все, что ты говоришь, кажется мнѣ почерпнутымъ изъ книги опыта. Такъ какъ ты упомянулъ о Теренціевомъ Евнухѣ, то да будетъ мнѣ позволено вставить здѣсь жалобу, взятую изъ того же мѣста:

О, дѣло недостойное! Какъ жалокъ я!
Постыла страсть, а я—горю! Погибъ,—но живъ!
Все вижу, знаю,—и не знаю, какъ мнѣ быть!

И я хочу просить у тебя совѣта словами того же поэта:

Пока есть время, такъ и сякъ умою раскнишь.

А в г у с т и н ъ .

А я отвѣчу тебѣ словами Теренція же:

Въ которомъ дѣлѣ толка нѣтъ, ни лада нѣтъ,
Совѣтъ разумный въ дѣлѣ томъ не надобенъ.

Ф р а н ц и с к ѣ .

Что же мнѣ дѣлать? Или предаться отчаянію?

А в г у с т и н ъ .

Раньше должно все испробовать. Выслушай теперь въ краткихъ словахъ мой обдуманый совѣтъ. Ты знаешь, что объ этомъ предметѣ существуютъ не только отдѣльныя разсужденія, составленныя выдающимися философами, но и цѣлыя книги, сочиненныя знаменитыми поэтами. Было бы оскорбительно указывать тебѣ въ особенности, учительствующему въ этой области, гдѣ слѣдуетъ искать и какъ должно понимать ихъ; но, можетъ быть, не лишнимъ будетъ объяснить тебѣ, какимъ образомъ прочитанное и понятое можетъ быть примѣнено къ твоему спасенію. Прежде всего, по словамъ Цицерона, нѣкоторые полагаютъ, что старую любовь слѣдуетъ выбивать новою, какъ гвоздь гвоздемъ; это мнѣніе раздѣляетъ и знатокъ въ дѣлѣ любви, Овидій, провозглашая, какъ общее правило:

Найденъ наслѣдникъ любви,—прежняя страсть умерла;

и это несомнѣнно такъ, ибо душа, раздираемая на части и обуреваемая многими желаніями, слабѣе влечется къ каждой отдѣльной вещи. Такъ, говорятъ, Гангъ былъ раздѣленъ персидскимъ царемъ на безчисленные рукава, и превратился изъ одной грозной рѣки во множество безопасныхъ ручьевъ; такъ чрезъ разбросанный отрядъ врагъ легко прорывается; такъ, раскинутый, слабѣетъ пожаръ; словомъ, всякая сила въ единствѣ растетъ, въ дробленіи умалется. Однако можно весьма опасаться, какъ бы, отрѣшившись отъ единой и, если позволительно такъ сказать, болѣе благородной

страсти, ты не сталъ добычею нѣсколькихъ и не превратился изъ влюбленнаго—въ женолюбца, вѣтрогона и гуляку. А, по моему мнѣнію, если гибель неизбѣжна, утѣшительно погибнуть отъ болѣе благородной болѣзни. Ты спрашиваешь, что же я тебѣ посоветую?—Я не сталъ бы порицать тебя, если бы ты собрался съ духомъ и попробовалъ убѣжать и переходить изъ темницы въ темницу, ибо тогда можно было бы надѣяться, что въ этихъ переходахъ ты, можетъ быть, обрѣтешь свободу или попадешь подъ болѣе легкую власть; но, вырвавъ шею изъ одного ярма, влачить ее по безчисленнымъ рабствамъ одно другого гнуснѣе,—этого я не хвалю.

Францискъ.

Позволишь ли, чтобы больной, знающій свою болѣзнь, прервалъ немногими словами рѣчь врача?

Августинъ.

Почему же не позволить? Не разъ врачи находили подходящія средства, руководясь словами больныхъ, какъ извѣстными указаніями.

Францискъ.

Итакъ, знай это одно—что ничего другого я не могу любить; мой духъ привыкъ ей удивляться, глаза привыкли смотреть на нее, и все, что не она, имъ кажется безобразнымъ и тусклымъ. Поэтому, приказывая мнѣ любить другую, чтобы тѣмъ освободиться отъ моей любви, ты ставишь мнѣ неисполнимое условіе; тогда, конечно, я погибъ.

Августинъ.

Твой вкусъ притупленъ, аппетитъ исчезъ. Итакъ, разъ ты ничего не можешь принять внутрь, необходимо примѣнить къ тебѣ наружныя лѣкарства. Можешь ли ты рѣшиться бѣжать или уйти въ изгнаніе и жить, не видя знакомыхъ мѣсть?

Францискъ.

Могу, хотя она удерживаетъ меня крѣпчайшими узами.

Августинъ.

Если ты сможешь это, ты выздоровѣешь; и потому я не могу сказать тебѣ ничего другого, какъ только стихъ Вергилія, нѣсколько измѣненный:

Доловъ любезныхъ бѣги, бѣги вождельнаго брега.

Ибо можешь ли ты когда-нибудь найти безопасность въ этихъ мѣстахъ, гдѣ столь многочисленны слѣды твоихъ ранъ, гдѣ и видъ нынѣшняго, и воспоминаніе о минувшемъ лишаютъ тебя покоя? Какъ говорить тотъ же Цицеронъ, тебя придется лѣчить, подобно выздоравливающимъ больнымъ, перемѣною мѣста.

Францискъ.

Прошу тебя, подумай, что ты приказываешь мнѣ! Сколько разъ, страстно желая выздоровѣть и зная объ этомъ средствѣ, я снова и снова пытался бѣжать, и хотя я притворно выставлялъ различныя причины, но единственной цѣлью всѣхъ моихъ странствованій и сельскаго затворничества всегда была свобода. Въ погонѣ за нею я далеко блуждалъ по Западу и Сѣверу до границъ самого Океана, и ты видишь, сколько это мнѣ помогло. Поэтому меня часто поражало Вергиліево уподобленіе:

Такъ лань, уязвленная острымъ желѣзомъ
(Издали, въ критскихъ лѣсахъ, безпечную жаломъ летучимъ
Пастырь сразилъ невзначай, каленую стрѣлу наудачу
Съ лука тугого спутивъ),—по дебрямъ скачетъ Диктейскимъ,
Дикая, мучима тростью смертельною, бокъ ей пронзившей.

Я сталъ похожъ на этого оленя: я бѣгу, но всюду ношу съ собою свое несчастіе.

Августинъ.

Ты самъ отвѣтилъ себѣ на тотъ вопросъ, который ставишь мнѣ.

Францискъ.

Какимъ образомъ?

Августинъ.

Ибо, ежели человекъ носить съ собою свое несчастье, то перемѣна мѣстъ не исцѣляетъ его, а лишь усиливаетъ его усталость. Поэтому не безъ основанія можно сказать тебѣ то самое, что сказалъ Сократъ одному юношѣ, который жаловался, что путешествіе не принесло ему никакой пользы: „Это потому, что ты путешествовалъ съ собою“. Ты долженъ, прежде всего, сбросить съ себя это старое бремя твоихъ заботъ и подготовить свой духъ, и потомъ уже бѣжать, ибо дознано на опытъ, что какъ въ тѣлесныхъ, такъ и въ духовныхъ недугахъ лѣчебное средство безсилно, если больной не предрасположенъ къ нему. Иначе, хотя бы ты проникъ до крайнихъ предѣловъ Индіи, ты всегда долженъ будешь признать, что Флаккъ былъ правъ, сказавъ:

Небо, не душу мѣняють въ заморскихъ чужбинахъ скитальцы.

Францискъ.

Я совершенно сбить съ толку. Указывая мнѣ способы лѣченія и исцѣленія души, ты говоришь, что я долженъ сначала лѣчить и исцѣлить ее, и уже потомъ бѣжать. Но душа о томъ и недоумѣваетъ, какъ ее слѣдуетъ лѣчить? Ибо, разъ она исцѣлена, что же еще требуется? Если же она не исцѣлена,—къ чему перемѣна мѣстъ? То, что ты отъ себя прибавилъ, не уясняетъ дѣла. Скажи опредѣленно, къ какимъ лѣкарствамъ должно прибѣгнуть?

Августинъ.

Не лѣчить и исцѣлить, сказалъ я, а подготовить слѣдуетъ душу. Впрочемъ, либо она будетъ исцѣлена, и тогда перемѣна мѣстъ сможетъ сохранить ей прочное здоровье, либо она еще не будетъ исцѣлена, но только подготовлена,—тогда перемѣна мѣстъ дастъ ей здоровье; если же она не будетъ ни излѣчена, ни под-

готовлена, то эти скитанія, эти частыя передвиженія съ мѣста на мѣсто будутъ только раздражать ея боль. Я и здѣсь возьму въ свидѣтели Флакка:

Если твой умъ не отгонитъ заботъ,—черныхъ думъ не разгонитъ
Выступъ надменный земли, надъ морскимъ кругозоромъ царящей.

И по-истинѣ такъ. Ты уѣдешь, преисполненный надежды и желанія вернуться, влача съ собою всѣ оковы своей души; гдѣ бы ты ни былъ, куда бы ни обернулся, ты всюду будешь видѣть лицо и слышать слова оставленной; отсутствуя—ибо таково плачевное преимущество любящихъ,—ты будешь слышать и видѣть отсутствующую. И ты думаешь, что такими увертками можно потушить любовь? Вѣрь мнѣ—она только сильнѣе разгорается съ обѣихъ сторонъ. Потому-то люди свѣдущіе въ дѣлѣ любви, между прочимъ, совѣтуютъ любовникамъ время отъ времени разставаться на короткіе сроки, во избѣжаніе того, чтобы скука постоянного взаимнаго присутствія и ухаживанія не сдѣлала ихъ равнодушными другъ къ другу. Къ этому-то я тебя склоняю, это совѣтую и приказываю: научи свою душу сбросить гнетущее ее бремя, и такъ, безъ надежды на возвращеніе, уходи; тогда ты увидишь, какъ полезна разлука для исцѣленія души. Вѣдь, если бы, попавъ въ зараженное, вредное для твоего тѣла мѣсто, ты жилъ тамъ тревожною жизнью, въ постоянныхъ болѣзняхъ,—развѣ ты не бѣжалъ бы оттуда съ тѣмъ, чтобы никогда не вернуться? Или — чего я сильно опасаюсь—люди больше заботятся о своемъ тѣлѣ, нежели о своей душѣ?

Францискъ.

На этотъ вопросъ пусть отвѣтитъ человѣческой родъ, а въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, что если бы я, по винѣ мѣстности, подвергся болѣзнямъ, я постарался бы избавиться отъ нихъ посредствомъ переселенія въ болѣе здоровое мѣсто, и еще гораздо болѣе я желалъ бы этого при духовныхъ болѣзняхъ. Но ихъ, я вижу, гораздо труднѣе лѣчить.

А в г у с т и н ъ .

Единогласное свидѣтельство великихъ философовъ удостовѣряетъ, что это мнѣніе ложно. Вотъ доказательство: всякая болѣзнь души можетъ быть излѣчена, если только больной не противится тому, тогда какъ многія тѣлесныя болѣзни не могутъ быть излѣчены никакими средствами. Во всякомъ случаѣ—чтобы не слишкомъ отвлекаться отъ темы—я настаиваю на своемъ мнѣніи, что необходимо приготовить душу, научить ее отказаться отъ того, что она любитъ, и не оборачиваться назадъ, и не смотрѣть на то, къ чему она привыкла. Только въ такомъ случаѣ путешествіе есть вѣрное средство для влюбленного, и если ты хочешь исцѣлить свою душу, ты поймешь, что долженъ поступить именно такимъ образомъ.

Ф р а н ц и с к ъ .

Чтобы показать тебѣ, что я понялъ все сказанное тобою, повторю: неподготовленной душѣ путешествія не приносятъ никакой пользы, подготовленную исцѣляютъ, исцѣленную охраняютъ. Не таковъ ли смыслъ твоего тройственного завѣта?

А в г у с т и н ъ .

Именно таковъ, и ты хорошо сжимаешь мою пространную рѣчь.

Ф р а н ц и с к ъ .

Вѣрность первыхъ двухъ положеній я понялъ бы собственнымъ разумніемъ, хотя бы никто не доказывалъ мнѣ ихъ; что же касается третьяго, то не постигаю, зачѣмъ нужна разлука душѣ уже исцѣленной и поставленной въ безопасное положеніе, развѣ только эти слова внушены тебѣ опасеніемъ, чтобы болѣзнь не вернулась.

А в г у с т и н ъ .

Или это кажется тебѣ маловажнымъ? Если и въ тѣлесныхъ недугахъ надо бояться возврата болѣзни, насколько же болѣе должно

опасаться его въ душевныхъ недугахъ, гдѣ онъ и возможнѣе, и опаснѣй? Сенека едва ли написалъ что-либо болѣе спасительное и согласное съ природою, чѣмъ эти строки въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Если кто хочетъ избавиться отъ любви, онъ долженъ избѣгать всего, что можетъ напомнить ему о любимомъ тѣлѣ“,—и онъ указываетъ причину: „Ибо ничто не возвращается легче, чѣмъ любовь“. О, какъ вѣрны эти слова, почерпнутыя изъ глубочайшаго опыта! Въ этомъ дѣлѣ я не предпочту имъ никакого другого свидѣтельства.

Францискъ.

Я также признаю ихъ вѣрными. Но замѣть: они относятся не къ тѣмъ, кто уже избавился отъ любви, а къ тѣмъ, кто хочетъ избавиться.

Августинъ.

Они относятся къ тѣмъ, кому всего болѣе грозитъ опасность. Ибо всякую рану всего опаснѣе беречь передъ зарубцеваніемъ, всякую болѣзнь—передъ выздоровленіемъ. Но если раньше беречь опаснѣе, то и позже небрежность не остается безнаказанной. И такъ какъ примѣры изъ собственной жизни глубже проникаютъ въ душу, —вспомни, какъ часто ты самъ, говорящій здѣсь со мною, въ тѣ дни, когда ты уже считалъ себя исцѣленнымъ (и ты былъ бы въ значительной мѣрѣ исцѣленъ, если бы бѣжалъ), бродилъ по знакомымъ улицамъ этого самаго города, который былъ—не скажу причиною, но ареною всѣхъ твоихъ бѣдствій, и самый видъ мѣстъ напоминалъ тебѣ твои былыя суетности, хотя никакая встрѣча не возбуждала въ тебѣ изумленія, и ты вздыхалъ, и останавливался, и, наконецъ, едва сдерживая слезы, полубольной, бѣжалъ далѣе, и говорилъ себѣ: „Вижу,—еще скрываются въ этихъ мѣстахъ какія-то невѣдомыя засады стараго врага; здѣсь все еще вѣетъ былою смертью“. Итакъ, если хочешь послушаться меня, --хотя бы ты и былъ исцѣленъ (а ты еще очень

далекъ отъ исцѣленія), я не совѣтоваль бы тебѣ дольше жить въ этихъ мѣстахъ, ибо не слѣдуетъ узнику, только-что сбросившему оковы, бродить у воротъ тюрьмы, гдѣ господинъ упорно, не зная сна, ходитъ взадъ и впередъ, разставляя западни для поимки тѣхъ, чье бѣгство его особенно печалить:

Легко нисхождение къ Аверну:
Денно и ноцно зіяють разверстыя сумрака двери.

Если, какъ я сказалъ, эти предосторожности требуются даже для здоровыхъ, то насколько важнѣе онѣ для тѣхъ, которые еще не избавились отъ болѣзни! Именно ихъ имѣлъ въ виду Сенека, говоря тѣ слова. Онъ обратилъ свой совѣтъ къ тѣмъ, кому грозитъ наибольшая опасность, ибо излишне было бы говорить о тѣхъ, кто горитъ полнымъ пламенемъ и не думаетъ о спасеніи; онъ имѣлъ въ виду ближайшій къ нимъ разрядъ—людей, которые еще пылаютъ, но уже намѣреваются выйти изъ пламени. Не разъ выздоравливающимъ вредитъ ничтожный глотокъ воды, который до болѣзни принесъ бы имъ пользу; не разъ усталого опрокидываетъ слабый толчокъ, который въ полнотѣ силъ онъ перенесъ бы не шелохнувшись. А какъ мало нужно подчасъ, чтобы снова свергнуть въ бездну золь возрождающуюся душу! Стбитъ увидѣть пурпуръ на плечахъ другого — и честолюбіе воскресаетъ; видъ кучи монетъ возрождаетъ жадность къ деньгамъ, видъ красиваго тѣла воспламеняетъ похоть, легкое движеніе глазъ пробуждаетъ дремлющую любовь. Вслѣдствіе вашего безразсудства эти заразы легко проникаютъ въ ваши души, а разъ узнавъ дорогу, тѣмъ легче возвращаются. Въ виду этого ты долженъ не только оставить зачумленное мѣсто, но и съ величайшимъ стараніемъ избѣгать всего, что влечетъ душу къ прежнимъ помысламъ, чтобы, подобно Орфею, уходя изъ ада и оглянувшись назадъ, не потерять сызнава только-что добытаго здоровья. Такова сущность моего совѣта.

Францискъ.

Принимаю его и благодарю тебя, ибо чувствую, что лѣкарство соотвѣтствуетъ моей болѣзни. Я уже намѣреваюсь бѣжать, но колеблюсь, куда предпочтительно направить свои стопы.

Августинъ.

Многіе пути открыты тебѣ во всѣ стороны, много пристаней окрестъ. Знаю, что болѣе всего тебѣ нравится Италія и что любовь къ родному мѣсту врождена тебѣ. Да и не даромъ:

Вѣдь ни лѣса изобильной земли Мидійской, ни доли
Ганга-ль прекраснаго, Герма-ль, влекущаго иль златоносный,
Славою не побѣдятъ Италіи! Нѣтъ, не сравнятся
Бактры, ни Индія съ ней, ни страна благовоній — Сабей!

Смыслъ этихъ словъ великаго поэта, столь же краснорѣчивыхъ, какъ и вѣрныхъ, ты недавно развилъ подробно въ поэмѣ, обращенной къ одному изъ твоихъ друзей. Поэтому я совѣтую тебѣ избрать Италію, ибо таковы нравы ея обитателей, небо, окружность омывающаго ее моря, гряды Апеннинъ, пересѣкающія ея берега, и мѣстоположеніе всѣхъ ея населенныхъ мѣстъ, что никакое другое пристанище не можетъ быть болѣе благопріятно для твоихъ заботъ. Но я не хотѣлъ бы запереть тебя въ одномъ уголкѣ ея. Иди свободно, куда повлечетъ тебя душа, иди безъ страха и поспѣшно, не оборачивайся назадъ, забудь прошлое и стремись все впередъ и впередъ. Уже слишкомъ долго ты живешь внѣ отечества и себя самого: пора тебѣ вернуться домой, ибо уже вечерѣетъ,—остерегаю тебя твоими же словами,—а ночь дружна съ грабителями. Мнѣ остается сказать еще одно, о чемъ я едва не забылъ: помни,—ты долженъ до тѣхъ поръ избѣгать одиночества, пока не почувствуешь, что въ тебѣ не осталось никакихъ слѣдовъ твоей болѣзни. Когда ты сказалъ, что сельское отшельничество нисколько не помогало тебѣ, я вовсе не удивился этому. Ибо какое лѣкарство, скажи, могъ бы ты

найти въ уединенной и далекой деревнѣ? Признаюсь, не разъ, когда ты скрывался тамъ, одинъ, вздыхая, и все обращалъ свои взоры къ городу, я сверху смѣялся надъ тобою и говорилъ себѣ: „Вотъ до чего любовь повергла этого несчастнаго въ мертвенное оцѣпенѣніе и выбила изъ его памяти стихи, прекрасно извѣстные всякому школьнику. Убѣгая отъ своей болѣзни, онъ мчится къ смерти“.

Францискъ.

Ты былъ совершенно правъ. Но на какіе стихи ты намекаешь?

Августинъ.

Они принадлежатъ Назону.

Бойтесь уединенья, влюбленные! Не удаляйтесь!
Мило безлюдье? Въ толпѣ меньше опасностей вамъ.

Францискъ.

Помню какъ нельзя лучше. Они почти съ дѣтства были мнѣ хорошо извѣстны.

Августинъ.

Что пользы въ томъ, что ты многое зналъ, разъ ты не умѣлъ примѣнять твои знанія къ твоимъ нуждамъ? Я же тѣмъ болѣе удивлялся твоему безразсудному исканію одиночества, что ты зналъ и доводы древнихъ противъ него, и самъ прибавилъ новые. Въ самомъ дѣлѣ, ты часто жаловался на то, что одиночество не приноситъ тебѣ никакой пользы; эту жалобу ты выразилъ во многихъ мѣстахъ, особенно же въ той поэмѣ, гдѣ ты съ необыкновенной прелестью воспѣлъ состояніе своей души; я наслаждался ея сладостью, пока ты слагалъ ее, и изумлялся, какъ можетъ среди душевныхъ бурь исходить изъ устъ одержимаго столь сладкозвучная пѣснь и какъ сильна должна быть любовь Музы, если онѣ не бѣгутъ изъ привычнаго жилища, оскорбленные столькими тревогами и такимъ отчужденіемъ хозяина; ибо слова

Платона: „Кто владѣеть своимъ разсудкомъ, тщетно стучится въ двери поэзіи“, и слова его преемника Аристотеля, что не бываетъ великаго дарованія безъ примѣси безумія, касаются другого и непримѣнимы къ этимъ изступленіямъ. Но объ этомъ въ другой разъ.

Францискъ.

Я признаю, что это правда, но я не думалъ, что написалъ что-либо благозвучное, что могло бы нравиться тебѣ; теперь я начинаю любить ту поэму. Но если у тебя есть еще другое лѣкарство, прошу тебя, не утай его отъ человѣка, нуждающагося въ немъ.

Августинъ.

Излагать все, что знаешь, свойственно скорѣе хвостуну, нежели другу, подающему совѣтъ. Такъ много лѣкарствъ противъ внутреннихъ и внѣшнихъ болѣзней придумано не для того, чтобы употреблять ихъ всѣ вмѣстѣ, смѣшивая, при одной и той же болѣзни (ибо, какъ говорить Сенека Люцилію: „Ничто не препятствуетъ выздоровленію въ такой степени, какъ частая перемѣна лѣкарствъ, и рана не заживаетъ, если ее пробуютъ лѣчить всевозможными снадобьями), но для того, чтобы, если одно оказывается недѣйствительнымъ, примѣнить другое. Итакъ, несмотря на то, что противъ этой болѣзни существуетъ много различныхъ лѣкарствъ, однако я удовольствуюсь немногими изъ нихъ, сочетаю преимущественно тѣ, которыя, по моему мнѣнію, должны всего лучше помочь тебѣ, при чемъ цѣль моя -- не научить тебя чему-либо новому, а только указать тебѣ, какія изъ общеизвестныхъ лѣкарствъ на мой взглядъ всего полезнѣе. Есть три средства,—говоритъ Цицеронъ,—которыя способны отвратить душу отъ любви: пресыщеніе, стыдъ и размышленіе; можно было бы насчитать ихъ и больше, и меньше, но чтобы не разойтись со столь авторитетнымъ суждею, согласимся, что ихъ три. О первомъ было бы излишне говорить, такъ какъ ты, конечно, возразилъ бы, что при

данномъ положеніи вещей для тебя никогда не можетъ наступить пресыщеніе въ любви. Однако, если бы страсть слушалась разума и умозаключала о будущемъ по прошлому, ты легко призналъ бы, что и наиболѣе любимый предметъ можетъ въ концѣ-концовъ вызвать не только пресыщеніе, но даже скуку и отвращеніе. Но я уже по опыту знаю, что по этой тропинкѣ мнѣ бесполезно идти, такъ какъ, даже признавъ, что пресыщеніе въ любви возможно и что, разъ возникнувъ, оно убиваетъ любовь, ты будешь однако утверждать, что твоя пламенная страсть какъ нельзя болѣе далека отъ пресыщенія, и я самъ долженъ былъ бы согласиться съ этимъ. Итакъ, мнѣ остается говорить только о двухъ остальныхъ. Я полагаю, ты не станешь отрицать, что природа надѣлила тебя душою благородной и скромной?

Францискъ.

Если я не ошибаюсь, судя самъ о себѣ, это до такой степени вѣрно, что я не разъ страдалъ при мысли, какъ мало я подхожу и къ своему полу, и къ этому вѣку, гдѣ, какъ видишь, все достается безстыднымъ — почести, надежды, богатства, превозмогающія и добродѣтель, и счастье.

Августинъ.

Итакъ, развѣ ты не видишь, насколько противорѣчатъ другъ другу любовь и стыдливость? Въ то время, какъ первая подстрекаетъ духъ, вторая сдерживаетъ его: первая вонзаетъ шпоры, — вторая натягиваетъ узду; первая ни на что не смотритъ, — вторая непрестанно озирается кругомъ.

Францискъ.

Конечно, вижу, и глубоко скорблю о томъ, что меня разрывають столь разнородныя чувства. Они одолеваяютъ меня поочередно съ такой силой, что, кидаемый бурями духа то туда, то сюда, я до сихъ поръ не знаю, какому чувству отдаться всецѣло.

А в г у с т и н ѣ .

Скажи пожалуйста,—съ твоего позволенія,—глядѣлся ли ты недавно въ зеркало?

Ф р а н ц и с к ѣ .

Къ чему этотъ вопросъ? Иногда гляжусь.

А в г у с т и н ѣ .

О, если бы ты глядѣлся не чаще и не пристальнѣе, чѣмъ подобаесть! Но я хочу спросить тебя: не видишь ли ты, что твое лицо мѣняется съ каждымъ днемъ, и не замѣтилъ ли, что на твоихъ вискахъ мѣстами серебрятся сѣдые волосы?

Ф р а н ц и с к ѣ .

Я думалъ, что ты хочешь сказать мнѣ что-нибудь особенное, а расти, старѣть и умирать есть общая участь всего, что рождается. Я замѣтилъ на себѣ то же, что вижу почти на всѣхъ своихъ сверстникахъ; впрочемъ, не знаю, почему люди теперь раньше старѣются, чѣмъ въ былыя времена.

А в г у с т и н ѣ .

Чужая старость не вернетъ тебѣ молодости, и чужая смерть не дастъ тебѣ безсмертія; поэтому я оставляю другихъ въ сторонѣ и возвращаюсь къ тебѣ. Итакъ, скажи: видъ твоего измѣнившагося тѣла вызвалъ ли какое-нибудь измѣненіе въ твоей душѣ?

Ф р а н ц и с к ѣ .

Правда, онъ взволновалъ ее, но не измѣнилъ.

А в г у с т и н ѣ .

Что же ты почувствовалъ тогда и что сказалъ?

Ф р а н ц и с к ѣ .

Что иное, по твоему мнѣнію, я могъ сказать, какъ не слова императора Домиціана: „Спокойно несу старѣющіе въ юности во-

лосы“. Примѣръ такого человѣка утѣшилъ меня относительно моихъ немногихъ сѣдыхъ волосъ, а къ кесарю я прибавилъ еще царя; ибо Нума Помпилій, который вторымъ носилъ вѣнецъ среди римскихъ царей, былъ, говорятъ, съ юности сѣдъ. Нашелся примѣръ и среди поэтовъ, такъ какъ нашъ Вергилій, въ своихъ Буколикахъ, написанныхъ имъ, какъ извѣстно, на тридцать второмъ году жизни, сказалъ о самомъ себѣ въ лицѣ пастуха:

Въ годы, когда подъ желѣзомъ брада упала, бѣлѣя.

А в г у с т и н ъ.

У тебя примѣровъ тьма; о, если бы не меньше было у тебя и такихъ, которые побуждали бы тебя думать о смерти! Ибо я не одобряю тѣхъ примѣровъ, которые научаютъ скрывать отъ себя, что сѣдые волосы—свидѣтели приближающейся старости и предвѣстники смерти. Въ самомъ дѣлѣ, что другое внушаютъ эти примѣры, какъ не пренебрегать скоротечностью времени и забывать о смерти? между тѣмъ единственная цѣль нашей бесѣды,—чтобы ты всегда помнилъ о ней. И вотъ, когда я совѣтую тебѣ помнить о твоей сѣдинѣ, ты приводишь въ примѣръ множество знаменитыхъ людей, которые были сѣды! Что въ томъ? Если бы ты могъ утверждать, что они были бессмертны, ты дѣйствительно былъ бы вправѣ, опираясь на ихъ примѣръ, не бояться сѣдины. Упрекни я тебя въ плѣшивости,—ты, вѣроятно, сослался бы на Юлія Цезаря.

Ф р а н ц и с к ъ.

Конечно, ни на кого другого, ибо гдѣ я нашелъ бы болѣе знаменитый примѣръ? Если не ошибаюсь, большое утѣшеніе быть окруженнымъ столь прославленными товарищами. Поэтому, признаюсь,—я постоянно пользуюсь подобными примѣрами, какъ бы предметами ежедневнаго употребленія, ибо мнѣ отраднѣе имѣть что-нибудь подъ рукою, чѣмъ я могъ бы утѣшаться какъ въ тѣхъ невзгодахъ, которымъ подвергаютъ меня либо природа,

либо случай, такъ и въ тѣхъ, которымъ они еще могутъ меня подвергнуть; а дать мнѣ это утѣшеніе могутъ только или могучій умъ, или славный примѣръ. Поэтому, если бы ты сталъ упрекать меня въ томъ, что я боюсь грома, чего я не могу отрицать,—и не послѣдняя причина моей любви къ лавру та, что, по преданію, молнія не ударяетъ въ это дерево,—то я отвѣтилъ бы, что кесарь Августъ страдалъ тѣмъ же недугомъ. Если бы ты назвалъ меня слѣпымъ и я дѣйствительно былъ бы таковъ, то я сказалъ бы, что таковы были и Аппій слѣпой, и Гомеръ, царь поэтовъ; если бы ты назвалъ меня одноглазымъ, то я, какъ щитомъ, прикрылся бы примѣромъ Ганнибала, вождя финикійцевъ, или Филиппа, царя македонскаго; если бы ты назвалъ меня глуховатымъ, я назвалъ бы Марка Красса; если бы ты сказалъ, что я не переношу жары,—Александра Македонскаго. Было бы слишкомъ долго перебирать все, но по этимъ образчикамъ ты можешь судить объ остальномъ.

Августинъ.

Разумѣется. Не скажу, чтобы этотъ подборъ примѣровъ мнѣ не нравился, лишь бы онъ не дѣлалъ тебя безпечнымъ, а только разгонялъ надолго страхъ и уныніе. Я хвалю все, что научало бы тебя не страшиться приближенія старости и не ненавидѣть ее, когда она настанетъ, но глубоко ненавижу и осуждаю все то, что способно внушить тебѣ мысль, что старость—не исходъ изъ этой жизни и что не слѣдуетъ размышлять о смерти. Спокойно переносить преждевременную сѣдину есть признакъ добраго нрава; но замедлять законную старость, скрадывать годы своего возраста, пенять на слишкомъ раннюю сѣдину и либо скрывать, либо выщипывать сѣдые волосы—есть огромное, хотя и общераспространенное безуміе. О слѣпцы! вы не видите, съ какой быстротою вращаются свѣтила, чей бѣгъ пожираетъ и истребляетъ время вашей мимолетной жизни, и дивитесь наступленію старости, которую такъ стремительно приближаетъ къ

вамъ быстрая смѣна дней. Двѣ вещи вовлекають васъ въ это безразсудство. Первое—то, что столь краткую жизнь одни подраздѣляютъ на четыре, другіе на шесть, третьи даже еще на большее число малыхъ частей. Такимъ образомъ вы стараетесь крошечную вещь растянуть въ числѣ, потому что не можете растянуть ее въ дѣйствительности. Но къ чему служить это дробленіе? Придумай, сколько хочешь, частицъ,—почти всѣ онѣ исчезаютъ въ мгновеніе ока:

Ты столь недавно родился: чуть отрокомъ милымъ расцвѣлъ ты,—
Юноша вскорѣ, и мужь.

Видишь, какой стремительной смѣною словъ поэтъ тончайшаго ума изобразилъ движеніе быстротекущей жизни? Поэтому не силътесь растягивать то, что природа, мать всего сущаго, сжимаетъ. Второе—то, что вы старѣетесь среди забавъ и ложныхъ радостей; и потому, какъ трояне, проведя такимъ же образомъ свою послѣднюю ночь, оставались безпечными

Въ часъ, когда конь роковой на троянскія стѣны крутыя
Прянулъ и, тяжкій, въ утробѣ принесъ къ нимъ латниковъ вражьихъ,—
подобно тому и вы не замѣчаете, какъ старость, ведя за собой
вооруженную и неотразимую смерть, переходитъ чрезъ стѣны
вашего неохраняемаго тѣла, пока, наконецъ, окажется, что

Внизъ по веревкѣ спустясь,—

Вторглись вороги въ градъ, и сномъ и виномъ погребенный;

ибо вы не менѣе погружены въ тѣлесную косность и въ сладкое обольщеніе преходящихъ вещей, нежели тѣ, по словамъ Марона, были погружены въ сонъ и опьяненіе. Такъ и сатирикъ не безъ изящества говорить:

Вянеть юность, какъ цвѣтъ однодневный;

Скупо отчисленныхъ дней, торопясь, убываетъ остатокъ.

Буйные, все еще пьемъ, и вѣнковъ, благовоной, любовницъ

Требуемъ: взглянемъ — подсѣла къ намъ гостьей неузнанной
старость.

И вотъ (чтобы вернуться къ предмету нашей рѣчи), ее-то, когда она уже подкралась и стучится въ дверь, ты силишься не впустить, утверждая, что она опередила срокъ, установленный закономъ природы? Ты радъ, когда съ тобою встрѣчается кто-нибудь,—еще не старикъ,—который заявляетъ, что видалъ тебя маленькимъ ребенкомъ, особенно ежели онъ, какъ это общепринято въ разговорѣ, утверждаетъ, что видѣлъ тебя такимъ не далѣе, какъ вчера или третьяго дня; и ты не замѣчаешь, что то же самое можно сказать любому дряхлому старцу, ибо кто не былъ ребенкомъ еще вчера, вѣрнѣе—кто и сейчасъ не ребенокъ? Мы на каждомъ шагу видимъ девяностолѣтнихъ мальчиковъ, ссорящихся изъ-за пустяковъ и все еще погруженныхъ въ изученіе ребяческихъ наукъ. Дни бѣгутъ, тѣло дряхлѣетъ, а душа не мѣняется; все портится и гниетъ, а она не достигаетъ своей зрѣлости. Правду гласитъ поговорка: одна душа изнашиваетъ нѣсколько тѣлъ. Ребяческій возрастъ проходитъ, но ребячество, какъ говоритъ Сенека, остается; и вѣрь мнѣ, ты уже не настолько ребенокъ, какъ тебѣ, можетъ быть, кажется: вѣдь бѣольшая часть людей не достигаетъ того возраста, въ какомъ ты находишься. Поэтому да будетъ тебѣ стыдно слыть влюбленнымъ старикомъ, да будетъ тебѣ стыдно такъ долго быть предметомъ народныхъ толковъ, и если не привлекаетъ тебя почетъ истинной славы и не устрашаетъ безчестье,—поддержи перемѣною своего поведенія по крайней мѣрѣ чужую честь, потому что, если не ошибаюсь, должно беречь свое доброе имя уже для того одного, чтобы оградить своихъ друзей отъ позорнаго обвиненія во лжи. Всякій человекъ долженъ заботиться объ этомъ, ты же—тѣмъ рачительнѣе, что тебѣ надлежитъ оправдать такое множество людей, говорящихъ о тебѣ, ибо:

Трудъ великій—стоять у славы великой на стражѣ.

Ежели въ твоей „Африкѣ“ ты заставляешь твоего любимца Сципіона выслушать этотъ совѣтъ отъ его свирѣпѣйшаго врага,

прими теперь самъ тотъ же совѣтъ изъ устъ любящаго отца. Оставь ребяческій вздоръ, погаси юношеское пламя, перестань вѣчно размышлять о томъ, чѣмъ ты будешь, сознай, наконецъ, что ты есть, не думай, что зеркало безъ надобности поставлено предъ тобою, вспомни, что написано въ „Quaestiones naturales“ ¹⁾: „Ибо для того изобрѣтены зеркала, чтобы человекъ зналъ самого себя. Многіе извлекли отсюда, во-первыхъ, познаніе самихъ себя, во-вторыхъ, и прямые совѣты: красивый—да избѣгаетъ срама, некрасивый—да научится искупать добродѣтелями тѣлесныя недостатки, юноша—да познаётъ, что въ этомъ возрастѣ должно учиться и начинать дѣятельность мужа, старикъ—да откажется отъ плотскихъ мерзостей и начнетъ наконецъ помышлять о смерти“.

Францискъ.

Я всегда помню эти слова, съ тѣхъ поръ какъ впервые прочиталъ ихъ, ибо они достойны памяти и содержать разумный совѣтъ.

Августинъ.

Какая польза отъ того, что ты читалъ и помнишь ихъ? Было бы простительнѣе, если бы ты могъ прикрываться щитомъ незнанія, ибо развѣ не стыдно тебѣ, что, зная ихъ, ты съ появленіемъ сѣдины нисколько не измѣнился?

Францискъ.

Мнѣ стыдно, мнѣ больно, я раскаиваюсь, но больше не могу ничего сдѣлать. Но ты знаешь, какое утѣшеніе для меня, что и *она* старѣетъ вмѣстѣ со мною.

Августинъ.

Ты запомнилъ, вѣроятно, слова Юліи, дочери кесаря Августа, которая въ отвѣтъ на упреки родителя, что ея бесѣда не такъ серьезна, какъ бесѣда Ливіи, отклонила отцовское увѣщаніе

¹⁾ [Сенеки].

остроумнѣйшимъ возраженіемъ: „И твой укоръ будетъ старѣться со мною“. Но спрашиваю тебя: считаешь ли ты болѣе пристойнымъ въ пожитомъ возрастѣ пылать страстью къ старухѣ, нежели любить молодую дѣвушку? Напротивъ, это тѣмъ гнуснѣе, что поводъ къ любви здѣсь слабѣе. Поэтому стыдись, что твоя душа нисколько не мѣняется, тогда какъ тѣло мѣняется непрерывно. Вотъ все, что по времени надлежало сказать о стыдѣ. Но такъ какъ, по мнѣнію Цицерона, крайне нелѣпо, чтобы стыдъ становился на мѣсто разума, то постараемся почерпнуть помощь въ самомъ источникѣ цѣлебныхъ средствъ, т.-е. въ разумѣ. Эту помощь подастъ намъ углубленное размышленіе, которое я послѣднимъ назвалъ изъ трехъ вещей, способныхъ отвлечь душу отъ любви. Знай же, что я зову тебя теперь въ ту крѣпость, которая одна можетъ оградить тебя отъ набѣговъ страстей и стяжать тебѣ имя человѣка. Итакъ, подумай прежде всего о благородствѣ души, которое столь велико, что, если бы я захотѣлъ говорить о немъ обстоятельно, мнѣ пришлось бы написать цѣлую книгу. Подумай о бренности и вмѣстѣ объ омерзительности тѣла, что можетъ дать не менѣе обильный предметъ для размышленія. Подумай о краткости жизни, о чемъ существуютъ книги, написанныя выдающимися людьми. Подумай о скоротечности времени, которой никто не могъ бы изобразить словами. Подумай о смерти, столь неизбѣжной, и о смертномъ часѣ, столь неизвѣстномъ, грозящемъ во всякомъ мѣстѣ и во всякій часъ. Вспомни, что люди ошибаются только въ томъ, что рассчитываютъ отсрочить то, что не можетъ быть отсрочено, ибо нѣтъ человѣка, который бы настолько не помнилъ себя, чтобы, будучи спрошенъ, не отвѣтить, что когда-нибудь онъ умретъ. Итакъ, умоляю тебя, да не обольщаетъ тебя надежда на долгую жизнь, обманувшая уже столь многихъ,—напротивъ, прими въ руководство этотъ стихъ, изреченный какъ бы небеснымъ оракуломъ:

Мысли на каждомъ разсвѣтѣ: мой день разсвѣтаетъ послѣдній.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ всякій день, восходящій для смертнаго, не есть либо его послѣдній день, либо очень близкій къ послѣднему? Подумай также, какъ стыдно, что на тебя указываютъ пальцемъ, что ты сдѣлался предметомъ народныхъ толковъ. Подумай, насколько твое поведеніе противорѣчитъ твоимъ вѣрованіямъ. Подумай, сколько вреда принесла та женщина твоей душѣ, твоему тѣлу и твоему благополучію. Подумай, какъ много ты претерпѣлъ изъ-за нея безъ всякой пользы. Подумай, сколько разъ обрушивались на тебя насмѣшки, презрѣніе, пренебреженіе. Подумай, сколько сладкихъ рѣчей, сколько жалобъ, сколько слезъ ты бросилъ на вѣтеръ. Вспомни, какъ при этомъ сурова и надменна часто была ея бровь, а если когда-нибудь она и бывала милостивѣе,—сколь кратки были эти настроенія и непостояннѣе лѣтняго вѣтерка. Подумай, насколько ты увеличилъ ея славу и насколько она умалила твою жизнь, какъ ты радѣлъ о ея имени и какъ мало она всегда заботилась о твоёмъ состояніи. Подумай, насколько ты ею былъ удаленъ отъ любви къ Богу и въ какія впалъ бѣдствія, кои я знаю, но не назову, дабы не навлечь на себя укора, если кто-нибудь случайно подслушиваетъ эти наши бесѣды. Подумай, сколько дѣлъ осаждаютъ тебя со всѣхъ сторонъ, которымъ предаться было бы для тебя и полезнѣе, и почетнѣе; подумай, сколько на рукахъ у тебя работъ не законченныхъ, которыя завершить было бы гораздо справедливѣе, вмѣсто того, чтобы дѣлать этотъ краткій промежутокъ времени на столь неравныя части. Наконецъ, чего ты добиваешься столь пламенно? Объ этомъ должно подумать внимательно и прилежно, дабы, бѣжавъ, ты не оказался еще тѣснѣе привязаннымъ, какъ неоднократно случается со многими, когда обаяніе внѣшней красоты проникаетъ въ душу чрезъ какія-то узкія щели и усиливается отъ плохихъ лѣкарствъ. Ибо лишь немногіе, всосавъ однажды сей ядъ опьяняющаго сладострастія, находятъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы разглядѣть, а

тѣмъ болѣе—вполнѣ сознать омерзительность женскаго тѣла, о которой я говорю. Душа легко падаетъ вновь, и, влекомая природою, падаетъ всего легче на ту сторону, съ какой она всего дольше была прикрѣплена; нужно всемѣрно остерегаться, чтобы этого не случилось. Изгони всякое воспоминаніе о прежнихъ твоихъ заботахъ, отбрось всякое помышленіе, напоминающее о томъ, чѣмъ были полны и какъ смѣнялись минувшіе годы, и, какъ говорится, сокруши о камень младенцевъ твоихъ, дабы, выросши, они сами не повергли тебя въ грязь. Въ то же время стучись въ небо благочестивыми рѣчами, утомляй слухъ небснаго царя набожными молитвами, не проводи ни одного дня, ни одной ночи безъ слезныхъ моленій, въ надеждѣ, что Всемогущій, сжалившись надъ тобой, быть можетъ, положить конецъ столь тяжкимъ страданіямъ. Вотъ какъ ты долженъ поступать и чего долженъ остерегаться. Если ты будешь старательно соблюдать все это, Господь, я надѣюсь, придетъ тебѣ на помощь и тебя поддержитъ десница непобѣдимаго освободителя. Но такъ какъ я уже много говорилъ объ одной болѣзни (хотя и мало по твоей нуждѣ, но слишкомъ достаточно при краткости отмѣреннаго намъ времени), то перейдемъ къ другому. Остается послѣдній недугъ, отъ котораго я попытаюсь теперь излѣчить тебя.

Францискъ.

Сдѣлай это, отецъ добрѣйшій, потому что отъ остальныхъ я хотя не вовсе излѣченъ, но все же чувствую большое облегченіе.

Августинъ.

Ты чрезмѣрно жаждешь славы людской и безсмертія своего имени.

Францискъ.

Вполнѣ признаю это, и никакими средствами не могу обуздать этой жажды.

А в г у с т и н ъ .

Между тѣмъ можно сильно опасаться, какъ бы, добиваясь необузданно этого пустого безсмертія, ты тѣмъ не закрылъ себѣ пути къ истинному безсмертію.

Ф р а н ц и с к ѣ .

Этого, среди другихъ вещей, боюсь и я, но надѣюсь преимущественно отъ тебя узнать, какими средствами я могу себя обезопасить, такъ какъ ты далъ мнѣ лѣкарства и противъ болѣе тяжелыхъ болѣзней.

А в г у с т и н ъ .

Знай, что ни одна изъ твоихъ болѣзней не такъ опасна, какъ эта, хотя нѣкоторыя, можетъ быть, болѣе гнусны. Но повѣдай: что такое, по-твоему, слава, которой ты такъ страстно домогаешься?

Ф р а н ц и с к ѣ .

Не знаю, требуешь ли ты опредѣленія? Но кому она знакома болѣе, нежели тебѣ?

А в г у с т и н ъ .

А тебѣ извѣстно слово „слава“, самая же вещь, какъ видно по твоимъ поступкамъ, незнакома, ибо, ежели бы ты зналъ ее, ты бы никогда не жаждалъ ея такъ пылко. Въ самомъ дѣлѣ, признаешь ли ты ее почетной и далеко распространенной молвою о заслугахъ, оказанныхъ согражданамъ или отечеству или всему человѣческому роду, какъ въ одномъ мѣстѣ утверждаетъ Маркъ Туллій, или, какъ онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ, часто повторяемой хвалебной молвою о комъ-нибудь,—въ обоихъ случаяхъ ты найдешь, что слава—не что иное, какъ молва. А знаешь ли ты, что такое молва?

Ф р а н ц и с к ѣ .

Въ настоящую минуту это мнѣ не приходитъ на умъ, я боюсь сказать что-нибудь нелѣпое. Поэтому я лучше умолчу о томъ, каково мое мнѣніе.

Августинъ.

Это по крайней мѣрѣ благоразумно и скромно, потому что во всякомъ серьезномъ и особенно во всякомъ спорномъ разговорѣ слѣдуетъ взвѣшивать не столько — что сказать, сколько — чего не говорить, ибо осужденіе за дурно сказанное — больше, нежели хвала за сказанное хорошо. Итакъ, знай, что молва — не что иное, какъ словесные толки объ одномъ, распространяемые устами многихъ.

Францискъ.

Мнѣ нравится это опредѣленіе или, если угодно, описаніе.

Августинъ.

Итакъ, это — лишь дуновеніе, перемѣнчивый вѣтерокъ, и — что покажется тебѣ еще болѣе досаднымъ — дуновеніе многихъ людей. Я знаю, съ кѣмъ говорю; я замѣтилъ, что никто не ненавидитъ нравы и обычай толпы болѣе, чѣмъ ты. Смотри же, какъ превратны твои сужденія! Чьи поступки ты осуждаешь, тѣхъ пересудами ты тѣшишься, — и если бы ты только тѣшился ими, а не видѣлъ въ нихъ вершину своего счастья! Ибо какова цѣль этого неустаннаго труда, постоянныхъ бдѣній и страстной преданности научнымъ занятіямъ? Ты скажешь, можетъ быть: та, чтобы накопить знанія, которыя могутъ быть тебѣ полезны въ жизни. Но вѣдь ты уже давно изучилъ все, что необходимо какъ для жизни, такъ и для смерти; итакъ, слѣдовало скорѣе пробовать на опытѣ, какъ бы перевести въ дѣйствіе эти познанія, нежели продолжать многотрудное изученіе, гдѣ на каждомъ шагу открываются новыя тайны и неразрѣшимыя загадки и гдѣ изысканіямъ нѣтъ конца. Прибавь, что всего тщательнѣе ты отдѣлывалъ тѣ твои труды, которые могутъ нравиться толпѣ, сисясь угодить тѣмъ самымъ людямъ, которые всего больше не нравились тебѣ, собирая у поэтовъ, у историковъ, словомъ — всюду, цвѣточки краснорѣчія, чтобы очаровывать ими уши слушателей.

Францискъ.

Пощади меня, я не могу молча слушать это. Никогда, съ тѣхъ поръ какъ я вышелъ изъ дѣтскаго возраста, я не имѣлъ пристрастія къ цвѣточкамъ знанія, ибо помнилъ многія изящныя изреченія Цицерона, направленныя противъ грабителей слова, и особенно это замѣчаніе Сенеки: „Стыдно мужу искать цвѣточковъ и подкрѣплять свою рѣчь общеизвѣстными реченіями и опираться исключительно на память“.

Августинъ.

Да и я, говоря это, не обвинялъ тебѣ ни въ лѣни, ни въ скудости памяти; но я ставилъ тебѣ въ упрекъ, что ты запоминалъ наиболѣе яркія мѣста изъ читаннаго тобою, чтобы развлекать ими своихъ пріятелей, и отбиралъ какъ бы изъ огромной груды наиболѣе изящныя выраженія, чтобы потчивать ими друзей, а все это—лишь средства для уловленія пустой славы. Наконецъ, не довольствуясь повседневымъ трудомъ, который, несмотря на громадную затрату времени, сулилъ тебѣ извѣстность лишь въ нынѣшнемъ вѣкѣ, ты протеръ свои замыслы въ далекое будущее и возжелалъ славы между потомками. Для этого ты протянулъ руку къ предметамъ болѣе высокимъ: ты предпринялъ написать исторію отъ царя Ромула до кесаря Тита,—огромное произведеніе, требующее много времени и труда. Еще не доведя его до конца, подстрекаемый нестерпимой жаждою славы, ты какъ бы на поэтическомъ кораблѣ переправился въ Африку и теперь такъ усердно трудишься надъ пѣснями упомянутой „Африки“, что другихъ книгъ уже не оставишь. Такъ, расточая цѣннѣйшее и незамѣнимое богатство, ты отдаешь всю свою жизнь этимъ двумъ заботамъ,—о безчисленныхъ другихъ, которыя примѣшиваются къ этимъ, я умалчиваю; ты пишешь о другихъ, и въ это время забываешь о самомъ себѣ, и развѣ ты знаешь, не вырветъ ли смерть усталое перо изъ твоей руки раньше, нежели оба эти

труда будутъ кончены, и ты, въ неумѣренной жадѣ славы спѣша къ ней двумя путями, ни однимъ не достигнешь своей цѣли?

Францискъ.

Признаюсь, иногда я боялся этого. Когда постигла меня тяжкая болѣзнь, я страшился близкой смерти, и тогда ничто такъ не мучило меня, какъ мысль о томъ, что я оставляю „Африку“ готовою лишь наполовину; не желая, чтобы другой исправилъ ее, я рѣшилъ собственноручно предать ее огню, потому что никому изъ моихъ друзей не довѣрялъ настолько, чтобы поручить ему сдѣлать это послѣ моей смерти; я помнилъ, что одной этой просьбѣ нашего Вергилія не внялъ императоръ кесарь Августъ. Коротко сказать, немногаго доставало, чтобы, кромѣ палящихъ лучей близкаго солнца, дѣйствию которыхъ моя „Африка“ всегда подвержена, кромѣ римскихъ факеловъ, которыми она нѣкогда была трижды сильно обожжена,—немногаго доставало, чтобы она сгорѣла еще отъ моихъ собственныхъ рукъ. Но объ этомъ въ другой разъ, ибо это воспоминаніе слишкомъ горько.

Августинъ.

Этимъ разговоромъ ты подкрѣпляешь мое сужденіе. День развязки нѣсколько отсрочень, но сущность остается та же. Что можетъ быть глупѣе, какъ полагать столько труда на дѣло, успѣхъ котораго сомнителенъ? А я знаю, что соблазняетъ тебя не бросать начатой работы: одна лишь надежда окончить ее. Такъ какъ, если не ошибаюсь, мнѣ было бы трудно ослабить въ тебѣ эту надежду, то я попытаюсь моею рѣчью усилить ее, чтобы доказать тебѣ, что даже въ такомъ видѣ она далеко не соотвѣтствуетъ столь обширнымъ трудамъ. Итакъ, вообрази, что у тебя въ изобиліи и времени, и досуга, и спокойствія, что исчезли и душевная омертвѣлость, и тѣлесное изнеможеніе, и всѣ препоны судьбы, которая, временно охлаждая жаръ писанія, часто преры-

вали торопливый бѣгъ твоего пера; вообрази, что все сложилось для тебя какъ нельзя удачнѣе и лучше, нежели ты могъ бы желать, --какой же великій трудъ ты хотѣлъ бы тогда предпринять?

Францискъ.

Разумѣется, прекрасный, рѣдкій и выдающийся.

Августинъ.

Не буду слишкомъ противорѣчить тебѣ; готовъ допустить, что это будетъ прекрасный трудъ. Но если бы ты зналъ, сколь болѣе прекраснымъ трудамъ онъ мѣшаетъ, ты ужаснулся бы своего желанія. Ибо, во первыхъ,—осмѣлюсь сказать,—онъ удаляетъ твою душу отъ всѣхъ заботъ высшаго порядка, и сверхъ того, самый этотъ прекрасный трудъ не можетъ снискать ни далекой, ни долгой славы, ибо онъ связанъ ограниченностью мѣста и времени.

Францискъ.

Я знаю эту старую, избитую истину философовъ, что вся земля подобна одной малой точкѣ, что одна душа живетъ несчетныя тысячи лѣтъ, слава же людская не способна наполнить ни эту точку, ни душу,—и другія изреченія такого рода, которыми пытаются отвлечь духъ отъ любви къ славѣ. Но прошу тебя: если у тебя есть болѣе вѣскіе доводы, изложи ихъ, ибо я по опыту знаю, что все это хотя звучитъ внушительно, но мало дѣйствуетъ. Вѣдь я не мечтаю стать богомъ, стяжать безсмертіе и охватить небо и землю; мнѣ довольно людской славы, ея я жажду, и, смертный самъ, желаю лишь смертнаго.

Августинъ.

О, какъ ты жалокъ, если ты говоришь правду! Разъ ты не жаждешь безсмертнаго, разъ не помнишь о вѣчномъ,—ты весь земной, твое дѣло проиграно, надежды нѣтъ больше.

Францискъ.

Да избавить меня Богъ отъ такого безумія. Мнѣ свидѣтель мой духъ, знающій всѣ мои заботы, что я всегда пылалъ любовью къ вѣчности. Я сказалъ, или, ежели я нечаянно оговорился, я хотѣлъ сказать только, что смертнымъ я пользуюсь какъ смертнымъ, и не пытаюсь насиловать природу вещей безмѣрнымъ и гордымъ желаніемъ; я домогаюсь людской славы, воплигъ сознавая, что и я, и она смертны.

Августинъ.

Насколько это разумно, настолько же въ высшей степени нелѣпо то, что ради пустого дуновенія, которое, какъ ты уже самъ признаешь, исчезнетъ безъ слѣда, ты покидаешь пребывающее вѣчно.

Францискъ.

Нисколько не покидаю, но, можетъ быть, отсрочиваю.

Августинъ.

Но какъ опасна отсрочка при такой быстротѣ непостояннаго времени, при такой скоротечности жизни! И прошу тебя, отвѣть мнѣ на слѣдующій вопросъ: если бы тотъ, кто одинъ опредѣляетъ срокъ жизни и смерти, нынче назначилъ тебѣ только одинъ полный годъ жизни, и тебѣ это было бы извѣстно съ совершенной достовѣрностью, какъ ты рѣшилъ бы истратить время этого года?

Францискъ.

Я сталъ бы тратить его крайне скупо и осмотрительно и всемѣрно заботился бы о томъ, чтобы употреблять его лишь на существенныя дѣла. Едва ли, я думаю, найдется такой бѣшеный и наглый человѣкъ, который не отвѣтилъ бы точно такъ же.

Августинъ.

Одобряю отвѣтъ; но удивленія, какое вызываетъ во мнѣ безуміе людей въ этомъ дѣлѣ, не могъ бы выразить ни я, ни даже

всѣ, кто когда-либо изучалъ искусство слова. Если бы даже собрать воедино всѣ ихъ дарованія и усилія, ихъ краснорѣчіе изнемогло бы предъ истиной.

Францискъ.

Въ чемъ причина столь сильнаго удивленія?

Августинъ.

Причина та, что вы необыкновенно скупы на все надежное и охотно тратите все ненадежное, тогда какъ, не будь вы совершенно безумны, вы должны были бы поступать наоборотъ. Вѣдь какъ ни коротокъ годичный срокъ, но разъ онъ обѣщанъ тѣмъ, кто не обманываетъ и кого невозможно обмануть,—его можно было бы, путемъ дѣленія на части, использовать болѣе или менѣе свободно, заранѣе рѣшивъ посвятить послѣдніе часы заботамъ о спасеніи души. Но таково ваше общее преступное и ужасное безуміе, что, не зная, достанетъ ли времени на послѣднія, высшія нужды, вы тратите его на смѣшной вздоръ, какъ если бы вамъ было отпущено времени въ изобиліи. Тотъ, кому отмѣренъ для жизни годъ, обладаетъ чѣмъ-то достовѣрнымъ, хотя и небольшимъ; тотъ же, кто живетъ подъ властью безсрочной смерти (а подъ этой властью живете вы всѣ, смертные), тотъ не увѣренъ ни въ одномъ годѣ, ни въ одномъ днѣ, ни въ одномъ даже цѣломъ часѣ. Кому назначено прожить годъ, у того, по истеченіи шести мѣсяцевъ, остается еще срокъ въ полгода; тебѣ же, разъ потерявъ нынѣшній день, кто ручается за завтрашній? Вотъ слова Цицерона: „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что намъ придется умереть, но неизвѣстно, придется ли умереть уже сегодня, и нѣтъ никого, какъ бы молодъ онъ ни былъ, кто могъ бы быть увѣренъ, что проживетъ до вечера“. Поэтому я спрашиваю тебя, и о томъ же спрашиваю всѣхъ смертныхъ, которые, зарясь на будущее, пренебрегаютъ настоящимъ: кто знаетъ,

Жизни вчерашній итогъ возрастетъ ли на день завтра?

Францискъ.

Конечно, никто, отвѣчаю я за себя и за всѣхъ; но мы рассчитываемъ по крайней мѣрѣ на годъ, на который, по мнѣнію Цицерона, надѣется всякій человѣкъ, какъ бы старъ ни былъ.

Августинъ.

Но, какъ онъ-же думаетъ, безразсудна надежда не только стариковъ, но и юношей, когда они рассчитываютъ на несомнѣнное вмѣсто сомнительнаго. Но допустимъ,—хотя это совершенно невозможно,—что продолжительность вашей жизни и велика, и обезпечена,—не кажется ли тебѣ крайнимъ безуміемъ тратить лучшіе годы и прекраснѣйшую часть жизни либо на то, чтобы нравиться глазамъ другого человѣка, либо на то, чтобы очаровывать слухъ людей, а Богу и себѣ оставлять худшіе и послѣдніе годы, уже почти ни на что непригодные, приносящіе вмѣстѣ съ концомъ жизни и отвращеніе къ ней, какъ если бы спасеніе вашей души было наименьшею изъ вашихъ заботъ? Итакъ, хотя бы срокъ былъ точно отмѣренъ, не кажется ли тебѣ превратнымъ такой порядокъ, гдѣ лучшее поставлено позади?

Францискъ.

Однако мой замыселъ имѣетъ нѣкоторое основаніе. Я говорю себѣ: пока человѣкъ пребываетъ здѣсь, онъ долженъ добиваться той славы, на какую можно здѣсь рассчитывать, а ту, большую, онъ вкуситъ на небѣ, гдѣ онъ не захочетъ уже и думать объ этой земной. Слѣдовательно, порядокъ таковъ, чтобы смертные прежде всего заботились о смертныхъ вещахъ, и чтобы вѣчное слѣдовало за преходящимъ, ибо переходъ отъ послѣдняго къ первому вполнѣ послѣдователенъ, тогда какъ отъ вѣчнаго къ преходящему вовсе нѣтъ перехода.

Августинъ.

Глупѣйшій человѣчекъ! Значитъ ты надѣешься вкусить и всѣ улады неба, и всѣ утѣхи земли, и думаешь, что и тамъ, и здѣсь

все пойдетъ какъ нельзя успѣшнѣе по твоему желанію? Но тысячи людей были тысячи разъ обмануты этой надеждой, и безчисленныя души ввергла она въ адъ, ибо думая, что стоятъ одной ногою на землѣ, другою на небѣ, они не сумѣли ни здѣсь удержаться, ни туда взойти, и потому плачевно упали внизъ, и дыханіе жизни оставило ихъ внезапно, либо во цвѣтѣ лѣтъ, либо въ разгарѣ приготовленій. И ты не думаешь, что и тебя можетъ постигнуть то же, что постигло столь многихъ? Что если среди твоихъ многочисленныхъ предпріятій ты вдругъ, чего Боже сохрани, потерпишь крушеніе,—какъ будутъ терзать тебя боль и стыдъ и позднее раскаяніе въ томъ, что, гоняясь за многими вещами, ты упустилъ каждую въ отдѣльности!

Францискъ.

Да сжалится надо мною Всевышній, чтобы этого не случилось!

Августинъ.

Небесное милосердіе, правда, разрѣшаетъ чловѣческое безуміе, но не извиняетъ его. Не возлагай слишкомъ большихъ надеждъ на милосердіе, ибо, если отчаивающихся Господь ненавидитъ, то надъ питающими нелѣпыя надежды онъ смѣется. Я сожалью, что услышалъ изъ твоихъ устъ, будто можно пренебречь ветхой, какъ ты сказалъ, побасенкой философовъ объ этомъ предметѣ. Это-ли басня, скажи, когда геометрическими доводами доказываютъ, что вся земля мала, и что она представляетъ собою узкій, хотя и длинный островъ? Или то басня, когда доказываютъ, что изъ всѣхъ такъ называемыхъ поясовъ, на которые иные дѣлятъ землю, обширнѣйшій, именно средній, необитаемъ для людей вслѣдствіе палящаго солнца, а два крайнихъ, справа и слѣва, необитаемы вслѣдствіе жестокихъ холодовъ и вѣчно покрывающаго ихъ льда, а обитаемы только оба остальныхъ, между среднимъ и крайними? Или то басня, когда доказываютъ, что изъ двухъ половинъ этого

обитаемаго пространства одна, лежащая у васъ подъ ногами, недоступна для васъ, такъ какъ отрѣзана широкимъ моремъ (насчетъ того, живутъ ли тамъ люди, какъ тебѣ извѣстно, издавна существуетъ большое разногласіе между ученѣйшими людьми, я же свое мнѣніе объ этомъ предметѣ изложилъ въ книгѣ о Царствіи Божіемъ, которую ты безъ сомнѣнія читалъ), другая же либо цѣликомъ предоставлена вамъ для обитанія, либо, какъ полагають нѣкоторые, раздѣлена на двѣ части: одна служитъ для вашихъ нуждъ, другая же окружена излучинами сѣвернаго океана, которыя закрываютъ доступъ къ ней? Или то басня, когда доказываютъ, что даже это столь малое пространство, гдѣ вамъ можно жить, еще уменьшено заливами, болотами и пустынями, и когда ту пядь земли, на которой вы такъ величаетесь, сводятъ почти на ничто? Или, можетъ быть, то басня, когда вамъ показываютъ, что на этомъ ничтожномъ клочкѣ земли, гдѣ вы обитаете, существуютъ разнообразныя уклады жизни, противоположныя религіи, разноразличныя нарѣчія и несходныя обычаи, что и преграждаетъ человѣку возможность распространять свое имя на далекое разстояніе? Ежели все это кажется тебѣ баснословнымъ, то баснословно и все то, чего я жду отъ тебя, ибо я полагалъ, что никто не знаетъ этого лучше тебя. Вѣдь, оставляя въ сторонѣ воззрѣнія Цицерона и Марона и другія физическія и поэтическія ученія объ этомъ предметѣ, съ которыми ты повидимому какъ нельзя лучше знакомъ,—я зналъ, что еще недавно ты въ своей „Африкѣ“ выразилъ это самое мнѣніе въ прекрасныхъ стихахъ, тамъ, гдѣ ты сказалъ:

Замкнута въ тѣсныхъ предѣлахъ Земля, невеликій пространствомъ
Островъ; сго жъ Океанъ круговымъ обтекаетъ извивомъ.

И далѣе ты прибавилъ разныя другія соображенія; если ты считалъ ихъ ложными, то удивляюсь, зачѣмъ ты такъ настойчиво утверждалъ ихъ? Далѣе, что я могу сказать о скоротечности земной славы и о тѣснотѣ времени, когда ты самъ знаешь, какъ ко-

ротка и юна по сравненію съ вѣчностью память даже о древнѣйшихъ вещахъ? Я не требую, чтобы ты вернулся къ представленіямъ древнихъ, утверждавшихъ, что земля часто подвергалась пожарамъ и наводненіямъ, о которыхъ повѣствуютъ Платоновъ „Тимей“ и шестая книга Цицероновой „Республики“, ибо хотя эти преданія многимъ кажутся правдоподобными, но, безъ сомнѣнія, они идутъ въ разрѣзъ истинной религіи, коей ты наставленъ. Да и помимо этого, какъ много есть причинъ, дѣлающихъ невозможною продолжительную, не говорю уже вѣчную славу! Во-первыхъ, смерть тѣхъ людей, съ которыми человекъ прожилъ свою жизнь, и забывчивость, естественный недугъ старости; далѣе, одновременное возрастаніе славы все новыхъ людей, которая своимъ расцвѣтомъ подчасъ немало умаляетъ славу старыхъ именъ и которая мнитъ себя тѣмъ большей, чѣмъ глубже она отодвигаетъ старшихъ въ тѣнь; сюда присоединяется зависть, неустанно преслѣдующая тѣхъ, кто умираетъ въ ореолѣ славы; далѣе—ненависть къ истинѣ и враждебное чувство, какое возбуждаетъ въ толпѣ жизнь даровитыхъ людей; далѣе—непостоянство общественнаго мнѣнія; наконецъ, разрушеніе гробницъ, которыя превратить въ развалины способенъ, по словамъ Ювенала,

и безплодной смоковницы корень,

что ты въ своей „Африкѣ“ не безъ остроумія называешь второй смертью; и я скажу тебѣ теперь тѣми же словами, которыя ты тамъ вкладываешь въ уста другого:

Вскорѣ поникнетъ курганъ, и мраморъ, надписью гордый,
Рухнетъ. О сынъ мой, въ тотъ день ты смерть испытаешь вторую.

Итакъ, заманчива ли и бессмертна ли слава, которой способно повредить паденіе одного единственнаго камня? Прибавь къ этому гибель книгъ, въ которыхъ ваше имя записано вашей собственной или чужой рукою; пусть это забвеніе наступаетъ позже, такъ какъ

книги долше хранятъ память, нежели гробницы, однако ихъ гибель неизбежна вслѣдствіе безчисленныхъ напастей естественныхъ и случайныхъ, которымъ, наравнѣ со всѣмъ прочимъ, подвержены и книги; да и помимо всего этого, книгамъ при-сущи и своего рода одряхлѣніе, и своего рода смертность, ибо (я хочу опровергнуть твое ребяческое заблужденіе преимущественно твоими же словами)—

Смертнымъ быть надлежитъ всему, что напраснымъ усилюемъ
Смертная мысль создала.

Да что! я не устану донимать тебя твоими же стишками:

Когда же и книги умрутъ, въ ту минуту
Снова самъ ты умрешь. Такъ и третья смерть неизбежна.

Теперь ты знаешь мое мнѣніе о славѣ. Я изложилъ его много-словнѣе, чѣмъ слѣдовало для меня и для тебя, но короче, нежели требовало существо дѣла. Или, можетъ быть, все это еще и теперь кажется тебѣ баснословнымъ?

Францискъ.

Нисколько; твои слова подѣйствовали на меня не такъ, какъ дѣйствуетъ басня, а, напротивъ, родили во мнѣ новое желаніе отказаться отъ моего стараго желанія. Ибо, хотя почти все это было мнѣ уже раньше извѣстно и я часто слышалъ это, -- вѣдь, какъ говорить нашъ Теренцій,

Нѣтъ словъ, что прежде не были бы сказаны,—

однако и возвышенность словъ, и порядокъ рѣчи, и достоинство говорящаго дѣйствуютъ сильно. Но я хотѣлъ бы услышать твое окончательное сужденіе объ этомъ дѣлѣ: приказываешь ли ты мнѣ оставить всѣ мои занятія и жить безъ славы, или ты укажешь мнѣ какой-нибудь средній путь?

Августинъ.

Никогда я не посоветую тебѣ жить безъ славы, но снова и снова посоветую не предпочитать исканія славы—добродѣтели. Вѣдь ты знаешь, что слава—какъ бы тѣнь добродѣтели; и вотъ, подобно тому какъ ваше тѣло не можетъ не бросать тѣни при палящемъ солнцѣ, точно такъ же добродѣтель не можетъ не порождать славы при повсюдномъ сіяніи Бога. Поэтому, кто отказывается отъ истинной славы, очевидно отказывается отъ самой добродѣтели, а если устранить добродѣтель, жизнь человѣка остается голою, вполне подобной жизни безсловесныхъ животныхъ и готовой во всемъ слѣдовать голосу похоти, которая есть единственная любовь звѣрей. Итакъ, вотъ законъ, который ты долженъ соблюдать: люби добродѣтель и пренебрегай славой, а между тѣмъ, какъ сказано о М. Катонѣ, чѣмъ менѣе ты будешь добиваться славы, тѣмъ больше приобрѣтешь ея. Не могу удержаться, чтобы и въ этомъ случаѣ не указать тебѣ на твое собственное свидѣтельство:

Славу гони, отъ славы бѣги: она не отстанеть.

Узнаешь ли ты этотъ стишокъ? Онъ твой. Конечно, безумнымъ показался бы человѣкъ, который среди бѣлаго дня сталъ бы до изнуренія бѣгать подъ палящимъ солнцемъ, чтобы увидѣть свою тѣнь и показать ее другимъ; но нисколько не разумнѣе тотъ, кто среди зноя жизни до изнеможенія бѣгаетъ всюду, съ цѣлью распространить свою славу на далекое разстояніе. Пусть первый идетъ къ своей цѣли,—вѣдь его тѣнь слѣдуетъ за нимъ; и пусть этотъ стоитъ на мѣстѣ, учась добродѣтели,—слава не минетъ его усилий. Я разумѣю ту славу, которая сопутствуетъ истинной добродѣтели; что же касается той, которую доставляютъ другія отличія тѣла или ума, какихъ людская суетность измыслила неисчислимое множество, то она даже не достойна имени славы. И потому ты, который, особенно въ этомъ возрастѣ, такъ изнуря-

ешь себя писаніемъ книгъ, — позволъ сказать тебѣ, — ты глубоко заблуждаешься, ибо, забывая о собственныхъ дѣлахъ, ты всецѣло поглощенъ чужими, и такимъ образомъ, убаюкиваемый пустой надеждой на славу, не замѣчаешь, какъ проходитъ это краткое время жизни.

Францискъ.

Что же мнѣ дѣлать? Долженъ ли я оставить мои работы неконченными? или разумнѣе будетъ ускорить ихъ и, ежели Господь дозволитъ, отдѣлать ихъ вполнѣ? Избавившись отъ этихъ заботъ, я свободнѣе двинусь къ высшей цѣли, потому что я не могу равнодушно кинуть среди дороги дѣла столь важнаго и такъ дорого стоившаго мнѣ.

Августинъ.

Вижу, на какую ногу ты хромаешь. Ты предпочитаешь покинуть самого себя, нежели свои книжки. Тѣмъ не менѣе я исполню свой долгъ, — съ какимъ успѣхомъ, это будетъ зависѣть отъ тебя, — но, во всякомъ случаѣ, исполню честно. Сбрось съ себя тяжелые выюки исторіи: подвиги римлянъ достаточно превознесены и ихъ собственной славою, и дарованіями другихъ писателей. Оставь Африку и предоставь ее ея владѣльцамъ: ты не прибавишь славы ни своему Сципіону, ни себѣ; его невозможно возвысить больше, и ты окольной тропинкой карабкаешься вслѣдъ за нимъ. Итакъ, откажись отъ всего этого, верни себѣ наконецъ самого себя, и (я возвращаюсь къ тому, съ чего мы начали) начни размышлять о смерти, къ которой ты непримѣтно и не сознавая того приближаешься; разорви завѣсы, разсѣй тьму и вперѣ взоръ въ нее; къ ней одной своди все, что представится взору или мысли твоей; мѣняются небо, земля и моря, — на что можетъ надѣяться брѣнное животное — человѣкъ? Безъ остановки, чередуясь, смѣняются времена года, и ежели ты думаешь, что ты

одинъ можешь остаться неизмѣннымъ, — ты ошибаешься; ибо, какъ изящно говоритъ Флаккъ:

Скоро небесный ущербъ восполнять луны; однажды
Мы угасаемъ навѣкъ.

Поэтому каждый разъ, когда ты видишь смѣну весеннихъ цвѣтовъ лѣтней жатвою, лѣтняго зноя—осенней прохлагою и сбора плодовъ —зимнимъ снѣгомъ,—говори себѣ: все это проходитъ, но еще неразъ вернется снова, я же уйду безвозвратно. Каждый разъ, когда ты видишь, какъ тѣни горъ вырастаютъ при заходѣ солнца, говори себѣ: вотъ жизнь уходитъ, и тѣнь смерти удлиняется; но это солнце завтра снова взойдетъ, для меня же этотъ день исчезъ безвозвратно. Кто можетъ перечислить красоты ясной ночи? она —удобнѣйшее время для тѣхъ, кто дѣлаетъ дурное, и вмѣстѣ благодатнѣйшее для тѣхъ, кто совершаетъ благое; и вотъ, будь такъ же насторожѣ, какъ начальникъ фригійскаго флота, ибо ты плывешь не по менѣе опасному морю, и такъ же, какъ онъ, вставай среди ночи, и

Всѣ замѣчай свѣтила, плывущія въ небѣ безмолвномъ.

Видя, что онѣ спѣшатъ къ западу, знай, что тебя несетъ вмѣстѣ съ ними и что тебѣ не на кого надѣяться, кто бы остановилъ твой заходъ, кромѣ Того, Кто самъ недвижимъ и не знаетъ заката. Точно такъ же, когда ты видишь, какъ тѣ, кого ты еще недавно зналъ дѣтьми, восходятъ по ступенямъ возрастовъ, то вспоминай, что въ это же время ты спускаешься по другой тропинкѣ, и тѣмъ быстрѣе, что по закону природы таково свойство всего тяжелаго. Видя обветшалый домъ, думай прежде всего о томъ, гдѣ тѣ, чьи руки его строили; видя новый, вспоминай, гдѣ они будутъ вскорѣ. О томъ же думай при взглядѣ на дерево, съ вѣтвей котораго часто не собираетъ плодовъ тотъ, кто его посадилъ и холилъ, ибо на многихъ оправдался этотъ стихъ изъ „Георгикъ“:

Позднсю позднихъ потомковъ обыметъ дерево тѣню.

Любуясь быстрымъ теченіемъ рѣки (не стану приводить тебѣ чужихъ стиховъ), помни всегда твой собственный стишокъ:

Нѣтъ рѣки, быстротечнѣй валы катящей, чѣмъ время
Дни нашей жизни несетъ.

Да не введутъ тебя въ заблужденіе многочисленность дней и искусственное дѣленіе на возрасты: вся жизнь человѣка, какъ бы она ни была продолжительна, подобна единому дню, и едва ли цѣлому. Вспоминай часто одно уподобленіе Аристотеля, которое, какъ я замѣтилъ, тебѣ весьма нравится и котораго ты никогда не могъ прочитать или услышать безъ глубокаго волненія; ты найдешь его въ Тускуланскихъ бесѣдахъ Цицерона, гдѣ оно изложено болѣе яснымъ слогомъ и болѣе убѣдительно въ слѣдующихъ или совершенно подобныхъ словахъ,—такъ какъ у меня сейчасъ нѣтъ подъ рукою той книги: „У рѣки Гипаниса, которая со стороны Европы впадаетъ въ Понтъ, рождаются, — пишетъ Аристотель,—какія-то небольшія животныя, которыя живутъ одинъ день. То изъ нихъ, которое умираетъ при восходѣ солнца, умираетъ молодымъ, которое въ полдень, — взрослымъ, которое при заходѣ солнца, особенно въ дни солнцестоянія, то умираетъ старымъ. Сравни съ вѣчностью всю продолжительность нашей жизни,—не окажется ли она почти столь же короткой?“ Такъ говоритъ Цицеронъ, и это сужденіе на мой взглядъ такъ вѣрно, что изъ усгъ философовъ оно уже давно распространилось въ толпѣ, ибо развѣ ты не замѣтилъ, что даже среди грубыхъ и невѣжественныхъ людей вошло въ обычай говорить при видѣ ребенка: „для него солнце всходитъ“, при видѣ взрослого—„онъ достигъ полдня“, или „девятаго часа“, при видѣ дряхлаго старика—„онъ достигъ вечера“ или „заката“? Вотъ эти мысли, милый сынъ, призывай себѣ на память, и другія подобныя имъ, какія встрѣтятся; ихъ, безъ сомнѣнія, много, я же привелъ лишь тѣ, которыя сразу сами представились мнѣ. И еще

объ одномъ умоляю тебя: смотри внимательно на гробницы умершихъ, особенно тѣхъ, кто жилъ вмѣстѣ съ тобою, помня, что тебѣ уготовано то же мѣстопребываніе и то же вѣчное жилище. Мы всѣ идемъ туда, это нашъ послѣдній домъ, и ты, который теперь, гордясь послѣдними днями цвѣтущаго возраста, попираешь другихъ своей стопою, ты скоро самъ будешь попираемъ. Помни это, размышляй объ этомъ день и ночь, какъ подобаеть не только человѣку разсудительному и помнящему о своей природѣ, но и философу, и знай, что именно такъ слѣдуетъ понимать изреченіе: „вся жизнь философа—помышленіе о смерти“. Эта мысль, говорю я, научить тебя презирать земное и укажетъ тебѣ иной путь жизни, по которому ты долженъ идти. Но ты спросишь, что это за путь и какими тропами можно выйти на него? Я отвѣчу тебѣ: ты не нуждаешься въ долгихъ увѣщаніяхъ, слушай лишь голосъ духа, неустанно зовущій и понукающій тебя словами: „Вотъ путь въ отчизну“. Ты знаешь, что онъ внушаетъ тебѣ, какіе прямые и кривые пути онъ указываетъ тебѣ, чтобы ты по однимъ шелъ, другихъ избѣгалъ. Ему повинуйся, если хочешь спастись и стать свободнымъ. Не нужно долгихъ разсужденій; подобная опасность требуетъ поступка. Врагъ грозитъ тебѣ съ тыла и нападаетъ спереди; стѣны, въ которыхъ ты посаженъ, сотрясаются, больше нельзя медлить. Какая польза тебѣ сладко пѣть для другихъ, когда ты самъ себя не слышишь? Я кончаю. Бѣги подводныхъ камней, выберись на безопасное мѣсто, слѣдуй влеченію твоего духа: оно мерзко во всемъ другомъ, но прекрасно, когда зоветъ тебя къ добродѣтели.

Францискъ.

О, если бы ты сказалъ мнѣ это вначалѣ, прежде чѣмъ я предался этимъ занятіямъ!

Августинъ.

Я говорилъ тебѣ это часто; и на первыхъ же порахъ, увидѣвъ, что ты взялъ въ руку перо, я предостерегъ тебя, что

жизнь коротка и не обезпечена, что трудъ дологъ и несомнѣненъ, что предпріятіе велико, а плодъ будетъ малъ; но тебѣ заложила уши людская молвь, которую ты, къ моему изумленію, и ненавидѣлъ, и въ то же время признавалъ своей руководительницей. Однако,—такъ какъ мы достаточно долго бесѣдовали,—прошу тебя, если ты узналъ отъ меня что-нибудь пріятное, не дай этому захирѣть въ забвеніи и пренебреженіи; если же иное показалось тебѣ слишкомъ жесткимъ, не оскорбись.

Францискъ.

Я же весьма благодаренъ тебѣ, какъ за многое другое, такъ и за эту трехдневную бесѣду, ибо ты очистилъ мои глаза, покрытые мракомъ, и разсѣялъ густой туманъ окутывавшаго меня заблужденія. Но какъ возблагодарю я ту, которая, не тяготясь нашей многорѣчивостью, осталась съ нами до конца? Если бы она хоть разъ отвратила отъ насъ свой ликъ, мы въ темнотѣ заблудились бы, и либо въ твоей рѣчи не оказалось бы ничего основательнаго, либо мой разумъ ничего не воспринялъ бы. А нынѣ, такъ какъ ваше жилище—небо, я же все еще обитаю землю и не знаю, какъ долго суждено мнѣ еще оставаться здѣсь, и такъ какъ эта неизвѣстность, какъ видишь, терзаетъ меня, то умоляю васъ, не покидайте меня, какъ ни велико разстояніе, отдѣляющее меня отъ васъ, ибо безъ тебя, досточтимый отецъ, моя жизнь была бы печальна, а безъ нея—пуста.

Августинъ.

Будь увѣренъ, что твоя просьба будетъ исполнена; только бы ты самъ не покинулъ себя, иначе ты по справедливости будешь покинутъ всѣми.

Францискъ.

Я постараюсь изо всѣхъ силъ остаться при себѣ, соберу разбросанные обломки моей души и усиленно сосредоточусь въ

себѣ. Правда, теперь, пока мы говоримъ, меня ждуть многія важныя, хотя все еще земныя дѣла.

Августинъ.

Толпѣ, быть можетъ, что-нибудь и кажется болѣе важнымъ; но конечно нѣтъ ничего болѣе полезнаго, и ни о чемъ нельзя размышлять плодотворнѣе, ибо остальные помышленія могутъ оказаться излишними, эти же помыслы, какъ доказываетъ неизбѣжный конецъ, всегда необходимы.

Францискъ.

Признаю это, и не по другой причинѣ спѣшу теперь такъ усердно къ прочимъ дѣламъ, какъ для того, чтобы, выполнивъ ихъ, вернуться къ этимъ. Я хорошо знаю, какъ ты только-что сказалъ, что для меня было бы гораздо надежнѣе заниматься однимъ этимъ дѣломъ и, оставивъ въ сторонѣ кривые пути, избрать прямой путь спасенія, но не могу обуздать своего желанія.

Августинъ.

Мы возвращаемся къ нашему старому спору: ты называешь свое желаніе невозможностью. Но да будетъ такъ, разъ не можетъ быть иначе. Покорно молю Бога, чтобы онъ сопутствовалъ тебѣ и привелъ твои блуждающія стопы въ безопасное мѣсто.

Францискъ.

Да сбудется со мною то, о чемъ ты просишь; да пройду цѣль чрезъ столько распутий, ведомый Господомъ; да не воздымаю самъ праха предъ своими глазами, слѣдуя голосу, зовущему меня; да смирятся бури моей души, да безмолвствуетъ міръ, и да не противится мнѣ судьба.

ИЗБРАННЫЕ СОНЕТЫ КЪ ЛАУРЪ

Въ Амвросіанской бібліотекѣ въ Миланѣ хранится рукописный экземпляръ сочиненій Вергілія, принадлежавшій Петраркѣ съ его юности,—его любимая книга, его неразлучный спутникъ во всѣхъ странствіяхъ. На оборотѣ первой, бѣлой страницы этого фоліанта, которая своей лицевой стороною когда-то была приклеена къ переплету, находится запись въ восемь длинныхъ строкъ, писанная собственноручно Петраркою; эта запись—единственное мѣсто, гдѣ онъ открыто и называя Лауру по имени засвидѣтельствовалъ свою любовь. Вотъ содержаніе этихъ строкъ ¹⁾:

¹⁾ См. приложенное факсимиле. Транскрипція (по Nolhac'у): *Laurea, propriis uirtutibus illustris et meis longum celebrata carminibus, primum oculis meis apparuit sub primis adolescentie mee tempus, anno Domini m^oiiij^o xxviij^o die vj^o mensis Aprilis in ecclesia sancte Clare Auin. hora matutina; et in eadem ciuitate eodem mense Aprilis eodem die sexto eadem ora prima anno autem m^oiiij^o xlviij^o ab hac luce lux illa subtracta est, cum ego forte tunc Verone essem, heu! fati mei nescius. Rumor autem infelix per litteras Ludouici mei me Parme repperit, anno eodem mense Maio die xix^o mane. Corpus illud castissimum ac pulcerrimum in locum Fratrum Minorum repositum est, ipso die mortis ad uesperam. Animam quidem ejus, ut de Africano ait Seneca, in celum, unde erat, rediisse mihi persuadeo. Hec autem ad acerbam rei memoriam amara quadam dulcedine scribere uisum est, hoc potissimum loco qui sepe sub oculis meis redit, ut scilicet cogitem nihil esse debere quod amplius mihi placeat in hac uita et, effracto maiori laqueo, tempus esse de Babilone fugiendi crebra horum inspectione ac fugacissime etatis existimatione conmonear, quod, preuia Dei gratia, facile erit preteriti temporis curas superuacuas spes inanes et inexpectatos exitus acriter ac uiriliter cogitanti.*

Лаура, славная собственными добродѣтелями и долю воспѣваемая моими стихами, впервые предстала моимъ глазамъ въ раннюю пору моей юности, въ лѣто Господне 1327-ое, въ день 6-й мѣсяца апрѣля, въ церкви Святой Клары въ Авиньонѣ, въ часъ утренній; и въ томъ же городѣ, въ томъ же мѣсяцѣ апрѣль, въ тотъ же шестой день, въ тотъ же первый часъ, лѣто же въ 1348-ое у сею свѣта свѣтъ оный былъ отнятъ, когда я случайно былъ въ Веронѣ, увы! судьбы своей не вѣдая. Вѣсть же горестная настигла меня чрезъ письмо моего Людовика въ Пармѣ, въ томъ же году, въ день мая 19-й, поутру. Тѣло ея непорочное и прекрасное было погребено въ усыпальницѣ братьевъ Миноритовъ въ самый день смерти къ вечеру; а душа ея, я увѣренъ,—какъ о Сципионѣ Африканскомъ говоритъ Сенека,—возвратилась на небо, откуда была. Сіе же, на скорбную память о событіи, съ нѣкою горькой отрадою положилъ я написать именно въ этомъ мѣстѣ, которое часто у меня предъ глазами, да вѣдаю, что въ сей жизни ничто не должно мнѣ болѣе нравиться, и дабы частое созерцаніе сею и помышленіе о скоротечности жизни напоминали мнѣ, что послѣ того, какъ порваны крѣпчайшія стѣны, пора бѣжать изъ Вавилона, что помощію Божіей благодати легко станетъ, если строю и мужественно буду памятовать суетныя заботы, пустыя надежды и печальные исходы минувшаго времени.

Начиная отъ современниковъ и даже близкихъ друзей Петрарки, вплоть до новѣйшаго времени, реальность существованія Лауры или, по крайней мѣрѣ, реальность любви къ ней Петрарки не разъ подвергались сомнѣнію. И точно: поэтъ набросилъ густой покровъ на фактическую исторію своей любви,—покровъ, сотканный изъ символовъ, аллегорій и метафоръ; онъ безпрестанно играетъ созвучіями *Lauga—lauro, Lauga—l'auga*, и сладкое имя для

него—то синонимъ славы, то синонимъ идеализированной женственности. Но достаточно одной этой интимной записи Петрарки, чтобы убѣдить потомство въ томъ, что Лаура была живая женщина, любимая Петраркой,— достаточно даже для тѣхъ, кто не умѣетъ слышать звуковъ конкретнаго, неподдѣльнаго чувства среди условной игры и символики *Canzoniere* и въ покаянной исповѣди его „Тайны“ ¹⁾.

Комментаторамъ удалось собрать скудные свѣдѣнія о Лаурѣ. Она родилась около 1307 года въ Авиньонѣ, въ хорошей семьѣ; ея родителей звали Одиберто и Эрмессенда ди Новесь, и у нея были сестра Маргерита и братъ Джованни. 16-мъ января 1325 года помѣчена нотаріальная запись о бракѣ Лауры ди Новесь съ авиньонскимъ *gentiluomo* Уго де Саде. Два съ лишнимъ года спустя, 6-го апрѣля 1327 г., какъ мы знаемъ, двадцати-двулѣтній Петрарка впервые увидѣлъ Лауру у заутрени въ одной изъ авиньонскихъ церквей. Лаура родила своему мужу одиннадцать дѣтей, что не помѣшало ему, послѣ неожиданной смерти Лауры—отъ чумы, въ чумный 1348-й годъ,—спустя семь мѣсяцевъ жениться вторично. Петрарка воспѣвалъ Лауру при ея жизни 21 годъ, послѣ ея смерти—10 и больше. Въ его стихотвореніяхъ нѣтъ ни одного намека не только на взаимное чувство Лауры къ нему, но даже на сколько-нибудь близкое общеніе его съ нею.

Canzoniere состоитъ изъ сонетовъ, канцонъ, сестинъ, балладъ и *trionfi*, и дѣлится на двѣ части: „на жизнь Лауры“ и „на смерть Лауры“. Сонетовъ всѣхъ 317, въ томъ числѣ 227 на жизнь, 90 на смерть Лауры. Передъ друзьями и публикой Петрарка афишировалъ пренебреженіе къ этимъ своимъ произведеніямъ, написаннымъ на „простонародномъ“, т.-е. итальянскомъ языкѣ (въ противоположность латинскому, который считался тогда языкомъ серьезной прозы и высокой поэзіи); втайнѣ же онъ упорно ра-

¹⁾ Выше, стр. 164—204.

боталь надъ ними, по нѣсколько разъ передѣлывалъ инья пьесы, и уже подъ старость самъ обдуманно составилъ тотъ сводъ Canzoniere, который и читается понынѣ; еще за годъ до своей смерти онъ велѣлъ изготовить копію сборника съ такимъ расчетомъ, чтобы въ концѣ каждой части оставалось по нѣсколько бѣлыхъ страницъ на случай добавленій.

М. Г.

С О Н Е Т Ы,
СЛОЖЕННЫЕ
ПРИ ЖИЗНИ ЛАУРЫ.

I.

Era 'l giorno ch'al Sol si scoloraro...
(III-3.)

Былъ день, въ который, по Творцѣ вселенной
Скорбя, померкло Солнце... Лучъ огня
Изъ вашихъ глазъ врасплохъ настигъ меня:
О госпожа, я сталъ ихъ узникъ плѣнный!

Гадалъ ли я, чтобъ въ оный день священный
Была потребна крѣпкая броня
Отъ нѣжныхъ стрѣлъ? что скорбь страстного дня
Съ тѣхъ поръ въ душѣ пребудеть неизмѣнной?

Былъ радъ стрѣлокъ! Открылъ чрезъ ясный взглядъ
Я къ сердцу дверь,—безпечень, безоружень...
Ахъ! нынѣ слезы лью изъ этихъ вратъ.

Но честь ли богу—вливать мнѣ въ жилы ядъ,
Когда, казалось, панцырь былъ ненужень?—
Вамъ—подъ фатой таить желѣзо лать?

II.

Quando fra l'altre donne ad ora ad ora...
(X-12.)

Когда въ ея обличіи проходить
Сама Любовь межъ сверстницъ молодыхъ:
Растеть мой жарь,—чѣмъ ярче женъ другихъ
Она красой побѣдной превосходить.

Мечта, тотъ мигъ благословляя, бродить
Близъ мѣсть, гдѣ цвѣль эдемъ очей моихъ.
Душѣ скажу: „Блаженство встрѣчь такихъ
Достойною ль, душа, тебя находить?

Влюбленныхъ думъ полеть предначертанъ
Къ Верховному, ея внушеньемъ, Благу.
Чувствъ неизменныхъ—тебѣ ль ласкать обманъ?

Она идти къ предѣлу горнихъ странъ
Прямой стезей—дала тебѣ отвагу:
Надѣйся жь, вѣрь и пей живую влагу.“

III.

Io mi rivolgo indietro a ciascun passo..
(XI-13.)

Я шагъ шагну—и оглянусь назадъ,
И вѣтерокъ изъ милаго предѣла
Напутственный ловлю... И ношу тѣла
Влачу, усталый, далѣ—радъ не радъ.

Но вспомню вдругъ, какихъ лишенъ отрадъ,
Какъ дологъ путь, какъ смертнаго удѣла
Размѣренъ срокъ,—и вновь бреду несмѣло,
И вотъ—стою въ слезахъ, потупя взглядъ.

Порой сомнѣнье мучить: эти члены
Какъ могутъ жить, съ душой разлучены?
Она жъ—все тамъ! Ей домъ—все тѣ же стѣны!

Амуръ въ отвѣтъ: „Коль души влюблены,
Имъ нѣтъ пространствъ; земныя перемѣны—
Что значать имъ? Онѣ, какъ вѣтръ, 'вольны“.

IV.

Mie venture al venir son tarde e pigre...
(XXXVIII-44.)

Мгновенья счастья на подъемъ лѣнны,
Когда зоветъ ихъ алчный зовъ тоски;
Но, чтобъ уйти, мелькнувъ,—какъ тигръ, легки.
Я сны ловить усталъ. Надежды лживы.

Скорѣй снѣга согрѣются, разливы
Морей изсохнутъ, неводъ рыбаки
Въ горахъ закинуть,—тамъ, гдѣ двѣ рѣки,
Евфратъ и Тигръ, влачатъ свои извивы

Изъ одного истока, Фебъ зайдетъ,—
Чѣмъ я покой найду, иль отъ врагини,
Съ которой ковы на меня куеть

Амуръ, мой богъ, дождуся благостыни.
И медь скупой—устамъ, огонь полыни
Извѣдавшимъ,—не сладокъ, поздній медь!

V.

Benedetto sia 'l giorno e' l mese e l'anno...
(XXXIX-47.)

Благословенъ день, мѣсяцъ, лѣто, часъ
И мигъ, когда мой взоръ тѣ очи встрѣтили!
Благословенъ тотъ край, и долъ тотъ свѣтель,
Гдѣ плѣнникомъ я сталъ прекрасныхъ глазъ!

Благословенна боль, что въ первый разъ
Я ощутилъ, когда и не примѣтилъ,
Какъ глубоко пронзенъ стрѣлой, что мѣтилъ
Мнѣ въ сердце богъ, тайкомъ разящій насъ!

Благословенны жалобы и стоны,
Какими оглашалъ я сонъ дубравъ,
Будя отзвучья именемъ Мадонны!

Благословенны вы, что столько славъ
Стяжали ей, пѣвучія канцоны,—
Думъ золотыхъ о ней, единой, сплавъ!

VI.

Io son già stanco di pensar si come...
(XLVI-54.)

Я изнемогъ отъ безотвѣтныхъ думъ —
Про то, какъ мысль отъ думъ не изнеможетъ
О васъ одной; какъ сердце биться можетъ
Для васъ одной; коль день мой столь угрюмъ

И жребій пусть, — какъ живъ я; какъ мой умъ
Плѣнительной привычки не отложить
Мечтать о васъ, а лира зовы множить,
Что брегъ морской — прибой праздный шумъ.

И какъ мои не утомились ноги
Разыскивать слѣды любимыхъ ногъ,
За грезюю скитаясь безъ дороги?

И какъ для васъ я столько риѣмъ сберегъ? —
Которыя затѣмъ порой не строги,
Что былъ Амуръ къ поэту слишкомъ строгъ.

VII.

I begli occhi, ond' i' fui percosso in guisa...
(XLVII-55.)

Язвительны прекрасныхъ глазъ лучи.
Пронзенному нѣтъ помощи цѣлебной
Ни за моремъ, ни въ силѣ травъ волшебной.
Болящему отъ нихъ—они жъ врачи.

Кто скажетъ мнѣ: „Довольно, замолчи!
Все объ одной поеть твой гимнъ хвалебный!“—
Пусть не меня винить,—ихъ зной враждебный,
Что изсушилъ другой любви ключи.

Творите вы, глаза, непобѣдимымъ
Оружіе, что точить мой тиранъ,
И стонуть всѣ подъ игомъ нестерпимымъ.

Ужъ въ пеплъ истлѣлъ пожаръ сердечныхъ ранъ;
Что жъ, день и ночь, лучомъ неотвратимымъ
Вы жжете грудь? И пѣть васъ—я жъ избранъ.

VIII.

Perseguendomi Amor al luogo usato...
(LXXIV-87.)

Опять я шель, куда мой богъ-гонитель
Толкаль,—куда приводитъ каждый день,—
Духъ въ сталь замкнувъ, съ оглядкой,—какъ воитель,
Засады ждуцій, скрытыхъ стрѣль мишень.

Я озираль знакомую обитель.
Вдругъ на землѣ нарисовалась тѣнь—
Ея, чей духъ—земли случайный житель,
Чья родина—блаженныхъ въ небѣ сѣнь.

„Къ чему твой страхъ?“—едва сказалъ въ душѣ я,
Какъ лучъ двухъ солнць, подь коимъ, пламенѣя,
Я въ пепль истлѣль,—сверкнулъ изъ милыхъ глазъ.

Какъ молніей и громовымъ ударомъ,
Былъ ослѣпленъ и оглушенъ заразъ
Тѣмъ свѣтомъ я—и словъ привѣтнымъ даромъ.

IX.

La donna che 'l mio cor nel viso porta...
(LXXV-88.)

Та, чьей улыбкой жизнь моя свѣтла,
Предстала мнѣ, сидящему въ соборѣ
Влюбленныхъ думъ, съ самимъ собой въ раздорѣ,
И по склоненью блѣднаго чела—

Привѣтствію смиренному—прочла
Всю смуту чувствъ, и обняла все горе
Такимъ участиемъ, что при этомъ взорѣ
Потухли бѣ стрѣлы Зевсова орла.

Я трепеталъ; не могъ идущей мимо
Я благосклонныхъ выслушать рѣчей,
И глазъ поднять не смѣлъ. Но все палима

Душа той новой нѣжностью очей!
И болью давней сердце не томимо,
И нѣги новой въ немъ поеть ручей.

X.

Quel vago impallidir, che 'l dolce riso...
(LXXXIV-98.)

Внезапную ту блѣдность, что за мигъ
Цвѣтущія ланиты въ снѣгъ одѣла,
Я уловилъ, и грудь похолодѣла,
И встрѣчная покрыла блѣдность ликъ.

Иныхъ любовь не требуетъ уликъ.
Такъ жителямъ блаженнаго предѣла
Не нужно словъ. Миръ слѣпъ; но безъ раздѣла
Я въ духъ съ ней—и въ мысль ея проникъ.

Видъ ангела въ очарованьи томномъ—
Знакъ женственный любовнаго огня—
Напомню ли сравненіемъ нескромнымъ?

Молчаніемъ сказала, взоръ склоня
(Иль то мечта?),—намекомъ сердца темнымъ:
„Мой вѣрный другъ покинетъ ли меня?“

XI.

S'Amor non è, che dunque quel ch'i' sento?
(LXXXVIII-102.)

Коль не любовь сей жаръ, какой недугъ
Меня знобитъ? Коль онъ—любовь, то что же
Любовь? Добро ль?.. Но эти муки, Боже!..
Такъ злой огонь?.. А сладость этихъ мукъ!..

На что ропщу, коль самъ вступилъ въ сей кругъ?
Коль имъ плѣненъ, напрасны стоны. То же,
Чтò въ жизни смерть,—любовь. На боль похоже
Блаженство. „Страсть“, „страданье“—тотъ же звукъ.

Призвалъ ли я иль принялъ поневолѣ
Чужую власть?.. Блуждаетъ разумъ мой.
Я--утлый челнъ въ стихійномъ произволѣ,

И кормщика надъ праздною нѣтъ кормой.
Чего хочу,—съ самимъ собой въ расколѣ,—
Не знаю. Въ зной—дрожу; горю—зимой.

XII.

Race non trovo, e non ho da far guerra...
(XC-104.)

Мнѣ мира нѣтъ,—и брани не подѣмлю.
Восторгъ и страхъ въ груди, пожаръ и ледъ.
Заоблачный стремлю въ мечтахъ полеть —
И падаю, низверженный, на землю.

Сжимаю міръ въ объятяхъ,—сонъ объемлю.
Мнѣ богъ любви коварный плѣнъ куеть:
Ни узникъ я, ни вольный. Жду—убьеть;
Но медлитъ онъ,—и вновь надеждѣ внемлю.

Я зрячъ—безъ глазъ; безъ языка—кричу.
Зову конецъ,—и вновь молю: „пощада!“
Клянусь себя,—и все-же дни влачу.

Мой плачъ—мой смѣхъ. Ни жизни мнѣ не надо,
Ни гибели. Я мукъ своихъ—хочу...
И вотъ за пылъ сердечный мой награда!

XIII.

Le stelle e'l cielo e gli elementi a prova...
(СIII-121.)

Сонмъ свѣтлыхъ звѣздъ и всякое начало
Вселенскаго состава, соревнуя
Въ художествѣ, и въ силѣ торжествуя,
Творили въ ней Души своей зеркало.

И новое намъ солнце возблистало,
И каждый взоръ потупился, предчуя,
Что богъ любви явилъ ее, ликуя,
Чтобъ изощрить на дерзкомъ злое жало.

Пронизанный очей ея лучами,
Течеть эфиръ пылающей купіной,
И можетъ въ немъ дышать лишь добродѣтель.

Но низкое желаніе мечами
Эдемскими гонимо. Міръ свидѣтель,
Что красота и чистота—едино.

XIV.

I'vidi in terra angelici costumi...
(CV-123.)

Я лицезрѣлъ небесную печаль,
Грусть ангела въ единственномъ явленѣѣ.
То сонъ ли былъ? Но ангела мнѣ жаль.
Иль облакъ чаръ? Но сладко умиленье.

Затмили слезы двухъ свѣтилъ хрусталь,
Свѣтлѣйшій солнца. Кроткихъ устъ моленье,
Чтò валъ сковать могло бѣ и сдвинуть даль,—
Изнемогло, истаяло въ томленьѣ.

Все—добродѣтель, мудрость, нѣжность, боль—
Въ единую гармонію сомкнулось,
Какой земля не слышала дотоль.

И ближе небо, внемля ей, нагнулось;
И воздухъ былъ разнѣженъ ею—столь,
Что ни листка въ вѣтвяхъ не шелохнулось.

XV.

Quel sempre acerbo ed onorato giorno...
(CVI-124.)

Тотъ жгучій день, въ душѣ отпечатлѣнный,
Сномъ явственнымъ онъ сердцу предстоитъ.
Чье мастерство его изобразить?
Но мысль лелѣетъ образъ незабвенный.

Невинностью и прелестью смиренной
Плѣнителенъ красы унылой видъ.
Богиня ль то, какъ смертная, скорбитъ?
Иль свѣтитъ въ скорби свѣтъ богоявленный?

Власы—какъ злато; брови—какъ эбенъ;
Чело—какъ снѣгъ. Въ звѣздахъ очей угрозы
Стрѣлка, чьимъ жаломъ тронутый—блаженъ.

Усть нѣжныхъ жемчугъ и живыя розы—
Умильныхъ, горькихъ жалобъ сладкій плѣнь...
Какъ пламя—вздохи; какъ алмазы—слезы.

XVI.

In qual parte del Cielo, in quale idea..
(CVIII-126.)

Ее творя, какой прообразъ вѣчный
Природа-Мать взяла за образецъ
Въ раю Идей?—чтобъ зналъ земли жилецъ
Премудрой власть и за стезею Млечной.

Ея власы—не Нимфы ль быстротечной
Сѣтъ струйная изъ золотыхъ колецъ?
Чистѣйшее въ ней бьется изъ сердець,—
И гибну я отъ той красы сердечной.

Въ очахъ богинь игру святыхъ лучей
Постигнетъ ли мечтательной догадкой
Не видѣвшій живыхъ ея очей?

Цѣлить любовь иль ранить насъ украдкой,
Извѣдалъ тотъ, кто сладкій, какъ ручей,
Зналъ смѣхъ ея, и вздохъ, и говоръ сладкій.

XVII.

Per mezz'i boschi inospiti e selvaggi...
(СХХIV-143.)

Глухой тропой, дубравой непробудной,
Опасною и путникамъ въ бронѣ,
Иду, пою, безпечный, какъ во снѣ,—
О ней, чей взоръ, одинъ, какъ проблескъ чудный

Двухъ солнць,—страшитъ желанье. Безразсудный
Блуждаетъ умъ,—и нѣтъ разлуки мнѣ:
Я съ ней! Вотъ сонмъ ея подругъ: онѣ—
За ясеней завѣсой изумрудной.

Чей голосъ, чу!—звучить, сліянь съ листвою
Ленечущей, сквозь шумъ вершинъ зыбучій,
И птичій хоръ, и говоръ ключевой?..

Милѣй дотоль мнѣ не былъ лѣсъ дремучій,—
Когда бъ лишь солнць моихъ игры живой
Не застилалъ отъ глазъ зеленой тучей!

XVIII.

Una candida cerva sopra l'erba...
(СXXXVIII-157.)

Лань бѣлая на зелени луговъ,
Въ часъ утренній, порою года новой,
Промежь двухъ рѣкъ, подъ сѣнію лавровой,
Несла, гордясь, уборъ золотыхъ роговъ.

Я все забылъ, и не стремить шаговъ
Не могъ (скупецъ, на всѣ труды готовый,
Чтобъ кладъ добыть!)—за ней, пышноголовой
Скиталицей волшебныхъ береговъ.

Сверкала вязь алмазныхъ словъ на выѣ:
„Я Кесаремъ въ луга заповѣдныя
Отпущена. Не тронь меня! Не рань!“..

Полдневная встрѣчала Феба грань;
Но не былъ сытъ мой взоръ, когда въ рѣчныя
Затоны я упалъ—и скрылась лань.

XIX.

О bella man, che mi dstringi 'l core...
(CXLVII-166.)

Прекрасная рука! Разжала ты
И держишь сердце на ладони тѣсной.
Я на тебя гляжу, дивясь небесной
Художницѣ столь строгой красоты.

Продолговато-нѣжные персты,
Прозрачнѣй перловъ Индіи чудесной,
Вершители моей судьбины крестной,
Я вижу васъ въ сіяньи наготы.

Я завладѣлъ ревнивою перчаткой!
Кто, побѣдитель, лучшій взялъ трофей?
Хвала, Амуръ! А нынѣ ты жъ украдкой

Фату похитъ иль облакомъ развей!..
Вотще! Насталъ конецъ услады краткой:
Вернуть добычу долженъ лиходѣй.

XX.

Onde tolse Amor l'oro e di qual vena...
(CLXV-184.)

Земная ль жила золото дала
На эти двѣ косы? Съ какого берега
Принесъ Амуръ слѣпительнаго снѣга—
И теплой плотью снѣжность ожила?

Гдѣ розы взялъ ланить? Гдѣ удила
Размѣрнаго рѣчей сладчайшихъ бѣга—
Усть жемчугъ ровный? Съ неба ль миръ и нѣга
Безоблачно-прекраснаго чела?

Любови богъ! кто, ангель сладкогласный,
Свой чрезъ тебя послалъ ей голосъ въ даръ?
Не дышитъ грудь, и день затмится ясный,

Когда поетъ царица звонкихъ чаръ...
Какое солнце взоръ зажгло опасный,
Мнѣ льющій въ сердце льдистый хладъ и жаръ?

XXI.

Quando'l Sol bagna in mar l'aurato carro...
(CLXVIII-187.)

Когда златую колесницу въ морѣ
Купаетъ Солнце,—съ меркнувшимъ ээиромъ
Мрачится духъ тоской. Въ томленьи сиромъ
Жду первыхъ звѣздъ. Луна встаетъ,—и вскорѣ

Настанетъ ночь. Невнемлющей все горе
Перескажу. Съ собой самимъ и съ міромъ,
Со злой судьбой моею, съ моимъ кумиромъ
Часы растрочу въ долгомъ разговорѣ.

Дремы не подманить мнѣ къ изголовью;
Безъ отдыха до утра сердце стонетъ
И, слезъ ключи раскрывъ, душа тоскуетъ.

Рѣдѣетъ мгла, и тѣнь Аврора гонить.
Во мнѣ—все мракъ!.. Лишь солнце вновь любовью
Мнѣ грудь зажжетъ и муки уврачуетъ.

XXII.

Oh misera ed orribil visione!..
(СХСIII-213.)

Сонъ горестный! Ужасное видѣнье!
Безвременно ль родимый свѣтъ угасъ?
Ударилъ ли разлуки страшный часъ—
Съ тобой, мое земное провидѣнье,

Надежда, миръ, отрада, огражденье?
Что жъ не посла я слышу грозный гласъ?
Ты жъ вѣсть несешь!.. Но да не будетъ! Спасъ
Тебя Господь, и лживо навожденье!

Я чаю вновь небесный ликъ узрѣть,
Дней нашихъ солнце, славу намъ родную,
И нищій духъ въ лучахъ его согрѣть.

Покинула ль блаженная земную
Прекрасную гостиницу,— ревную
О смерти, Боже! Дай мнѣ умереть!

С О Н Е Т Ы,
СЛОЖЕННЫЕ
ПО СМЕРТИ ЛАУРЫ.

I.

Rotta è l'alta Colonna e'l verde Lauro...
(II-229.)

Поверженъ Лавръ зеленый. Столпъ мой стройный
Обрушился. Духъ обнищаль и сиръ.
Чѣмъ онъ владѣль, вернуть не можетъ міръ
Отъ Индіи до Мавра. Въ полдень знойный

Гдѣ тѣнь найду, скиталець безпокойный?
Отраду гдѣ? Гдѣ сердца гордый миръ?
Все смерть взяла. Ни злато, ни сапфиръ,
Ни царскій тронъ—мздой не были бѣ достойной

За даръ двойной былого. Рокъ постигъ!
Что дѣлать мнѣ? Повить чело кручиной
И такъ нести тягчайшее изъ игъ.

Прекрасна жизнь--на видъ. Но день единый,—
Что долгихъ лѣтъ усилюмъ ты воздвигъ,—
Вдругъ по вѣтру развѣтъ паутиной.

II.

Se lamentar augelli, o verdi fronde...
(XI-238.)

Поютъ ли жалобно лѣсныя птицы,
Листва ли шепчетъ въ лѣтнемъ вѣтеркѣ,
Струи ли съ нѣжнымъ рокотомъ въ рѣкѣ,
Лаская брегъ, гурлятъ, какъ голубицы,

Гдѣ бъ я ни сѣлъ, чтобъ новыя страницы
Вписать въ дневникъ любви,—моей тоскѣ
Родные вздохи вторятъ вдалекѣ,
И тѣнь мелькнетъ живой моей царицы.

Слова я слышу... „Полно духъ крушить
Безвременно печалію“,—шепнула:
„Пора отъ слезъ ланиты осушить!

„Безсмертье въ небѣ грудь моя вдохнула.
Его ль меня хотѣлъ бы ты лишить?
Чтобъ тамъ прозрѣть, я здѣсь глаза сомкнула“.

III.

Nè mai pietosa madre al caro figlio...
(XVII-244.)

Не слышаль сынъ отъ матери родной,
Ни мужъ любимый отъ супруги нѣжной
Съ такой заботой, зоркой и прилежной,
Преподалныхъ совѣтовъ: злой виной

Не омрачать судьбы своей земной,
Какіе, малодушный и мятежный,
Приемлю я отъ той, что, въ бѣлоснѣжный
Одѣта свѣтъ, витаетъ надо мной

Въ двойномъ обличьи: матери и милой.
Она трепещетъ, молить и горить,
Къ стезѣ добра влечетъ и нудить силой,---

И, ей подвигнуть, вольный духъ парить;
И миръ мнѣ данъ съ молитвой легкокрылой,
Когда святая сердцу говорить.

IV.

L'alma mia fiamma, oltre le belle bella...
(XXI-248.)

Свой пламенникъ, прекраснѣй и яснѣй
Окрестныхъ звѣздъ, въ ней небо даровало
На краткій срокъ землѣ; но ревновало
Ее вернуть на родину огней.

Проснись, прозри! Съ невозвратимыхъ дней
Волшебное спадаетъ покрывало.
Тому, что грудь мятежно волновало,
Сказала „нѣтъ“ она. Ты спорилъ съ ней.

Благодари! То нѣжнымъ умиленьемъ,
То строгостью она любовь звала
Божественнѣй расцвѣсть надъ вождельньемъ.

Святыхъ искусствъ достойныя дѣла
Глаголомъ гимнъ творить, краса—явленьемъ:
Я сплелъ ей лавръ, она меня спасла!

V.

Levommi il mio pensier in parte, ov'era...
(XXXIV-261.)

Восхитила мой духъ за грань вселенной
Тоска по той, что отъ земли взята;
И я вступилъ чрезъ райскія врата
Въ кругъ третій душъ. Сколь менѣ надменной

Она предстала въ красотѣ нетлѣнной!
Мнѣ руку давъ, промолвила: „Я та,
Что страсть твою гнала. Но маета
Недолго длилась, и неизреченный

Мнѣ данъ покой. Тебя лишь возлѣ нѣтъ, --
Но ты придешь,—и дольняго покрова,
Что ты любилъ. Будь вѣренъ; я—твой свѣтъ“.

Что жъ руку отняла, и смолкло слово?
Ахъ, еслибъ сладкій все звучалъ привѣтъ,
Земного дня я бъ не увидѣлъ снова!

VI.

Quel rosignuol, che si soave piagne...
(XLIII-270.)

О чемъ такъ сладко плачетъ соловей
И лѣтній мракъ живить волшебной силой?
По милой ли тоскуетъ онъ своей?
По чадамъ ли? Ни милыхъ нѣтъ, ни милой.

Всю ночь онъ будить грусть мою живѣй,
Отвѣтствуя, одинъ, мечтѣ унылой...
Такъ, вижу я: самихъ богинь сильнѣй
Царица Смерть! И тѣмъ грозитъ могилой!

О, какъ легко чаруетъ насъ обманъ!
Не вѣрилъ я, чтобъ тѣхъ очей свѣтила,
Тѣ солнца два живыхъ, затмилъ туманъ,

Но черная Земля ихъ поглотила.

„Все тлѣнъ!“—поетъ намъ боль сердечныхъ ранъ, -
„Все, чѣмъ бы жизнь тебя ни обольстила“.

VII.

Nè per sereno ciel ir vaghe stelle...

(XLIV-271.)

Ни ясныхъ звѣздъ блуждающіе станы,
Ни полные на взморѣ паруса,
Ни съ пестрымъ звѣремъ темные лѣса,
Ни всадники въ dospѣхахъ средь поляны,

Ни гости, съ вѣстью про чужія страны,
Ни риѣмъ любовныхъ сладкая краса,
Ни милыхъ женъ поющихъ голоса
Во мглѣ садовъ, гдѣ шепчутся фонтаны,—

Ничто не тронетъ сердца моего.
Все погребло съ собой мое свѣтило,
Что сердцу было зеркаломъ всего.

Жизнь однозвучна. Зрѣлище уныло.
Лишь въ смерти вновь увижу то, чего
Мнѣ лучше бѣ никогда не видѣть было.

VIII.

Tutta la mia fiorita e verde etade...
(XLVII-274.)

Преполовилась жизнь. Огней немного
Еще подъ пепломъ тлѣло. Не тяжель
Былъ жаръ полудней. Передъ тѣмъ, какъ въ долъ
Стремглавъ упасть, тропа стлалась отлого.

Утишилась сердечная тревога,
Страстей угомонился произволь,
И сталь согласьемъ прежнихъ чувствъ расколь.
Глядѣла не пугливо и не строго

Мнѣ въ очи милая. Была пора,
Когда сдружиться съ Чистотой достоинъ
Амуръ, и цѣломудренна игра

Двухъ любящихъ, и разговоръ спокоенъ.
Я счастливъ былъ... Но на пути добра
Намъ Смерть предстала, какъ въ желѣзѣ воинъ.

IX.

Tornami a mente, anzi v'è dentro, quella...
(XLII-290.)

Я мыслію лелюю непрестанной
Ее, чью тѣнь отнять безсильна Лета,
И вижу вновь ее въ красѣ расцвѣта,
Родной звѣзды восходомъ осіянной.

Какъ въ первый день, душою обаянной
Ловлю въ чертахъ застѣнчивость привѣта.
„Она жива“,—кричу,—„какъ въ оны лѣта!“
И дара словъ молю изъ устъ желанной.

Порой молчитъ,— порою... Сердцу дорогъ
Такой восторгъ!.. А послѣ, какъ отъ хмеля
Очнувшійся, скажу: „Знай, обманула

Тебя мечта! Въ тысяча-триста-сорокъ-
Осьмомъ году, въ часъ первый, въ день апрѣля
Шестый — межъ насъ блаженная уснула“.

X.

Gli angeli eletti e l'anime beate...
(LXXX-302.)

Когда она почилъ въ Богѣ, встрѣтилъ
Ликъ ангеловъ и душъ блаженныхъ ликъ
Идущую въ небесный Градъ; и кликъ
Ликующій желанную привѣтилъ.

И каждый духъ красу ея примѣтилъ,
И вопрошалъ, дивясь: „Ужель то ликъ
Паломницы земной? Какъ блескъ великъ
Ея вѣнца! Какъ лень одежды свѣтель!..“

Обрѣтшая одну изъ лучшихъ доль,
Съ гостиницей разставшаяся бренной,
Оглянется порою на юдоль---

И, мнится, ждетъ меня въ пріютъ священный.
За ней стремлю всю мысль, всю мощь, всю боль...
„Спѣши!“—торопитъ шопотъ сокровенный.

XI.

Temmi Amor anni ventuno ardendo...
(LXXXIV-312.)

Лѣтъ трижды семь повиненъ былъ горѣть я,
Амуровъ рабъ, ликуя на кострѣ.
Она ушла,—я духъ вознесъ горѣ.
Продлится ль плачь за грань десятилѣтъя?

Страстей, меня опутавшую, сѣтъ я
Влечить усталъ. Подумать о добрѣ
Давно пора. Твоей, Господь, зарѣ
Я старости вручаю перволѣтъя!

Зачѣмъ я жилъ? На что растратилъ дни?
Бѣжалъ ли я змѣи грѣха ужасной?
Искалъ ли я Тебя? Но помяни

Къ Тебѣ мой вопль изъ сей темницы страстной,
Гдѣ Ты меня замкнулъ, и чрезъ огни
Введи въ Свой рай тропею безопасной!

Перев. Вячеславъ Ивановъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Къ сонетамъ на жизнь Лауры.

I.

„Былъ день, въ который, по Творцѣ вселенной скорбя, померкло Солнце“, - т.-е. Страстная пятница. Петрарка впервые увидѣлъ Лауру, по его собственнымъ словамъ, 6 апрѣля 1327 г.; но 6-ое апрѣля въ этомъ году приходилось на понедѣльникъ Страстной недѣли. Комментаторы не сумѣли удовлетворительно объяснить эту невольную или, можетъ быть, умысленную ошибку Петрарки. Есть и еще одинъ сонетъ, гдѣ онъ называетъ днемъ своей первой встрѣчи съ Лаурою Страстную пятницу.

IV. Существовало преданіе (основанное, можетъ быть, на сообщеніи Бозція), что Тигръ и Евфратъ вытекаютъ изъ одного источника; такъ говоритъ и Данте въ „Чистилищѣ“.

V. Переводъ Д. Мина:

Благословляю день, и мѣсяць, и годину,
И часъ божественный, и чудное мгновенье,
И тотъ волшебный край, гдѣ зрѣлъ я, какъ видѣнье,
Прекрасные глаза, всѣхъ мукъ моихъ причину.

Благословляю скорбь и первую кручину,
Въ какую ввергъ мепя Амуръ въ жестокомъ мщенѣ,
И страшный лукъ его, и стрѣлъ его явленье,
И боль сердечныхъ ранъ, съ которой жизнь покину.

Благословляю всѣ тѣ нѣжныя названья,
Какими призывалъ ее къ себѣ,—всѣ стоны,
Всѣ вздохи, слѣзы всѣ и страстныя желанья.

Благословляю всѣ сонеты и канцоны,
Ей въ честь сложенные, и всѣ мои мечтанья,
Въ какихъ явился мнѣ прекрасный образъ донны!

XV. Этотъ сонетъ составляетъ, вѣроятно, непосредственное продолженіе предыдущаго. Первый стихъ: *Quel sempre acerbo ed onorato giorno,—* подражаніе Вергилію:... *dies... quem semper acerbum, semper honoratum... habebo. Aen. V, 50.*

XVI. Этотъ сонетъ переведенъ также И. И. Козловымъ и В. П. Буренинымъ; перев. Буренина см. „В. Евр.“, 1874 IX 111, переводъ Козлова приводимъ:

Въ какой странѣ небесъ, какими образцами
Природа, оживясь, умѣла намъ создать
Прелестный образъ тотъ, которымъ доказать
Свою хотѣла власть и въ небѣ, и межъ нами?

Богиня гдѣ въ лѣсахъ иль нимфа надъ волнами,
Чьи локоны могли бѣ такъ золотомъ блистать?
Чье сердце добротой такъ можетъ удивлять?—
Хотя мой вѣкъ оно усѣяло бѣдами.

Мечтатель, пламенный еще, не встрѣтятся съ ней,
Божественныхъ красотъ всей прелести не знаетъ,
Ни томнаго огня плѣнительныхъ очей;

Не знаетъ, какъ любовь крушить и исцѣляетъ,—
Кто звука не слыхалъ живыхъ ея рѣчей,
Не зная, какъ она смѣется и вздыхаетъ.

XVII. Лѣтомъ 1333 г. Петрарка возвращался изъ Германіи въ Авиньонъ чрезъ Арденнскій лѣсъ, который въ то время занималъ большую часть Фландріи. Дорога была небезопасна, и рѣдко кто отваживался ѣздить по ней безъ вооруженнаго конвоя; лѣсъ всегда кишѣлъ грабителями, а въ это время здѣсь еще шла война между герцогомъ Брабантскимъ и графомъ Фландрскимъ. Петрарка, какъ видно изъ сонета, совершилъ этотъ путь одинъ, безъ стражи.

XVIII. Этотъ сонетъ написанъ въ 1339 г., но, очевидно, передѣланъ послѣ смерти Лауры. Онъ содержитъ въ себѣ исторію любви Петрарки отъ начала до смерти Лауры, отъ первой встрѣчи („Въ часъ утренній, порою года новой“) до той минуты, когда „скрылась лань“. Надпись изъ алмазовъ, — потому что алмазъ — символъ несокрушимой твердости. Въ первой терціи—намекъ на преданіе объ оленяхъ, пущенныхъ Цезаремъ на волю въ ошейникахъ, на которыхъ была надпись: *Noli me tangere, quia Caesaris sum.* „Полдневная встрѣчала Феба грань“—середина жизненнаго пути, т.-е. 35 лѣтъ, сколько и было Петраркѣ въ 1339 году.

ХІХ. Первый изъ четырехъ сонетовъ, воспѣвающихъ руку Лауры. Написанъ около 1343 года и переработанъ въ 1368-мъ, какъ видно изъ собственноручной помѣты Петрарки: „1368 Maji 19 Veneris nocte concub. insomnis diu, tandem surgo et occurrit hic vetustissimus ante 25 annos: O bella man che mi...“

Къ сонетамъ на смерть Лауры.

1. Переводъ К. Н. Батюшкова:

Колонна гордая! о лавръ вѣчно-зеленый!
Ты палъ!—и я навѣкъ лишень твоихъ прохладъ!
Ни тамъ, гдѣ Индъ живетъ, лучами опаленный,
Ни въ хладномъ сѣверѣ для сердца нѣтъ отрадъ!

Все смерть похитила, все алчная пожрала,
Сокровище души, покой и радость съ нимъ!
А ты, земля, вовѣкъ корысть не возвращала,
И мертвый нѣмъ лежитъ подъ камнемъ гробовымъ!

Все тщетно предъ тобой — и власть, и волхвованья...
Таковъ судьбы завѣтъ!.. Почто жъ мнѣ долъ жить?
Увы, чтобъ повторять въ часъ полночи рыданья,
И слезы вѣчныя на хладный камень лить!

Какъ сладко, жизнь, твое для смертныхъ обольщенье!
Я въ будущемъ мое блаженство основалъ;
Тамъ пристань видѣлъ я, покой и утѣшенье,
И все съ Лаурою въ минуту потерялъ!

Въ этомъ сонетѣ Петрарка оплакиваетъ двойную утрату: Лауры („лавръ зеленый“) и своего друга и покровителя, кардинала Джованни Колонна („столпъ“, „колонна“), умершаго вскорѣ послѣ Лауры.

V. Переводъ И. И. Козлова:

Я къ той былъ увлеченъ таинственной мечтою,
Которую ищу напрасно на землѣ,
И тамъ, гдѣ горній міръ, она предстала мнѣ
Не столь жестокою, еще свѣтлѣй красою.

И молвила она, держа меня рукою:
 „Хочу, чтобъ былъ со мной въ надзвѣздной ты странѣ;
 Я духъ крушила твой любви въ тревожномъ снѣ,
 И прежде вечера мой день былъ конченъ мною.

„Блаженству дивному какъ быть изъяснену!
 Тебя жду одного и чѣмъ тебя плѣняла—
 Мою прекрасную земную пелену“.

Увы! зачѣмъ она рѣчей не продолжала
 И руку отняла!—мнѣ, ими прельщену,
 Ужъ мнилось, что душа на небѣ обитала.

VI. *Переводъ* („вольное подражаніе“) *И. И. Козлова:*

Тоскуя о подругѣ милой,
 Иль, можетъ быть, лишень дѣтей,
 Осиротѣлый и унылой,
 Поеть и стонетъ соловей.

И пѣсню своей кручины
 Въ воздушной тѣмѣ онъ сладость льетъ,
 Плѣняетъ тихія долины
 И будто для меня поеть.

И всю онъ ночь какъ бы со мною
 Горюетъ вмѣстѣ, и своей
 Напоминаетъ мнѣ тоскою
 О бѣдной участи моей.

Но мнѣ, за мой удѣлъ несчастный,
 Себя лишь должно обвинять;
 Я думалъ: смерти не подвластны...
 Нельзя прекраснымъ умирать.

И я узналъ тоской сердечной,
 Когда вся жизнь отравлена,
 Какъ все, что мило, скоротечно,
 Что радость—молнія одна.

X. *Переводъ* *А. Н. Майкова:*

Когда она вошла въ небесныя селенья,
 Ее со всѣхъ сторонъ соборъ небесныхъ силъ,

Въ благоговѣніи и тихомъ изумленьи,
Изъ глубины небесъ слетѣвши, окружилъ.

„Кто это?—шепотомъ другъ друга вопрошали.—
Давно ужъ изъ сграны порока и печали
Не восходило къ намъ въ сіяньи чистоты
Столь строго дѣвственной и свѣтлой красоты“.

И, тихо радуясь, она въ ихъ сонмъ вступаетъ.
Но, замедляя шагъ, свой взоръ по временамъ
Съ заботой нѣжною на землю обращаетъ

И ждегъ—иду ли я за нею по слѣдамъ...
Я знаю, милая! Я день и ночь на стражѣ!
Я Господа молю! молю и жду—когда же?

XI. „Лѣтъ трижды семь“, т.-е. отъ первой встрѣчи до смерти Лауры, 1327—1348; „за грань десятилѣтъ“—послѣ смерти Лауры; писано, очевидно, въ 1358 или 1359 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Франческо Петрарка. Вступительный очеркъ М. Гершензона . . .	3
Письмо къ потомкамъ. Пер. съ латинскаго М. Гершензона . . .	57
О презрѣніи къ міру. Пер. съ латинскаго М. Гершензона . . .	73
Бесѣда I	77
Бесѣда II	111
Бесѣда III	158
Избранныя сонеты. Пер. съ итальянскаго Вяч. Иванова.	
На жизнь Лауры	233
На смерть Лауры	257
Вступительныя замѣтки и примѣчанія М. Гершензона. 55, 71, 227.	269

Иллюстраціи:

Фр. Петрарка, поясной портретъ	1
Источникъ Сорга въ Воклюзѣ, рисунокъ Петрарки	52
Фр. Петрарка, миниатюра	144
Запись Петрарки о Лаурѣ, факсимиле	226